

Oле, с любовью

Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга

АЛЕКСЕЙ ПУРИН

ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

1974–2014

Союз писателей Санкт-Петербурга
Журнал «Звезда»
2015

Пурин А.
П 91 Почтовый голубь. Собрание стихотворений. 1974–2014. —
СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, ООО «Журнал «Звезда»,
2015. — 448 с.

ISBN 978-5-7439-0224-8

Алексей Арнольдович Пурин (род. в 1955 г. в Ленинграде) — поэт, эссеист, переводчик. Автор пятнадцати (включая переиздания) стихотворных сборников и трех книг эссеистики. Переводит немецких и голландских (в соавторстве с И. М. Михайловой) поэтов, опубликовал пять книг переводов. Лауреат Санкт-Петербургской литературной премии «Северная Пальмира» (1996, 2002) и др.

В настоящем издании представлены лучшие стихи автора за четыре десятилетия литературной работы, включая новую, седьмую, книгу «Почтовый голубь» и полный перевод «Сонетов к Орфею» Р.-М. Рильке.

Книга подготовлена к печати ООО «Журнал «Звезда».

ББК 84.Р7

Алексей Пурин
ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ
Собрание стихотворений
1974–2014

Подписано в печать 01.09.2015. Формат 84 × 108 1/32 .

Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Усл. п. л. 23,52. Тираж 300 экз. Заказ № 83.

Санкт-Петербургская общественная организация
«Союз писателей Санкт-Петербурга»
191186, Санкт-Петербург, Невский пр. д. 7-9.
Отдел реализации (812) 273-37-24

16+

Отпечатано с готовых диапозитивов в «ИПК „Бионт“»
199026, Санкт-Петербург, В. О. Средний пр., 86.

© Алексей Пурин, 2015
© В. Бердник, худож. оформление, 2015
© Арон Зинштейн, портрет, 2015
© ООО «Журнал «Звезда», 2015

ISBN 978-5-7439-0224-8

АРХАИКА

Sonst stünde dieser Stein entstellt und kurz
unter der Schultern durchsichtigem Sturz
und flimmerte nicht so wie Raubtierfelle;

und bräche nicht aus allen seinen Rändern
aus wie ein Stern: denn da ist keine Stelle,
die dich nicht sieht. Du mußt dein Leben ändern.

Rainer Maria Rilke. Archaïscher Torso Apollos. 1908

(Не то б обломком грубым пренебречь
ты мог, обвалом мышц в пролете плеч, —
и не лоснился б он звериной шкурой,

тебя не уставая изучать,
как звездным оком, каждой складкой хмурой.
Ты должен жизнь по-новому начать.

Райнер Мария Рильке. Архаический торс Аполлона)

I

САД

Гулко, снежно, светло и зыбко.
Сад ведет сквозь себя, как скрипка,
не задумываясь, мотив,
клены, липы, дубы, ступени
галереи, сугробы, тени
от деревьев позолотив.

За стволами дворец синеет.
Мраз скрыпит в суставах скамеек.
Для чего мне льдистый размер
этот нужен — и так морозно?
И сосульки горят — как блесна
или градусники, например.

Не Ахматова ль им писала?
Папиронного дыма лекало
уплывает в сторону. Ветр
словно вымер. Вокруг ни звука —
глухота натяженья лука
и безмолвия ровный метр.

Для чего я пишу — не знаю.
Но писанья не променяю —
как бы ни была несладка
эта доля. Отсюда видно —
до чего она незавидна.
И в перчатке стынет рука.

Стынут урны, кусты, киоски.
Стынет слабый дым папироски.
Стынет воздух горных высот.
Стынет мир. А резвая строчка —
лишь пушистая оторочка
этих лютых зимних красот.

Стынет сад Царскосельский — ледник.
Что поделать — я тех наследник,
кто и круче знал мороз.
Стынут пальцы, перо, чернила.
Стынет всё, что мне было мило,
волновало до слез.

Ух, какой колотун в России!
Но не в силах просторы сии
променять мы на рай земной —
где шумит под скалою море
и, олицетворяя горе,
виноградник стоит хмельной.

Обожали, потом бежали —
лучше б в русской земле лежали,
всё равно нам один конец.
Стынут пики — как на параде.
И летучей мышью в ограде
стынет черный царский птенец.

Стынет сад, и пруд, и дорога,
и Природа, в которой Бога
не содержится ни на грош.
Стынет Тельмана лоб железный.
Стынет век, кровавый и слезный.
Стынет музы девичья ложь.

Ничего нет страшнее слова:
и зерно оно, и половы —
разве знаешь, что в кулаке?
Стынет зелень зимнего свода.
Стынет слово — слава, свобода.
И снежинка — бритвой в руке.

Может статься, стихописанье
есть уход от знанья в незнанье,
но скорей — паренье, полет,
замещенье. Я начал страхом
и вниманьем к смертям и плахам,
а закончу — наоборот —

восхищением этим снегом.
Мирозданья гипсовый слепок
гармоничен, точен и строг.
Божество таится в творенье.
И неровное сердцебиенье
выправляется шагом строк.

Пусть дыханье клубится паром
и румянец горит — недаром
родились мы в этой стране,
где здоровье живет в хворобах,
где декабрьская кровь в сугробах —
как на свадебной простыне.

Кисловатый дичок Европы,
этот воздух остужен, чтобы
пробирали нас до костей
Камерон и любовь к отчизне,
роковая непрочность жизни
и мерцанье звездных путей.

Стынет сад. Здесь бродил Жуковский,
завернувшись в плащ стариковский,
он как Лазарь уже глядел —
тосковал по прежнему веку,
полагая, что человеку
и Поэзии есть предел.

Мы простим ему эту слабость.
Стынет сада вечная младость —
юный воздух, зимний, сухой,
и прогулочный хруст арбузный,
и бутылочный лед медузный.
А строка живет чепухой.

* * *

E. B. Рейну

В Царском Селе, запотевшем, как тонкий стакан,
бритоголовый немецкий стоит истукан.
Мечутся листья, в чугунное сердце стучат
пятиконечным кровавым куском кумача.
Траурный поезд протащит гремящий вагон
сквозь погребальные сети летящих ворон.
Зимняя сказка (Германия) — не за горой,
в кружеве камня чернеет снарядной дырой.
И крепкогрудые, как ветераны борьбы,
деревенеют в аллеях пустые дубы.

Где же твой Гамбург, багровый его горизонт?
Разве что ржавая жесть проскрежещет: «Рот фронт!»
Мертвой лакуной застыл говорливый ручей.
Некому слушать трескучие сучья речей.

* * *

А хорошо ли уйти навсегда
в ледник студеный осеннего сада,
где отражает лекало пруда
золотолиственный холод наряда
царственных кленов, где стынет звезда —
кинута в медно-чернильные сети, —
в эти дворцы необжитые, в эти
полуполя, где стучат поезда, —
и не увидеть уже никогда
клейкую зелень и певчие своды —
праздник грядущий бессмертной Природы,
не затуманенной чувством стыда?

* * *

Живу я, а Ты незаметен
за блеском сентябрьского дня.
Но столько теней и отметин
Твой свет положил на меня,
что верю: я — Твой отпечаток,
и ангел Твой рядом со мной
идет, не снимая перчаток,
сквозь город и дождь проливной. —

В осеннем саду изваянья
смущают немой белизной:

сияет — и меркнет в зиянье
ознобом пронизанный зной.
Смотри, Проявитель: чернее
душа моя день ото дня.
И, может быть, тот, рядом с нею
идущий, Тебе не родня.

* * *

Когда мы свернем от Руины направо —
и ражие богатыри-
дубы прошумят нам осеннюю славу,
осанну, ты скажешь: «Смотри!
Природа лежит среди дыма и мрака,
от страха закрывшись рукой,
как тело забывшегося Исаака
на Божьей вязанке сухой», —
и жаркой ладонью меня за запястье,
небесный посланец, возьмешь...
И сердце замрет от нездешнего счастья,
не веря в красивую ложь.

* * *

В золоте позднего пыла
полуувядшей ольхи
женщина мне объяснила,
что же такое стихи:
не волшебство, но сиротство,
зрение и мастерство,
светлое, страшное сходство
слова и тени его...

Вновь, когда минули годы
и поэтессы в живых
нет, напряженные своды
вижу небес голубых
над Ереваном... Как верно
сказано! Но сверх того
это ведь — жизнь и, во-первых,
сбивчивость и волшебство.

* * *

О, нет, не для славы... Тогда для чего
или для кого — это словотерзанье,
и духоборенье, и бездн разверзанье,
и полураспад естества самого?

О, нет, не для славы и не для любви —
о, не для любви! — это крови кипенье
в сиянии слов, это стихотворенье
о славе и смерти, тоске и любви...

И я не пойму, для чего же оно —
и не для потомков, и не для любимой;
и неуловимый его, нелюдимый
сокрыт адресат, а значенье темно.

* * *

«Не царствуйте, цари, и ты, императрица...
Венера мне сестра, я сам на Пинде царь...
Мой друг Наполеон... Вселенна заключится
в мою златую цепь... А кесарь мой косарь...

Я памятник воздвиг, прославя Вас в альбоме...
Не знает смерти он... В печати буду жить...»
...И белая доска на желтом этом доме
лоб глянцем восковым не в силах охладить!

И Вологды лежит бессмысленное лето.
И душно в шерстяном лохматом пиджаке.
Сиди, как на крючке, не находя ответа,
и страшный этот мир разглядывай в тоске...

Измученный зрачок свербят сухие травы,
и потная ладонь — в скамеечной пыли...
Что хуже может быть бессмертия и славы —
блаженны канувшие в пропасти земли!

* * *

Лопоухий Батюшков! Из глины
северной и Тассовой лозы
склеивший дыханье окарины
и гнездо для сладостной слезы —
русской музы девичьи смотрины,
ужаса российского азы.

Он, несчастный, не зарытый в землю,
сотоварищ ласточек и стеблю,
полуспя — как облако и клен,
ничего не помнящий, не ждущий,
от насущной вечности грядущей
лишь доской дубовой отделен.

* * *

Нас было двое — Батюшков и я —
на станции. Летейская струя
стучала лодкой о ступень причала.
Дымилась Лета. Багровела мгла.
Ну и погода — вроде помела!
И, как земная музыка, кричала
ночная чайка...

Выехав с утра,
хотел вернуться к вечеру. Вчера
был ясный день, и весь Аид — как в раме
Венеция! Тут — Стикс, там — Ахеронт,
втекающий в Коцит... Свой серый зонт
оставил в нумерах, где вечерами
читаем нечто... Вдруг — заволокло
всю плоскость, всё хрустальное стекло
клубами дыма. Яростная pena
покрыла реку — треск: грот-мачта — бряк! —
осела... Капитан, седой моряк,
ругнулся крепко. Выпуклая вена
на лбу его синела...

Всех других
увез баркас попутный. Я же, стих
начав alexандрийский, взять билета
не пожелал. И вот сижу в дыре,
сырой и смутной, словно в сентябре
земном. А за стеною плещет Лета,
как некогда Нева...

В печи золу
мешая кочергой, в другом углу
расположился Батюшков — проездом
в Элизиум... Тревожно и темно
трещит огонь — забытое кино...
Его глаза подобны влажным звездам,

здесь никогда не видимым... О чём
мне говорить с ним? Красным кирпичом
печь выложена. Глухо и несмело
гудит огонь... Пиитов ремесло
не единит... И рифма, как назло,
не лезет в панцирь жесткого размера...
Когда бы Пушкин! — «в наши резвы дни
давайте вспомним, парни, о Парни!»,
«роняет лес багряные уборы»
и «выпьем за любовь!» А тут пойми:
на смерть Бобо, Лилы или Мими
мы слезы льем и клоним долу взоры?..
Так думал я. И был не прав, когда
я думал так. Ну что же за беда —
в Аиде милом истина не в моде...
Но тут в транзитный зал открылась дверь...
И я бледнею, право, и теперь,
припомнив дикий выкрик: «Нессельроде!»
Была ль та тень — министра тенью, я
не знаю точно. Шаткая скамья
вдруг хрустнула — и всё перемешалось.
И Батюшков исчез. И никого.
Лишь крупный снег над Летой... Сквозь него —
и смерть, и сумасшествие — лишь шалость.

* * *

Веневитинов долго на перстень смотрел,
а потом прошептал: «Неужели
я женюсь?..» Жаркий уголь в камине алел,
и поленья веселые тлели...

Разумеется, в двадцать два года легко
умирать, мой хороший, когда

сквозь морозные стекла видна высоко
вознесенная в небо звезда.

И Амур, улыбаясь, натруженный лук
опускает — от счастья без сил.
И толпится последний мальчишник вокруг —
березняк среднерусских верзил.

* * *

Вот сон. Сырым напором ветра
развернут парус над кормой.
Прощай, суровая Деметра,
припорощенная зимой!

Приелись нам твои акриды...
Уже и Лесbos мы, и Крит
прошли — и рокот Амфитриты
с раскрытым сердцем говорит

родным гекзаметром. Устало,
светло разглядываем мы
Италии зеленоталой
волной рожденные холмы...

Ну, здравствуй, лирики Итака!
Земной Элизий ждет нас тут —
ты рад?.. Но спутник полон мрака:
его Евгением зовут.

ЭЛЕГИЯ

О метаньях по замкам над Адриатическим морем,
о плутаньях в пространствах, о жизни и смерти, о сне...
Что мы делаем — пишем слова, мирозданию вторим? —
об альпийской зиме, о былой флорентийской весне,

о крушенье листвы, о разладе вселенной, о родах
немоты, о Родене... И музы нас рвут на куски...

Что мы делаем, Райннер, среди тугоухих народов,
опаленные небом, вкушившие вечной тоски —

той иронии, Райннер, подруги румяного Гёте?

Всё равно не вдохнуть леденящий кристалл высоты,
всё равно не вобрать безгранично-всемирной дремоты
бесконечного Бога, с которым мы, Райннер, «на Ты», —

ни сиянью богов, ограниченно-смертных по сути,
ни собору в Рароне, где ты в окружении гор
и лугов пребываешь, как вещь, в золоченом сосуде
пустоты и свободы... Лишь свода небесного хор

не устанет нам лгать о спасенье... Серебряный лайнер
разрезает лазурь — от сверкания больно смотреть....
О слепящих предметах, об их превращениях, Райннер, —
превращениях образов в необозримую смерть.

ТАРТУ

1

Студенты в шапочках гуляют —
дурацких, с черным козырьком —
и вдохновенно выпивают
горячий кофе с молоком.

Тяжеловесность мирозданья —
для них словесности труха.
Ах, факультеты, до свиданья, —
как пух, вселенная легка!..

В готической библиотеке
спит философия в пыли.
Как сумасшедший пиротехник,
парк кроны вывернул вдали.

Багровые и золотые,
они раскрыты в небеса,
напоминая молодые
студенческие голоса.

И Ректор брови не нахмурит
на эту детскую тщету:
Он знает всё — и трубку курит,
роняя искры в темноту.

2

Мокрая ночь — за молочным окном.
Трубку раскурим.
— Как там, Языков, в мире ином?
— Холодно, Пурин...
— Баловень влажной ливонской пурги,
солнечной Ниццы,
что там, Языков? — Не видно ни зги... —
Трубка дымится.
Трубка шипит и мигает. И сеть
дыма — резная.
— Как там мертвится, Языков, ответь,
тлится? — Не знаю... —
Трубка чадит, потухая. Раскрыт
сумрак рассветом.
— Что там, Языков? — Увидишь, — твердит, —
хватит об этом...

* * *

Усталый Вяземский с листа
мне рот кривит улыбкой едкой.
За этою грудною клеткой —
тоски гнилая пустота.

На камердинера похож
или на старого лакея —
уже не ставящий ни в грош
игрушки резвого Алкея...

Господь наш — путаник. Взамен
сорокалетнего невроза
не лучше ль: Вяземскому — тлен,
а Веневитинову — роза?

* * *

Велосипедист и рычащий мотор
въезжали во двор — и, увы,
безвыходным был этот пасмурный двор,
сады — тяжелы от листвы.
Трещали костры. Пробивала трава
торцовые швы мостовой.
В садах футуристы пилили дрова
горячей лиловой пилой...

Ни слова о времени — в книге. Знамен
не виден взметенный кумач.
Прозрачная строгость античных имен.
Прохлада усадеб и дач.
Селим, Андромеда, Диана, Персей.
Европы и Азии твердь...
Но нам ли не ясно, что это во всей
России — разруха и смерть?

КРЕСТОВСКИЙ ОСТРОВ

1

По деревянному пройду
мосту, повисшему над Летой.
Листвою пахнет разогретой
в полуразрушенном саду.

Пловчиха в гипсовых трусах,
с ногой отбитой и невзрачной.
И вечер отрочества дачный —
в соряющих пухом тополях.

В какой-то довоенный сон,
с его наивностью безмерной,
заброшен я. И тридцать первый
сияет год со всех сторон.

К реке байдарку, как в немой
документальной киноленте,
легко, не думая о смерти,
несут, подняв над головой.

2

Между погнутых прутьев решетки чугунной
выпирает листва.
И цементный фасад, Петроградской коммуной
возведенный, мне виден едва.

Пыльный, грузный, обвисший, изношенный тополь
облетает, увы!
С каждым часом мрачнее Крестовский некрополь —
груды мусора, щебня, травы.

Здесь в пинцете сентябрь, словно фотобумагу,
держит ту пятилетку, когда
сквозь свинцовые звуки «Ванцетти и Сакко»
проступала беда.

И бессмертьем стахановок-многостаночниц
листопада мелькает челнок,
мельтешенье осенних серебряных ножниц
и лавсановых арф холодок.

СТИХИ ИЗ РОМАНА

1

Ночное купанье на даче
в лесной волосатой реке.
Смычки горячи, и незрячи
зрачки, и очки — в башмаке.

Еловая колкая шуба.
Холодного счастья стрела.
Осенними листьями дуба
звучат золотые тела.

Они — молодые, нагие,
забывшие имя и чин —
в лечебнице от ностальгии
по слитности первопричин

оставили гречные мысли
и, распространяя лучи,
в беспрепятных водах повисли —
бесполые эльфы в ночи.

Не женское и не мужское —
а словно стоокий просвет

в пространство такого покоя,
какому и имени нет.

Не «тот» и не «та», но высоты
раскрытых небесных дверей.
Стоустые Божии соты,
как звать вас — «Марина», «Андрей»?

2

У речки ночной, как на сцене —
среди декораций и хвой,
то тонешь в ковре по колени,
то бархат задел головой.

Все дачники спят и собаки
в поселке. И пухнет ушной
пронзительный вакуум. В страхе
оглянешься — кто за спиной?

Какой-то дневальный небритый
в колючей шинели седой,
пахучим лосьоном облитый,
стоит над черничной водой,

под лунной секирой. И птица
вспорхнет вдруг из-за обшлага...
Душа ничего не боится,
но кожа — ее берега:

ей жалко разлиться... Как глупо
в чернильнице плавать такой,
где вот-вот еловая шуба
медвежьей нас тронет рукой...

Всё кажется: зудом и писком
облепленный, вылезешь лишь —
взлетит этот занавес с визгом,
ослепнешь, как в зал поглядишь.

КОКТЕБЕЛЬ

Какой-то то ли мох, то ли лишайник
бежит с откоса, вставленный в ошейник
борея, — к морю, вниз, к седым валам
залива. Пароход кипит, как чайник,
на горизонте — или как кофейник,
в котором кофе с Крымом пополам.

Во мраке Карадаг на носорога
похож. И щебетовская дорога
извилистой желтеет полосой.
Слепящим шаром ставшая, как Шива,
пылит вдали, скользя, автомашина,
отбрасывая в горы луч косой.

Мы выйдем к морю. Бархатная пена
дробится о базальтовые стены —
и отступает, шумно и легко.
И ночь, тысячекрылая химера,
тверdit векам гекзаметры Гомера,
а рифмы звезд гремят невысоко.

Цветет миндаль. Другого места в мире
нельзя найти, где пристальней и шире
бессмертная становится душа, —
сквозной прохладой вечности объята,
на ужас европейского заката
глядит она, ясна и хороша.

ТРАМВАЙ

Не трамвай — эрмитажный подвал:
все пороки, весь пыл, всё величье —
вот Аврелия мудрый овал,
вот обличье Вителлия бычье,
вот Бальбин Антиною орет,
в спертом воздухе липкий как тесто:
«Что расселся, патлатый урод,
уступи инвалидное место!»

Соболезнуют шумно вокруг,
как в античной трагедии, бабки.
Роковые скрещения рук,
сумки, сетки, портфели и папки...
Но уж если гроза за окном,
смотрим в сумрак, притихшие — что там?
Пахнет морем и прелым сукном,
римским летом и воинским потом...

Не вода ли, по стеклам слезаясь,
не внезапная ль искра озона
озаряют незримую связь —
вне любого земного резона?
Несмотря на различие вер
и на то, что тут каждый — антоним,
мы прикованы к веслам галер —
и все вместе, конечно, утонем.

* * *

Август приносит плоды в дом на фарфоровом блюде —
хочет задобрить, смирить, просит прощенья за то,
что наступает пора новую брешь в изумруде
с каждой прогулкой латать... Летнее впору пальто...

Хрупкий, как труп стрекозы, полу забыт у осины
велосипед — колеса жалкие спицы лучит...
Запах червивой земли в запах гнилой древесины
влит — и напиток хмельной трезвостью терпкой горчит.

Боже, ответь мне, зачем яблоки эти и сливы,
если так пусто в груди, если так сердце свело
от непомерных щедрот тризны, как «белым наливом» —
челюсти, если в траве мхом обрастают весло?..

Что же, оратай, бери страшные эти подарки —
и обезлюдевший пляж, и раздевалки торец...
Больше не нужен фонтан — как он распрыгался в парке,
сех хрустальную взвесь! — чует ли близкий конец?

Рыба в прибрежном стекле тусклыми жабрами дышит.
Выпуклой, грузной листве плотная вторит вода...
Гулкая вата — в ушах: крикни — никто не услышит...
Лишь золотой саркофаг светит до первого льда.

* * *

Ничего на листе не напишешь,
не прочтешь — на кленовом, сухом...
Светлым ядом бессмертия дышишь
в парке, выметенном сквозняком.

Что горящая рукопись скручен,
в дрожи черных и красных чернил,
он неясным ознобом измучен,
а вчера еще — цвел и манил...

Есть угрюмая в осени проредь —
как бы выношенность бытия:
так просторно, что не о чем спорить
и любая дорога — твоя.

В этом призрачном тусклом пыланье,
где возможности воспалены,
исполняют любые желанья...
Только не называют цены.

ОСЕНЬ

Огрубевшие и жестяные
листья — что на могильном венке,
крупных капель круги водяные
да холодное пиво в ларьке...

Что ж ты, осень, с кривою усмешкой
шепчешь ужасы нам — перестань!..
Рваный воздух, сырой и поблекший, —
как из гроба прогнившая ткань.

Словно вычерпан, вычеркнут, прожит,
кончен, выгорел весь до нутра
мир — и выжить ничто не поможет,
кроме грифеля или пера...

Может статься, призванье и сила
в том искусства, чтоб страхи и грусть
усмирять, успокаивать: было
и с другими такое, не трусь!..

Листья ветром, как спички о короб,
исчиркав до последнего все,
побелел и осунулся город —
в восковой просветленной красе.

Так владельцы лежат пистолетов —
под военный мотив — именных
среди красного бархата... (Это —
только тема, не хуже иных...)

Смерть, и осень, и медные трубы...
Под музыку сдувает Эол
первый снег на плащи и на шубы —
мелкий, едкий, колючий фенол.

И, безжалостней ворса шинели,
мир безжизненно сер... Может быть,
мы погибли б, когда б не сумели
этот ужас стихами убить.

ЗВЕЗДА

Младенец спит в яслях при свете
звезды, ведущей пастухов,
слов, волхвов, среди веков
и звезд, как все на свете дети —
крестьян, торговцев, рыбаков.

Сосуд нетронутой дремоты,
наполненные медом соты —
младенец спит. Лучина. Ночь.
А матери не до зевоты —
дай Бог усталость превозмочь.

Еще тут путники с дарами —
чужая вычурная речь.
Дай Бог ребенка уберечь...
Звезда — над темными холмами.
И Ирода сторукий меч.

Нельзя остаться в Вифлееме —
бежать, бежать куда-нибудь!
И, переговорив со всеми,
старик повозку ладит в путь —
бежать, бежать куда-нибудь!

Дорога желтая струится,
качая драгоценный воз.
Вокруг темно. Из-под колес
вдруг выпорхнет ночная птица,
Марию испугав до слез.

Завернут в теплую овчину,
малыш, посапывая, спит.
Воспламенив свою лучину,
звезда — по Божьему почину —
движением руководит.

* * *

C. H.

Будет всё, что прежде было:
паутины волосок,
вкусно пахнущего мыла
апельсиновый кусок,
безрукавка на веревке,
полотенце на гвозде;
божки хрупкие коровки,
сопричастные звезде;
над вечернею рекою,
нереален и лукав,
друг, которого рукою
можно тронуть за рукав;
на распахнутой веранде
разговоры и вино...
Жизнь земная — это анти-
философское кино.
Ею, пристальной, пролистан
вечный перечень примет,
где для эйдосов, и истин,
и ответов места нет.

* * *

Качает этажерка теплохода
бездельников притихшую толпу.
Гармония и тайная свобода
переполняют воздух и судьбу.

Винт катера выбрасывает лопасть,
подчеркивая выпуклость реки.
Вот замысла Петра высоколобость —
нагородить такие сквозняки!

Не для того ли легочною тканью
стиха пронизан город, чтобы здесь,
в разноголосице томясь и заиканье,
российской лиры пел скворечник весь?

Расколет петропавловская пушка
голубизны высокое стекло.
Не город — кислородная подушка:
Россия дышит, если тяжело.

II

* * *

Мираж полуденный гранита,
сирени, бронзы, резеды...
Как в рамочках из эбонита —
сады в периметрах воды.
Среди распахнутых просторов,
раздвинув рельсы, вскинув меч,
завинчен штопором Суворов,
крамолу тщащийся пресечь
еще в зародыше — обвалом,
лавиной, падающей с Альп.
И ретроградский этот слалом
приветит пустотелый залп.

ПОД СОЛНЦЕМ ВЕЧНО МОЛОДЫМ

1

Попробуй пройти, не измазавши брюк,
по городу — весь перекопан. Солдаты
смуглы и по пояс раздеть. (Из рук
их мирный июнь да не вынет лопаты!)

Белеет на метр оголившийся люк.
Не выгорели на асфальте заплаты.
Ремонт — и приходится делать нам крюк,
чтоб мост перейти. Но мне город такой,
с прорехами, нравится даже сильнее:
томительный зной над тяжелой рекой,
бесформенный короб завода за нею,
ползущие баржи, урчащий буксир,
секиры в перилах. Неприбранный мир.

2

Столетний пыльный поплин тополиных крон
и отработанный воздух в узорной тени бульвара.
На желтоватый гравий солдаты кладут гудрон,
их азиатские торсы блестят от пота и пара.

Ползет маслянистый поршень. (Кто ж кофе горячий пьет
в такую жару! — но давка в полуподвальной котлетной.)
Неплотно закрытый вентиль шипит под ногой. Завод
за полусонной Пряжкой дымится кирпичной Этной.

Как будто идем по цеху: дощатый свежий настил
укладывают на мосту, а наши с тобой объятья
и поцелуи в саду смущает треск бензопил.
Вернувшись домой, удивимся — откуда мазут на платье?

* * *

Давай печаль развеем — в сад
войдем, где те в земле лежат,
чьи книги мы забыли,
где тесно от нагретых плит,
где волокнистый свет стоит
в листве столбами пыли.

Вспугнув промасленных стрекоз,
давай войдем в обитель слез,
точней — в Музей скульптуры...
Хитин, жужжанье, духота.
Смотри, вот ангел без креста,
вот пухлые амуры.

Вот под оптическим стеклом —
его создатель... О былом
экскурсовод лепечет.
Гроба вокруг. Но, как-никак,
бессмертье пышное Плевак
зевак от страха лечит.

Какие розы, травы, зной!
Пятиконечный лист резной!
Нет смерти в недрах глины...
Чай бюст горит, как медный таз?
Чем успокаивает нас
осанка балерины?

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА

1

Патлатых тополей столетний люминиал,
и нервный диспансер, и полихлорвинила
индустриальный гной... Обводный спит канал
куском хозяйственного мыла.

Ну и наляпано! Пилотов и купцов
пропеллеры и катафалки...
Мне жаль Евгения и асов-храбрецов
в червивотесной раздевалке!

Такой асбестовый утоптанный большак,
что не до шуток.
Здесь в детских раковинах газом — что ни шаг —
горит грошевое забвенье незабудок.

И заключенные лечебных мастерских
выходят нас терзать своим игривым нравом —
жестикуляцией, ужимками... Таких
картин не вынести и травам!

Из глинистой дыры бетонная труба
торчит. От пота маслянисты —
разгорячила их спортивная борьба —
играют в волейбол семинаристы.

Гречиха чахлая. Булыжник площадной.
Протопает стройбат тупыми сапогами...
Или вертушкой в проходной
подталкивают нас — и очередь за нами?

Четыре в орденах дубасят домино.
Сопляк трещит мотоциклетом...
Как душно, Господи, должно
быть, тлеть в такой щебенке летом!

Полуразрушил склеп бессмертия грибок,
валяется у ног разорванная клизма,
как если бы привел последний довод Бог
в обоснованье атеизма.

2

Тесный зал ожиданья, базар антикварной
Лавры: вазы, чернильницы и циферблаты.
И ларцы. И в слепящей тиаре пожарный —
черепаха, улитка Афины Паллады.

И нагие эфебы над урной матроны —
вот конфуз-то! — соблазны фарфоровой кожи...

И бордельные грации, влажные стоны
источающие в неглиже по вельможе,

обступая его барельеф на ампирных
кабинетных часах остановленных... Дальше —
в балалаечных струнах и позах трактирных —
еще больше пленительной фальши.

Кто при жизни позволить себе выкрутасы
мог такие — лежать, опираясь на локоть,
скинув кивер? Не пляж ведь!.. А плисовый Стасов
и вприсядку сплясать норовит, и заокать...

О, живые! Покуда вы живы — живите,
эта метафористика вам и не снилась:
грандиозная выросла липа из Витте —
смяла прах, но уже и сама накренилась.

* * *

Вот Царскосельский сад — ларьки со снедью возле
Турецкой бани, зной, и в водорослях пруд...
И некого спросить: куда нас денут после
того, как мы умрем, куда нас уберут?

Вот углекислый газ в стакане с лимонадом...
Не так ли душ немых витают пузыри
в растворе золотом, сияющем над садом,
над группами зевак, гуляющих внутри?..

Нас в юности влекли безлюдные куртины,
где в сумрачных дубах осенний вечер гас,
а нынче в толчею мне хочется, за спины, —
как будто из толпы труднее вынуть нас...

Томил любовный жар и жгло желанье славы.
Но с той поры, как стал дичать обжитый мир,
я в силах лишь глазеть на детские забавы
из-под тяжелых век да ковырять пломбир.

СТИХИ С АЛЛЮЗИЯМИ

1

Стало меньше в лучах флогистона,
стало меньше в листве хлорофилла.
Пересохшее горло тритона
золотой скарлатиной забило.
Зарябил отраженье фронтона
дождь... Как век твой недолог, бацилла!

Уже мухи, сложившие лапки,
между рамами дремлют до лета.
Воздух — с привкусом мятной облатки,
а Фонтанка — что холст Каналетто:
и Михайловский замок, и Летний —
изо всех сухожилий стоящий
насмерть — сад... Клен зеленый последний.
Катер, аэрозолью пылящий...

Отключили фонтан у собора.
Притащили арбузные фуры.
Завели семинары. И скоро
в грубый ящик сыграют Амуры...
Филармониям лишь и капеллам
осень на руку, струнам победным.
А любви всё равно: в загорелом
теле, сказано, — та же, что в бледном.

2

На садовую сяду скамейку,
папирусу достану из пачки...
Ничего, если льет как из лейки, —
мы привыкли к дождю, точно прачки.

Так уютно за этой миткалью:
как живая листва шевелится...
Кто же это там крутит педалью —
то покрышка мелькает, то спица?..

Уже лето склонилось к закату:
не купанье — одно лишь сиденье
на скамейках, гулянье по саду —
нам осталось... Но сад — загляденье!

Скоро ужасом дунет и хладом —
не увидишь и дыма за снегом,
станет воздух серебряным кладом,
ледяным конькобежным разбегом...

...Но опомнись! Рубашку — хоть выжми.
Мы впадали в забвение? Вряд ли.
Или ролик из будущей жизни
показали нам в кинотеатре...

Нитевидны, суровы и тонки,
точно рифмы из старой шкатулки,
отчего же так громко эстонки
разговаривают в переулке?

* * *

Сад пахнет марлей. След
уже затерян лета.
Возьми любой предмет —
лишь отсвет, лишь примета.

И киноаппарат
уместней был бы тут:
как целлулоид, сад
скользит, сквозит — везут

в нем сквозь бумажный снег
немых героев льдин...
Клыки сточивший век
бледней любых Ундин!

Что горше — сбор, посев?..
Позор гниющих астр.
Веслодержащих дев
смертельный алебастр...

Где шершень, жук, оса?
Пустые терны гнезд...
Трамвай, закрыв глаза,
перелетает мост.

Вот выездной урок
ботаники, мой друг:
короче строчки срок,
и энный Рим из рук

спешит — нельзя сберечь.
И всё. И насовсем.
И все... И только речь —
неверный наш Эдем.

КОНЕЦ СЕЗОНА. НАЧАЛО СЕМИДЕСЯТЫХ

1

Заколачивают дачи на зиму. Бублики
с каждым днем всё черствее в булочной.
Всё меньше на пляже прогуливающейся публики.
Никого не радует катер прогулочный.

Моросящий дождь. Плащи. Угасание
фонтана около станции. Непонятно,

для чего он еще шипит? В расписании
электричек появились белые пятна.

Узники санатория надеются ли на потепление?
Стучат костяшками домино об отсыревшие доски.
Преобладают ржавые пиджаки местного населения,
лацканы довоенной Латвии, выцветшие полоски...

Бисмарки-рыбаки и Гинденбурги-лесничие
даже и пиво табачное пьют, нахмурясь.
Желтая горечь и полное безразличие...
Особнячище Ульманиса на улице Юрас,

как чемодан, приготовлен к отъезду. Спящие
уже безвольно стрекозы даются в руки.
Море — какое-то липкое, завалищее
и некрасивое. Лучше с ним жить в разлуке.

2

Теннисные корты за янтарем соснового леса.
Прозрачный вечер рождает ощущенье потери веса
вещами и телом в плаще. Дождливо пахнет жасмин
в сырому туннеле аллеи, где Тао Юаньмин

приходит на ум и его хризантемы. Локоть,
содранный о простыню, напомнит, что мертвый сезон
вот-вот наступит, что скоро не будешь трогать
и вдыхать ланолин волос, погружаясь в сон

после любви на лунной веранде; что мрака
и бронзы в парке всё больше; что кроны —
то бросит в пот,
то проберет озноб, как связанного Исаака
на жестких, хрустящих сучьях; что страхом сведет живот

от ожиданья серпа первых календ дальнозоркой
прибалтийской осени; что пора собирать багаж
и прощаться с курортом, который лимонной коркой
пахнет — и винной пробкой, который, словно витраж,

рубиново-золотист и коньячно-солярен... С тмином
хлеб и вино с корицей в последний раз
примешь из млечных рук. И рижским новокаином —
инъекцией югендшиля — жаркий остудишь глаз.

Где сингапурский загар? Где греческий запах йода?
Где кварцевый пляжный блеск?..

Лишь, как ненужный отвес
или застывший маятник, ульманисова Свобода
свисает с отяжелевших, насупившихся небес.

* * *

где стоит древесина осенних дубов и лип
в книгохранилище парка где только вода в пруду
тяжела как олово и черна без рыб
словно зеркало ночью или душа в аду

где короста гнилых и легких стволов корней
где налипшей листвы так много что мы вот-вот
по колено по пояс по грудь увязая в ней
и вдыхая ее дурман вступим в круговорот

элементов природы и где никаких опор
жизни только обломки мрамора от венер
безымянных авторов где такой разор
что айдес версалем выглядит например

по сравнению с этим и где сверх того
из сырых лощин выползает туман клубясь
на покатый луг ни повода нету для моего
утешенья ни даже намека на нашу связь

* * *

Разбухла книга от закладок,
обложка — точно промокашка.
Как чай, в нее пролитый, гадок!
И видно, где стояла чашка.

Не то чтобы читать — смотреть и
притронуться невыносимо!
Откуда здесь козявки эти
и пятна цвета керосина?

Такой изящный был предметик,
что и листать мне было жалко —
теперь-то что? Возможно, медик
прочел бы, да не та закалка

у нас... Разверстой вид утробы,
жилище слизистое жабы!..
Ее я выбросил давно бы,
когда душою не была бы.

КАРИАТИДА

Как бы с гравюры Вильнера сошла
кариатида: соляным раствором
разъеден гипс; и в сердце — не игла,
а ржавый крюк с расколотым фарфором

катушки изоляторной забит;
железный прут с обломками колена.
Шипя, гидролизуется карбид.
И сквер дрожит в пылу ацетилена

голубовато-призрачном. Какой
ей пол был дан формовщиком при родах —
неясно. Над заброшенной рекой
стоит, отражена в помойных водах,

где, как медуза зыбкая, плывет
презерватив, влача волокна слизи
вслед за собой, и мертвый голубь... Вот
и нам бы — хоть такой Элизий!

ПОРТ. ВАРВАРСКИЕ ОФОРТЫ

1

Трамвайный путь. Булыжник. Над каналом
нависший сад суров, как отзовист.
Мазут. Сухой июль. И вероналом
безветрия отправлен каждый лист.

Многооконный дом шестиэтажный.
Дощатый мост. Площадка для утех
подростков-футболистов. Сор бумажный.
Субботний вечер. Картонажный цех.

Солдат-узбек стоит без гимнастерки
в разодранных бульдозером кустах.
Торс варвара. И брюки — словно в хлорке
лежали. Пыль — на грубых сапогах.

Никчемная вода течет из крана.
И, охлажден коротким сквозняком,
отводит взор потомок Тамерлана
от женской ляжки с бледным синяком.

В серебряных узлах трубопроводов
 завод запутан, как Лаокоон.
 Бетон и прутья. Облачных разводов
 лилово-кислый женский конфекцион.

Как на трусах, желта посередине
 канала незамерзшая струя.
 Текст на фронтоне выцветшей гардине —
 «Т—во ...овъ и сыновья».

Порт. Голые столбы деревьев. Остов
 пустой июльских дней... Что в жизни ты,
 переходящий с острова на остров,
 увидел — только реки и мосты?..

Клуб моряков. Заброшенные стены
 ненужной церкви. Ржавчина... Вот-вот,
 тревожа лед, отворит шлюз (как вены —
 самоубийца) жалюзи ворот.

НОВЫЙ ЭРМИТАЖ

Бюсты, серые от тучной почвы,
 для чего свою прервали ночь вы
 и столпились в зале? Ну и ну,
 что построил этот Лео Кленце! —
 Склеп! И то египетский! Коленце
 жуткое! До Греции ль ему?

Снег. И мрак. И мавры у подъезда.
 Хорошо, хоть в полночь не бывал
 тут!.. Анубис лающий... Невеста,
 прыгнувшая в выпуклый канал...

И неужто из того же теста
мы, что и Бальбин-микроцефал?

Пусть кривит здоровый скепсис Рима,
как цикута, Цицерону рот.
Тушат свет. И ночь непоправимый
начинает свой слепой обход.
Мимо жизни призрачно и мнимо
пирамида лестницы ведет.

СТУЖА

Самоедские нервы и кости...

Некрасов

1

Стужа. Оптика шалит. И туже
запахнись от лютой пустоты.
Сжато всё. И Мойка стала уже,
вот-вот лопнут гнуемые мосты.

Так желтó наточен угол Штаба!
Стужа. Всё пошло наперекос.
У бегущего в музей араба,
как сказал бы классик, сизый нос.

Каково ему в плаще зеленом
и в лиловых трубочках штанин,
Хаммурапи и Асархаддоном
выжженному, видеть этот клин?

По стеклу скользит он как попало.
Светопреставленье! Ну дела...
Как тут жил потомок Ганнибала
против ледокольного угла?

2

Как хорош наш город многоклеточный,
зыбкий, зимний, призрачный, эфирный!
Даже Пушкин этот статуэточный,
никому не нужный, сувенирный.

Даже ресторана «Европейского» —
ах, туда при жизни не взобраться нам! —
хрупкая, альпийская, летейская
с пальмами во льду галлюцинация!

И глубоководные «икарусы»
в капиллярно-гарусном некрозе.
Как хорош наш город многоярусный
при тридцатиградусном морозе!

Даже это здание в локаторной
поросли, как ворс, заиндевелое,
и портал шумеро-дебаркадерный
с постовой фигуркой оробелою.

Что с того, что гул филармонический
нас, как прежде, не берет за ворот,
если дан поверочный, метрический,
платино-иридиевый город!

3

Ну и стужа! Ну и заморозило!
Упираясь твердыми ресницами
в выпуклые линзы, вспомним Бозио —
соболями сжатую, куницами.

Как дышать чернильными колоннами,
наледью лоснящейся покрытыми, —

гладкими шестидесятитонными
полированными монолитами?

Как входить в когтистый сад муллитовый,
по зрачку царапающий сучьями,
ощутив смятенье Ипполитово
перед невоздержанными, сучьими

репликами матери-материи,
где с таким же ужасом паническим
тополя, как вены и артерии
в атласе, хрустят, анатомическом? —

поднятые дыбом, словно волосы,
словно ворс песцовский или беличий, —
горловиной, полою от голоса,
синевой морозной, новодевичьей!

Что нам та певичка? Не единожды
воздавалось и в стихах и в prose ей.
Ну и стужа! Ну и холодина же!
Хорошо у нас в России, Бозио!

4

Карповка вся извертелась, как шарф.
Сизы мороза бетонные вазы.
Стынет завода ждановский шкаф,
выдвинув словно все ящики сразу.

Кто ж в Ботанический сад в январе
ходит? Дались нам плющи и лианы!
Или в бутылях оранжерей
алчем узреть мы знайные страны,

берег турецкий? Чтó краше снегов
отчих?! И воздух — резиновый мячик —
не шелохнется: профессор Попов
выключил свой передатчик.

Кельвинов нуль. Никаких амплитуд.
Молотый снег здоровей аскорбинки.
Пальму желали? Так вот она тут —
в маске железной, в испанском ботинке.

* * *

Нам делать нечего, точнее, бог с ним, с делом —
с машинкой пишущей, с вязаньем шерстяным.
В воскресном городе, сквозном, осиротелом,
бессмертье пробует представиться живым.

Пойдем на улицу. Зимой так линий мало
(лишь небо белое да белая река) —
полоска узкая, и ту гравировала
скупой художницы рука.

Одной ей баночки на век достало краски.
Январской графики что лучше может быть?
Прогулка легкая. Игольчатые ласки...
А о любви неловко говорить.

Другие пусть сюжет для жаркого рассказа
придумают, где страх воркует за спиной.
Мы всё возьмем с собой. Смотри в четыре глаза
на купол бронзовый и глянец ледяной.

* * *

Велиокняжеский, кладбищенский, весь в арках
каких-то рухнувших, в подпорках весь, дворец

о платьях выцветших в оборках, о припарках,
о рюшах кружевных напомнит, наконец.

А журное белье! Великий князь — ценитель
изящных был искусств и главный адмирал.
Меж ртутных амфитрит его крахмальный китель
и матовых церер взволнованно витал.

А ныне битых плит собранье здесь и склепы,
руины — поделом такой им кислый плод,
Цусимы роковой ваятелям. Нелепый
полсада поглотил кондитерский завод.

И надо ли жалеть? Невнятная откуда
уверенность, что мир прекрасней наших свеч
единственных, что щедр, что никакого чуда
от поступи чудес железной не сберечь?

Мороз. И кардамон. И ромовая баба.
Всем кажется, что смерть Маньчжурии под стать:
и где-то далеко, и карту знаем слабо,
и шапками ее могли бы закидать.

* * *

Там Тютчев погребен, здесь — Дельвиг. Но сильней
иные нас поля печальные волнуют, —
где влажная земля от корчеванья пней
черна, от ржавых лент, где *нынче* в бронзу дуют.

Под Парголовом. Где не выдохся бензин
автобусов с каймой. Где свеж колючий гравий
и желт плетеный страх распавшихся корзин
с копной гнилых цветов. Где глянец фотографий,

намокших от дождя, в потеках. Где кипит
работа там и тут, как в дачном садоводстве —
о, жалоба пилы! Где современник спит
и прадеду в его завидует сиротстве.

И хочется сказать: таков наш век; в метро
подземной толчее, в трамвайной давке — дома
с тобой мы; романтизм, как мех и серебро,
не по карману нам и «смертная истома».

И славно, что нельзя с поэта перстень снять:
в болотистой воде найдет ли нас потомок?
И, право, лучше жить. Но если уж лежать,
то здесь — под рев турбин и грохот многотонок.

* * *

Карповка — сваи, трава, катера,
мутные воды...
Всё принимают, приходит пора,
недра Природы.
Мост Гренадерский, дощатый настил
в жирном мазуте...
Где же те клены и липы? Где ил
юности-жути?

Перекопали! Три года я здесь
не был, а словно —
тысячелетье... Где гулкая жесть,
черные бревна?..
Разве навек Ботанический сад
дан — и моторка?..
Падают листья. А люди стоят,
курят у морга.

* * *

Утро туманное, утро седое...

Стоят

наши и курят, а женщины где-то внутри.

— ...эх, вот ведь жизнь-то!

И рукопожатье. И взгляд.

— ...в десять прощанье. Не все еще, нет. Прикури.

— ...но хоть не мучилась долго.

— ...и возраст!

— ...да-да!

Новая группа подходит с тряпичным венком.

— ...вот же ведь, вот ведь какие дела!

Никогда

этих не видел. И с теми едва ли знаком.

В десять выносят. У автомашины возня.

Розы ненужные — в мокром газетном кульке.

Той же дорогой обратно провозят меня.

Вышли. Помочь донести? Или — так, налегке?

О, голубой незабудковый этот глазет,
свежий, младенческий! Гроб-то халтурный какой! —
года не выстоит...

— Ты на поминки?

— Нет-нет,

мне на работу.

...успении вечный покой.

* * *

С консервной баночкой запаянной ужасной,
с фанерной жалобной коробочкой фигурной
топтанье липкое по глине желто-красной,
скребком ободранной, — с картоночкой халтурной,

то поднимаемой — наклонной, вертикальной,
то опускаемой, где сложно развернуться, —
с боязнью каменной одной маниакальной,
что одноразовые ручки оборвутся...

Прораб с нарядами, возница-алкоголик...
Списать — и кончено!.. Тупой толпой, как овцы,
в пейзаже хлипеньком кладбищенских буколик
несем, — и кажется: вот ручка оборвется...
Тяп-ляп-пристанище на сто тысячелетий!
С жужжащим ключиком игрушка заводная
(который в очереди — первый, сотый, третий?),
как сам не выпаду из этого рядна я?

Сознанье словно бы уснуло. Слава Богу!
Зачем перчатки не надел? Вот идиотство.
Не поскользнуться бы. Прохлюпать только в ногу...
Кто это гнусное возделал садоводство?
Такие пошлости — почти бесстыдство — слышать!
Подальше! Лучше постоять среди курящих...
Не простудиться бы, стерпеть весь ужас, выжить —
не хуже плачущих и с дрожью говорящих.

НЕДОУМЕНЬЕ

1

Так водянисты поздние астры, что слог
напоминают поэтов конца столетья:
не о чем говорить, лишь бы найти предлог
для написанья строфы. Многоточия и междометья.

Как надоело всё — сумерки, гости, гам.
Проводы неизбежные смотрят в очи:
если и здесь мученье, то что же *там*?
Лебеди нежные меркнут — ведь дело к ночи.

Сдержанно улыбаться и вынимать часы —
важно, как в министерстве... Ну, наконец-то!.. В ухо
лезут опять — то сын (нафабренные усы),
то неживая жена (с пером бородатым старуха).

Не прдохнуть от вещей. Даже не выйти в сад.
Впору бы срифмовать — вроде как выпить брома.
Но и в стихи набился быт (в просторечье — «ад»).
Коль и дадут поблажку — так умереть вне дома.

2

Он, наверно, предчувствовал, что на вокзале умрет.
А иначе откуда калеки-кондукторы, мухи?..
Станционный модерн — «Еврипида» его переплет...
И сигнальный флагок отыскался у лысой старухи.

А иначе зачем бы Медузы с аттических стен
в венчозапертом лестничном, как бы избыточном, зале,
где покатый каскад ослабелых коснулся колен,
в трисмегистовых касках — змеились, стекали, свисали?

Даже кажется: и перестроили спешно вокзал
в потакающем, партикулярном, услужливом стиле —
лишь затем, чтобы он на *такие* ступени упал,
чтобы своды *такие* тоску аониды вместили.

И морозный Толстой, с паровозных глядящий страниц
рокового финала... И Чехов — сердечные капли...
Он, теплущечный век отворяющий, падает ниц. —
С саквояжем дузельных лепажей явиться могла б ли?

Не для милой ли тени все лынущие поручни здесь
извиваются, гладкие, все подлокотники гнутся —
вся пронзенная музыкой чадная взвесь? —
Чтоб на миг удержать. Чтоб ей было на что оглянуться.

ПАРК КУЛЬТУРЫ

В шипящий, словно — в соду, словно — в пену
пивную, мокрым ветром по щекам
нашлепанным, по слизистому тлену
скользя листвы, войти б с разбегу нам —

в сад, где — песок, изъеденный свинцовым
цинготным небом, илистые рвы, —
по гравию, по плиткам изразцовыми,
по стеблям в глину втоптанной травы,

сжимая зонтик, — ах, туда, где жалкий
кипит фонтан, безумием объят,
где, как на свалке, порванной скакалкой
ненужный брошен публикою сад,

ступить бы нам — безмысленно, без цели,
безвольно, словно — скрепка на магнит, —
туда, где — нет, не цепи карусели, —
а лира, еле слышная, звенит.

III

* * *

Летящая архитектура времен диктатуры —
дуги безумных арок, циклопические ворота.
И тогда был балет в цене — напоминают фигуры
балерин эти сверстницы чкаловского перелета.

С плоских крыш активисты разбрасывали листовки,
на огромном балконе немел знаменитый поэт...
Когда на гимнастерки интеллигенты сменили толстовки,
стали легче предметы, постепенно сходя на нет.

О, янтарно-рубиновый воздух столетья! От крови
всё багрово в меркнущем ноябре —
ни Великой Любви, ни Орловой Любови...

О добре

и о зле от отцов наследуется ли понимание —
или жизнь подобна щекочущему дождю?..
И уже, обезьянничая, Германия
орала: «Слава вождю!»

АРХАИКА

1

Тополиные сорные воды.
В них, по щучьим веленьям Щуко,
вознесен классицизм несвободы
и трусливая рябь рококо.

Здесь, вторенью терцин потакая,
сам Витрувий свистит, как сурок,
сквозь рядно РККА и токая
опьяненье неся ветерок

ледяной от зеленки залива.
Диск, источник неярких лучей,
ухмыляется — кисло, сонливо,
как Зиновьев на слете ткачей.

И, зияя воронками арок,
У-образный огромный магнит
предлагает загробный подарок —
подземельем лозину блазнит.

2

Бросив в пасть турникета монету,
флорентинец не знает: куда
унесет его — к лету ли, в Лету? —
неживая ночная вода

катакомб, неуютных для музы,
но союзных масштабу времен, —
сквозь лепные снопы кукурузы
и драпри запыленных знамен...

Тут Геракл одолел Гераклита.
И, стреножено грубым силком,
стынет время — из бронзы отлито,
что никчемный шахтер с молотком.

Созерцай же немые штандарты
и орнамент немеркнувших зал.
Но познать геометрию Спарты
не дерзай — как никто не дерзал.

ЗЕРКАЛО

Это зеркало помнит тринадцатый год,
трехсотлетие царской династии,
разговоры про радий и про перелет
Блерио над Ла-Маншем; в контрасте
с бородами и лбами «властителей дум» —
репродукцию с голой скалою
и громадными буквами: «Взять Эрзерумъ
нашимъ доблестнымъ воинствомъ съ бою».

В шелестящих газетах — Стаханов, станки
и Утесов с Любовью Орловой.
Это зеркало помнит ночные звонки
и немые застолья в столовой,
физкультурные марши, снесенный собор,
перешле пионерских сандалий,
лютый холод, и лютый германский напор,
и сиянье победных медалей.

Это зеркало помнит ушедших от нас
в те края, где листва из железа
и цветы из пластмассы, анютиных глаз
где лежит между нами завеса.

Позже, следом за ними историей став,
мы с тобою войдем в нее тоже —
в эту чистую гладь, что, столетье вобрав,
словно совесть, сияет в прихожей.

* * *

Вот снимок: застолье. И мертвый встает
со стопкой, наполненной водкой.
Он сорок девятый приветствует год
неслышной нам речью короткой.

Фужеры. Графины. Какая-то снедь.
И скатерть. А что за наряды!
И лучше бы снимков таких не иметь.
Уже отсвистели снаряды

и марши утихли, а нас еще нет...
Но, сколь ни прекрасно мгновенье,
мы тоже, чуть позже, родимся на свет —
для недоуменья и пенья.

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

1

Помню, жили в маневренном фонде у Дома культуры Ногина, во дворе, где всегда штабеля стеклотары, где в тезейскихочных коридорах — кошачьи амуры, в полотняных кустах — переборы нетрезвой гитары,

где у гипсовой дамы на тумбе обломаны руки, как у луврской Венеры, и телосложение — то же:

Метростроя ей были бы впору широкие брюки
самохваловской грубой, испачканной в глине рогожи.

Помню, как проносили вдоль гулких трибун на загривке
нас с тобой среди мыльных шелков шелестящего Мая.
И щербинка осталась на коже от гнойной прививки.
И дороже всего кинохроника эта немая —

Мнемозина — с портретами школьными Зины Портновой
и Марата Казея, с еще довоенной подкладкой
топонимики, с вечной — и всё же пленительно новой —
торжествующей жизнью, бездонной и жалобно-краткой.

2

На месте гостиницы были какие-то, что ли, склады
и бани с пивным разливом и с мыльно-мочальным сором,
куда и тебя водили по зимним ночных прохладам,
по запотевшим кафельным коленчатым коридорам,

поскольку не было ванны в квартире до капитального
ремонта. И краснощекая, похожая на курсанта,
морозная, после купанья повсюду цвела Италия
из форточек Робертиновыми напевчиками глиссандо.

И трудное, в сущности, время было: в Карибском море
курсировали подлодки, и МИД составляло ноты
и памятные записки. Но твой-то зрачок в узоре
снежинки тогда терялся, ты войлочные длинноты

зимы бакалейной лишь видел... За выпуклым глицерином
мерцающей телелинзы к фуражке ладонь Гагарин
подносит. И было детство туманным таким и длинным,
что искренне грозному веку за это ты благодарен.

* * *

Опершись на винтовку, в начале огромного века
он стоит в гимнастерке, белесой от стирок. Телега.
Пулемет. Лошадиная упряжь. Военный разброд.
Снизу надпись лиловая: «Августъ. Пятнадцатый годъ».

На другой фотографии он — в санаторном халате
на приморской террасе, спиной к волнам, балюстраде,
кипарисам, с тяжелым от войн и усталости лбом...
И не веришь, что это — всего лишь семейный альбом.

ГАЛИЦИЯ

По вечерам гремят рыжие рощи
Оружием ржавым; золотые нивы
И синь озер под угрюмым меркнут
Светилом; укрывает ночь
Мертвых солдат, звериные стоны
Их разорванных ртов.
Медленно собирается туч
Красный клубок — в нем разгневанный бог живет
Кровопролития, лунный холод;
Все дороги ведут в черноту распада.
Под золотой кроной звездного неба
Сквозь дремоту ветвей белеют тени сестер
И кровавая ратников марля;
Слабо звучат в камыше осени темные флейты.
О, горделивая скорбь! Жаркое пламя
Бронзовых алтарей великая ныне питает печаль
Неродившихся внуков.

Georg Trakl. Grodek. 1914

в полях галиции когда бы знать как фразу
построить мне в галиции в паху
европы душном но нельзя же сразу
пробиться к месту действия в пуху
ее подперном в заячьем подшерстке
в галиции на бархатных лугах
сбегающих с холмов где как в наперстке
игрушечная готика где страх

меня преследует так трудно повернуться
в строфе как в транспорте когда со всех сторон
зажат соседями страх подан как на блюде
в галиции могильщице корон
в галиции где склоны так покаты
как слог эклоги где туда-сюда
таскали пушки и через Карпаты
брели за веком век так никогда
не доберусь до сути и не надо
сюжет не дан к чему он бог с тобой
в галиции где блеющее стадо
вдоль сглаженных течет на водопой
фортификационных укреплений
заросших жирным клевером где мак
на френче зреет где ни для сравнений
нет места ни для строк ни для бумаг
в галиции где кроме смерти нету
за исключеньем жизни ничего
в котле кровей как подойти к предмету
как обойти бессмысленность его?

РИЖСКОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Ноздреватый песчаник и ржавых кустов квадрат,
повторяющий твердый квадрат неподвижных плит.
Здесь уже даже тем, что жив, ты пока виноват
перед мертвыми, жалко лепечешь: «Никто не забыт!»

Но не верят тебе эти всадники у ворот,
сорок лет возвращающиеся с кровавых нив
и везущие грозного знанья огромный плод
на подмятых конях, подбородки на грудь уронив.

И отец не поверит, вернувшийся чуть живым
из морозных болот, где лежали гуртом, гурьбой,
в госпитальный озноб блокады. Слоистый дым
подожженной листвы растворяется над тобой

и уходит в пространство, готовое всё принять,
чья текучая память — отнюдь не чета твоей,
осторожной и смертной, которому вечно б мяТЬ
и лепить эту глину, хоть больно и страшно ей.

* * *

О Штраусе в листве, об Оффенбахе,
о минах в акватории Дуная,
о Веберне в простреленной рубахе...
В какие западаю времена я!

И голуби. И габсбургские марши,
мадьярские расшитые тужурки...
Не разберешь — моложе или старше
Европа стала, наигравшись в жмурки.

Всё спуталось — все формулы, все ноты.
О Шёнберге и бомбе мы могли бы
поворковать, но без того длинноты —
вокруг. И компиляции. И «джипы»

с парнями в зашнурованных ботинках —
на анемичной пене травертина.
О Клиберне, затерянном в пластинках,
о Робсоне, о связках Робертино...

Пора бы нам переменить понятья
о музыке — как в ней искать прогресса?

Помимо мод на шлепанцы и платья,
лишь Марсово меняется железо.

А жизнь всё та же: то смычково-робко,
то всею бронзой и со всем нажимом...
И ленточки. И пестрая коробка.
И как не пожалеть о содержимом!

* * *

Только те города, где уже побывал, где уже
ты оставил рассаду души, раскрывают в душе
запыленные комнаты памяти — жаждою Рима
почему же она всё сильней смущена и ранима?

Там упругая бронза крестом в раскаленный июнь
упирается. Там с лепестков —
только тронь, только дунь —
розы сходит магический образ Сильвестра II.
Там в любовном блаженстве латыни безмолвствует слово,
прижимаясь к другому на мраморном воске плиты...
Или в русской поэзии Рим — умиранья синоним,
и тоскует душа, что — покуда мы с нею слиты —
маслянистую ветку и пористый камень не тронем?

EX CATHEDRA

Увешанный жестью квадратных в сечении труб
кирпичный фасад: точно змеи ползут из подвала
и лезут по стенам, цепляясь за каждый уступ
и выступ. Сыпучая речь вытяжного металла.

Гудение. Дрожь. Для чего они воздух сосут
с почти самолетным, песочным, пропеллерным звуком?
Какие отравы весь день синтезируют тут?..
Конца нет познанию, его вожделеньям и мукам.

Здесь, видимо, кафедра — лаков, должно быть, и смол.
Как фланцы, притерты бензольные кольца друг к другу.
Здесь запах эссенций... Ты тоже когда-то молол,
спекал глинозем с кремнеземом. Другую науку

пришлось изучить под напевчики горна... Обед
у них, надо думать. И лето. И душно в канторе.
И форточки настежь. И так далеко до побед
над клейкой Природой, что жизнь хороша априори.

КОПЬЕНОСЕЦ

Славянки лента девичья. И склон
холма. И грубоватые чертоги...
И ближе мне — не резвый Аполлон,
а смуглый копьеносец у дороги.

Не бог. У безымянного его
никто не просит рифмы и ответа.
Он — только он. И больше ничего.
Лишь слепок с «Дорифора» Поликлета.

И на пловцов он гипсовых похож,
и на солдат, копающих канаву.
И брат его, курчавый дуб, хорош —
как юноша, в прашу поймавший славу.

Мне дорог мир. Мне шумной жаль листвы
тысячелетий — что случилось с нею?..
Но юный дуб не клонит головы.
И, доблестному, думаю, — виднее.

ПАВЛОВСК

Излишне картиинный парк напоминает Лоррена.
Ему не хватает правды в сравненье с Царским Селом
(там больше воды, и мрака, и лир, и сырого тлена,
и арок; там каждый гуляка в бездонный глядит пролом).

Неподлинный, он поминутно берет фальшивые ноты,
петляет — согласно руслу помpezного ручейка.
Но все его выкрутасы, все выверты, завороты
листва принимает шумно, как публика из райка.

Затем ли, что вышел из нежных младенческих
лет столетья,
ни рифмы к нему не липнут, ни войны? И, в купорос
опущенный сентября и забранный цепкой медью,
как легкий балет смолянок любительский, он курнос.

Здесь нет никаких отсылок к той ночи и к той подушке,
здесь смуглый не бродит отрок —
лишь внешнему зреню корм:
на тупо раскрывших рты тритонов похожи пушки,
при виде которых предок дичился и ждал реформ.

* * *

Только доски купальни, купальщиц тела и купальщиков
зеленеют русалочки в сумерках. Ворох еловый
и болотный туман. От плесканья
пловцов и ныряльщиков —
шум над озером, как от тарелок в курортной столовой.

Сорванцы полотенцем махровым вихры и лопатки
растирают друг дружке, продрогши. Исчирканы спички.

Ах, как сладок дымок сигаретный и воздух! На складки брюк ложится крахмальный напевчик невидимой птички.

И босые касанья травы о стопу. И мурашки.
Нафталин мошкарьи и созвездий на бархате черном.
А потом по дороге лесной возвращенье в рубашке,
отсыревшей в росе и пропахшей смолою и дерном.

Еле видно. И грудь распирает желанья огромность:
вот бы в смутном краю, для которого нет и названья,
тоже озеро было б, и лес, ну хотя бы способность
вспомнить юность, и жизнь, и друзей, и ночное купанье.

* * *

Ту же критскую бронзу, с оливковым отблеском, в те же заливает бессмертные формы на глинистом пляже
черноморское лето. И жаль мне, что с возрастом реже вспоминаю о коже, прибоем обглоданной гляже

голышей шепелявых... Какое шипенье пивное
и по стенкам стакана культур средиземная пена!..
И ладонь на ресницах... Ты бронзовой стала от зноя.
Ты лежишь на спине, округлив купола, как Равенна

или Аия-София, — восточные нежные слепки
напряженной лазури, отливки с ее полусферы.
Лишь заклепки на шортах да ловкие кольца на кепке
олимпийской и скажут, как много с рожденья Венеры

протекло. Лишь намокший газетный кулек с виноградом
возле левого локтя. Овидий (хоть живо, но всё же
не для пляжа) заложен на пятой странице. Цикадам
душно. И не звенят. Так и нам растекаться негоже.

* * *

Таинственная жизнь, туманный сад в Форосе,
бездонный и глухой, в один из влажных дней...
Мне кажется (но здесь сквозит незнанье), в прозе
я справиться бы мог увереннее с ней.

Пленительный ее, какой-то женский, сложно
организованный и неподдельный вид
рифмованной скрепить застежкой невозможно —
в ней строчку вычленить. Причесанность мертвит

инверсию ее и склонность к беспорядку
обманчивому. Жизнь, мне кажется, тебе
доступней во сто крат (не взять ее в тетрадку,
в объятья — слезы вдруг и ливня звук в трубе).

Ты в лепетанье волн, так сгладившее драхму,
затем чтобы в нее, как в зеркальце, взглянуть,
одна нырнешь, а я побуду здесь и ахну
от удивленья: как похожи, не вздохнуть!

* * *

О чем прибой шумит, и что́ влажней и глаже,
чей глянцевитый блеск целительней для глаз —
гримящих голышей на черноморском пляже, —
быть может, так и жизнь выглаживает нас?

Вон тот сошел на нет, уже насквозь протертый:
день недалек, когда возьмут как амулет.
Природа и сама, без нас, кипит ретортой,
в спиртовку эту спирт вливать и нужды нет.

Какая кислота так разъедает душу,
какие ужасы таят такой озноб,
как обмиранье то, когда из вод на сушу
выходишь ты, отжав волос тяжелый сноп?

В расширенных зрачках ночная свежесть бродит,
ребристых облаков посеребрив края.
И жаль до слез, что жизнь, медузный вал, отходит,
но смерти не боюсь: она сестра твоя.

* * *

Этот беглый кустарник, в который купальник отжать
ты зашла, где сосновыми иглами полон песок,
хоть ветвями и силится скрыть загорелую стать,
так прозрачен и робок, упругий, и так невысок,

что напрасны труды. Остролистою клейкой листвой
разве мыслимо жаркую бронзу завесить от глаз...
О, лежать бы вдоль пены, как Латвия, что ли, с Литвой!
Но железные звезды горят чуть левее от нас...

Лучший памятник мертвым — не этот ли клеверный луг
безвоенного лета, в котором, покуда ты жив,
о бессмертии думать не хочется и недосуг —
разве камешек рифмой забросить в пологий залив?

* * *

Музы поют, как ласточки, что-то плетут и лепят
из повсеместной дряни: стебли травы, помет,
прутья годятся в дело! Кто этот писк и лепет
на общедоступный язык переведет, поймет?

Слабеет ватная память, и меркнет зренье, и ухо
глохнет. Сосновых шпилек наволгший росою слой,
женский лобок муравейника. Припоминаю глухо:
музы поют, как ласточки, зингеровской иглой

свежие кроны прошив. Запах коры и утра.
След от резинки. Швы велосипедных шин.
Капли стекла — в ботве клумбы. И перламутров
за ночь продрогший, за дверь выставленный кувшин.

В теле звенит истома соединенья с телом.
С кожи озноб сдувает наш обоядный пот.
Музы поют, как ласточки, рея в осиротелом
воздухе. Записать бы! Да вот не знаю нот.

* * *

Как могла она Данту — и с чьих это слов, глуповата
как-то чисто по-женски, — стихи диктовать? Потому ль
продохнуть в них нельзя — тополей детородная вата
словно перекатилась комком из июня в июль...

Но оставим великих. Вопрос лишь о бабочке: что с ней
делать нам, если вот залетела на дачу, скажи,
и дрожит на веранде бумажкой своей папиросной
между Тосно и Мгой — аонида, подружка души?

Как, воздушной, вместить ей всех тысячелетий железо —
ну, хоть нашу-то жизнь? Ведь она не увидит зимы!..
Ни ума в ней, ни чувства. Ни смысла в ней даже, ни веса.
Лишь прозрачно трепещет, смущая сердца и умы.

* * *

Подростки громкие (кентавры!) на мопедах,
стрекозы трепетные — велосипедисты.

Дорога к озеру в таких петляет ведах
энтомологии, в легендах густолистых,

ветвистых, сводчатых, — как будто в Пчеловода
поверить вечного тебе представлен случай
(раздача щедрая — всем-всем по ложке меда!):
не Он ли, Пасечник, там прячется за тучей?..

Какое фырканье аттическое, ржанье —
на фоне северной природы полуспящей!
Зачем мы, времени и плоти каторжане,
в прошедший мрак глядим и в предстоящий

туман волнующий, с проворной, верткой рыбкой,
полуоглохшие, в прозрачной толще лежа?
Нет дна у озера. И было бы ошибкой
считать, что будущее прошлого дороже.

Лапта купальная. Заплыv. Самозабвенье.
На солнце — плавишься. Под сенью хвой — прохладно.
Часы отстегнуты... Остановись, мгновенье!
Не остановится, конечно же. И ладно.

* * *

Нелепо мочить купальник в такую темную ночь.
Да и кого же смутим мы белизной неясной?
Разве что Энтомолог заоблачный нами не прочь
полюбоваться, вооружась инфракрасной

оптикою и лупой. Но от Еgo не страшней
присутствия и вниманья, да и от Его булавки —
скорее спокойней в скользком переплетенье корней:
без надобности не тронет. Часы отстегнув и плавки

сняв, в лунную воду нырнуть и плавать. Ax, как хорош,
особенно ночью, мир! Такая лафа — под кровом,
безличным и черным, звездным, что пробирает дрожь.
И здорово полотенцем вытереться махровым...

Трилистник кислицы к локтю прилип. На коленке — след
сосновой двойной заколки. И отсырели спички.
Где ж мы с тобой прислонили к дереву велосипед?
Трудно ориентироваться по голосу электрички.

* * *

Свалка стрекоз в саквояжах трамвайного парка.
Пакля и пыль. Тополя выпускают волокна.
Вот и курсантам не терпится. Как же им жарко
в плотном сукне! Облепили огромные окна.

Осточертела зубрежка — скорей бы на воздух!
Осатанели от лекций, галдят обалдело.
До повседневной заботы о будущих звездах
и назначениях нет, что ли, нынче им дела?

Так разморило, что даже вагоновожатым
хочется быть — с ветерком всё же едет. Так душно.
Тесно, как в кронах — июльской листве, салажатам.
Школьницам вниз поцелуй посылают воздушный.

За стадионом Нева неподвижно разлита, —
так же, как жизнь, серебрится, широкая, праздно.
Много работы, пожалуй, у их замполита —
кажется, воздух и тот преисполнен соблазна.

* * *

Праздного лета дворы проходные и скверы,
рыхлый сорбент отработанных крон и фасадов...
Столь неподвижен под слоем морщинистой серы
мир, что сгодятся слова «Глазунов» и «Асадов»

для описанья идиллии в Невском районе:
облые дети и стеганый дядя в халате...
Вот оно, наше бессмертие, боже мой!.. Кто не
очень доволен — спроси их: с какой это стати?

Что намечтали себе?.. Ну а, хоть меня режь, я
пальцем не двину, попав в эту патоку, словно
умерли или уехали на побережья
Мертвого моря желания все поголовно...

Всем подавай световые эффекты и страсти,
гибель Помпеи и статуи в полупаденье, —
я же согласен на липко-сиропное счастье,
мне и такой идиотский июль — загляденье.

* * *

Пригибаться приходится там, где еще вчера
проходил, не клоня головы — ах, почти летел.

До чего тяжела листва в августе и сыра!
Еще не зажелтело, но это уже предел

долгожданному лету. И тополем клейкий лоб
остужают, спасибо. Калитка скрипит, нет сил...
Так, наверное, пахло, когда всемирный потоп
отменили — и днище Брема осело в ил.

Я теперь понимаю — откуда его запой,
машинально трамвайный билетик скрутив и им
прочищая дупло в «восьмерке»... Несчастный Ной!
Пузырящие ткань над отцом Иафет и Сим

в наши зенки впились и, смущаясь, не знают, как
опустить ее, нам на секунду скосить не дав
глаз на стыдную тайну, на вечнонаркозный мрак —
сквозь спортивный зверинец, под пролежни мокрых трав.

* * *

«Всё отнял у меня, — прочту, — казнящий Бог». Кожевенный, сырой сентябрь дрожит, как в мыле. Два года не был здесь — Китайский городок отштукатурили, почти восстановили.

И кровлю золотой коронкою зубной
надели. И войну надули, обманули...
Что ж я-то всё не рад? Какой еще виной
Сальери отравил мое напареули?

Журнальчик издавать? В архивчики засесть?
Не мальчик, а весь век — лишь кислое варенье...
«Китайщину», гляди, отстраивают здесь —
Китаев, как страшны мне их поползновенья!..

Не странно ли: вся жизнь прошла среди руин?
Но бабочка зимы не знает иглокожей
и осени сквозной. И выбитый один
ей дорог летний день — расхоженный, расхожий.

АРКАДИЯ

Триумфальный словарь — тополя трехэтажные, арки...
О, и я war geboren на гребне Четвертого Рима —
в парикмахерской, где после волжско-дунайской пропарки
бреют Веспасиана, угрюмо на нас, нелюдимо,

ненавистно глядящего... Вечнозеленого «Шипра»
горький запах, козлиный напев — Ифигения, Федра...
Где смыывает «ура» уроженку ажурного Кипра —
и Амуры нещедро

проницают сердца... Где тяжелые плавают слепки
бронзолиственной музыки — краснознаменной удавки...
Где стоит футболист загипсованный — в майке и кепке,
и казарменный шар — на подставке...

Две пятерки срослись с единицей рублевой, с девяткой,
и, к терновой пшенице, не знают, прижаться ли, к вербе
царскосельской?.. Ах, Фридрих, и я из Аркадии — падкой
рекотать в репродукторах рыком оваций «ich sterbe»!

IV

НОВЫЙ СВЕТ

Князь Лев Сергеич Голицын
шампанский завод в Крыму
построил. Повеселиться
царь приплывал к нему.
На яхте. В крахмальном кителе.
С супругою и детьми...
Любящие родители
с милыми дочерьми!..

Недалеко от Ливадии —
что ж!.. И изо дня в день:
о водах, о грязях, о радио
курортная дребедень.
И гребля. И чтенье Лейкина.
Купальники. «Бим» и «Бом».
Алёшенькина жалейка.
Любимый фотоальбом...

Вот так же и мы с тобою,
уткнувшись в мокрый журнал,
огромное, голубое,
бунтующее у скал

не замечаем море...
А уж скала не та,
с которой в тютчевском споре
не сделалось ни черта.

КРЕСТОВСКИЕ КОРТЫ

Такие свежие на них трусы и майки,
как будто оксфордские раскрываешь книжки.
Аристократия из ресторанный шайки,
героев отпрыски, комфорта нуворишки!

Такое галечное пляжное шипенье —
на кортках, уханье дремотное прибоя,
что нет ни зависти, увы, ни осужденья —
лишь умиляешься метаморфозам строя.

В стране немыслимой, где шахматные туры
чуть не до уровня ракетной моши взвиты, —
всё удивляешься: как не пройдут цензуры
гамбиты бабочки узорчатой Лолиты?

Ребячий лепет ведь! И мячик без оглядки
летает войлочный. И глаз бесцельно меток.
И упоительней ментоловой облатки
прохладца сбившихся со счета пятилеток.

ЕЛАГИН ОСТРОВ

Гвозди ржавые и доски хлипкие,
над протокой заросли ветвистые.
Липкою и слизистой улиткою
проползает лето волокнистое.

Даже глади не нарушить веслами
маслянистой. Тщетна эта силища,

что владеет школьниками рослыми
и девицами из педучилища...

Чтó угар вина, хоть и крепленого,
терпкого, но всё же ординарного,
против смертоносного зеленого
шелеста садово-календарного?

И уж забронировано место их.
Молодые каменеют лица их —
так же, как у тех пловчих асбестовых,
у метателей тех диска гипсовых...

Да и ты, среди куртин гуляющий
и чужим пыланием взъяненный,
радуешься вдруг всепоглощающей
тишине забвенья загипсованной.

МЕТРО

От снопищ таких, что и колхозницам грудастым,
распухающим, как на дрожжах,
не обнять; от тыквищ, пышным алебастром
вздувшихся; от фриза в ложных овощах
коллективизации; от серпов — Усиrom
съедешь засвинцованным вниз,
сбоку — конвоир,
этаким раскормленным Якиром,
Косиором, Кировым —
к прашурам на ассирийский пир.

Бронзовые бычьи туши валит яшур.
И с трибуны — в шахту, в гулкий Вавилон,
в штолнию... Ибо ясно же: алчущий обрящет
 власть — в виде хрустальных, выющиеся колонн...

Но со всею дворней, стражей — и не страшно
на шакалью мордочку невзрачную взирать!
Светлое, всеобщее Будущее башней
ававилонской вниз растет и вспять.

Шестерни зубастые и медные дубравы,
и в трубе сырой змеиный свист...
Вот ты и дождался изобилия и славы,
крепколобый подземельщик-коммунист!
И не в римской тесной, грязной катакомбе,
а в Урарту громовом,
где крылатое чудовище в улыбчивом апломбе
то павлином хвост глазастый распускает,
то царапается львом.

СТАНЦИЯ ЧОП

Все карпатские туннели, все защелки и щеколды
карабинная нам стража отворяла,
выезжающим из сейфа... Не обол, так валидол ты
пососи — и успокойся... С верхней полки
всё сползalo одеяло.

Проводник надел фуражку, застегнулся, туалеты —
точно фокусник — защелкнул, разогнал всех по местам:
дескать, Чоп — и извините. Взвизгнув, выдохнуло где-то
снизу. В емкости железной — цокот, топот, тарарам...

Ах, Карпаты, вы, Карпаты, с волоокою луною
галисийскою и ваксой — ну хоть выколи глаза!..
Всех соседей слева-справа прошерстили за стеную,
вот и к нам — крупнозернистая кирза.

Дверь-каталка отлетает, и рентгеновские струи —
из сержантских электрических зрачков.

«Ну-ка, встаньте!» — нас отчизна, не щедра на поцелуи, в паспорт чмокнула печаткой под чечетку каблуков.

Проводник опять расстегнут, с головой простоволосой
дребезжанье чайных ложек предлагает из дверей...
Или Дракула — приснился? Но кровавые засосы
лиловеют в красной книжице моей.

БУДАПЕШТСКИЙ ЭКСПРЕСС

Ах, мадьярочки-венгерки в коридоре, покурить,
вдруг растрепанные ветром, разрешите мне пройти
в тамбур, нежно протереться, расступитесь,
дверь открыть,
пропустите, дайте!.. Сердце тесно бьется взаперти.

И как раз на повороте скоростном... С ума сойду!
Словно поезд падать набок начинает вместе с нами
в жаркий свитер грубошерстный... Всю дорогу на виду
круглый купол эстергомский сложно вертят за холмами.

Здравствуй, здравствуй, многословный,
изворотливый Дунай
с яркой искоркой песочной в голубом, зеленом взоре!
В стекла дождь при солнце брызнет Зевсом
в поисках Данай...
Ну конечно, это эти, это трио в коридоре...

Не туристская поездка, а какое-то шитье, вышиванье. Обгоняем с ветерком второй автобус!

Детский сон из серпантина, золотое забытье —
словно школьный гладколобый, синеглазый
крутишь глобус...

Так в раю, наверно, с нами разговаривать начнут
на одном из непонятных ослепительных наречий —
и внезапно осекутся. Но вот в эти пять секунд
словно Бог единый держит стебель общечеловечий.

СЕВАСТОПОЛЬ

В Севастополе разгуливают вечером
офицеры опереточные с женами —
тоже гипсовыми. Южное наречие —
рафинадное такое, пережженное,
самопальное... Мне труднопредставима
их дневная деятельность на линкоре.
Кительными бюстами проплывают мимо
в щедрой лавровишне аллегорий.

О, блаженный воздух единообразия!
Ничего нет безалабернее армии.
Разве Крым — еще Европа, а не Азия,
навсегда осоловевшая в казарме
и гареме?.. О, араукария,
пальма горделивая, прости грехи мои! —
Я растенья так же, как Макарова,
отличить не в состоянье, от Нахимова.

Для чего к петличкам знаки Зодиака
у миролюбивых мичманов привинчены?
Рай земной ведь — одеваться одинаково,
заводить пропеллеры давинчевы.
Хороши особенно курсанты-неофиты,
прозелиты. Вымерли гусары и драгуны.
Только эти в черноте графитовой
призрачно белеют над чернилами лагуны.

ЮЖНОБЕРЕЖНОЕ

1

Вертолет сотрясает пространство, подробным брюхом
нависая. Но крылышки сложит, подставь лишь ноготь.
Поразительно: звук ощущаешь уже не ухом,
а желудком — обедать пора, должно быть.

Не пора? Или сбегать под зонт и стакан нарзана
засадить под брезентовым тентом? И снова навзничь
лечь... В закрытых глазах (из раннего Протазанова?)
мельтешить начинает, подрагивать,
радужно безобразничать.

А раскроешь — резиновым мячиком огороженная
пляшущая окружность незримой вазы,
краснофигурный Матисс... Вмажут сейчас по роже!..
Пляжные волейбольные классы. Ленивые водолазы.

От простины отлепляешься, к взбалмошной Амфитrite
движешься, к Потифарше, все кружева, булавки,
рюши в ногах растрепавшей; подпрыгиваешь —
смотрите! —
от бриллиантовых пальцев спасая плавки.
Всё норовит уронить — то песчаный снизу
выдернув коврик, то прыгнув на грудь. В истерику
этую сервантом рушишься вдруг, раскрошив сервизы
адреналина. И в ужасе чешешь к берегу.

2

Там, где платан канареечный скрученные чинарики
в сентябре рассыпает по стульям слоновой кости,
по прогулочной мебели палубной с привкусом Киренаики
и корицы, — при чтенье меню нечто вроде злости

возникает, поскольку не можешь по кличкам пищи, поперхнувшись раз пять и чихнув на «числе» и «хере» («чахохили», «чанахи» и что-то еще почище!), консистенцию блюда предсказать ни в малейшей мере.

Весь Кавказ в белом кителе щурится, курит трубку,
на лазутчика глядя улыбчиво, словно вафли,
алазанские оды пекущего: как скорлупку,
раздавить ли?.. На юге не ведаешь: сон ли, явь ли?

Целый день в барабане стиральном тебя вертели.
Жизнь и смерть, панымаэш, нэ главный тэпэр вопрос...
Засыпая, и то — продолжаешь нырять в постели
под шершавый шумок разминаемых папирос.

УШНАЯ РАКОВИНА

Ну и жарища —
Каир, Хартум!
Визги и брызги,
бац-бац! бум-бум! —
звон по резине.
«Слыши, не сгориши, а?
Пошли домой».
«Зине... нет, Зине!»
«Ой!»
«Боже мой!»
Словно из миски
одной —
выходной
в пляжной корзине.

«Ну-ка, немедле-
нно вон из воды!»
«Ды-ды-ды-ды...»
О, удавки! Петли!
«Мне до дуды».
«Нет, они в Сиэтле».
«Ну же, я долго?»
О, балаболка!
«Стольник? Лады».
«Киев». «Э-э... Волга».
«Волга не город».
Словно распорот
я!
«Ды-ды-ды».

О, как завидует
спящим глазам
голая дырка!
Что еще выдуют?
«Дык ее зам...»
«Шурочка?» «Ирка!»
«Вон из воды, я тебе!..»
Ого-го!
Просто психушка.
«Бе-бе-бе-бе...»

Ничего, ничего,
бедное ушко,
ну, засыпай.
И песок под щекой,
зыбкий, под мышкой...
Баюшки-бай.
Шелковистый покой —
в люльке,
в кастрюльке
под крышкой...
И — ни рукой,
ни ногой,
ни рукой...

«Ну, погоди,
погоди, погоди,
гадкий мерзавец!»
Ух, разбуди-
ли. Сердце в груди
скачет, как заяц.
Сел и расклепил —
...в липкий пупок
(спятишь — так близко!) —
ёк-ёк-ёк-ёк.
О, одалиска
(из бакалеи?),
сядь на диету!
«Спичечек нету?»
Молчок, молчок!
Чирк...
«Ну, спаси-и-ибо».

И, точно рыба —
весь в чешуе, в полусне, в поту,
в воду
ту-ту.

ПРОВОДЫ ГОСТЕЙ

Гости домой.
И среди овечьей
тесной прихожей
твоих предплечий
лед голокожий.
Волшебный мой,
о,
локоточек!
Смешно же, глупо —
шубы на пляже,
шарфы, тулупы...
Ялта зимой?
Жалкий росточек!

Милее, глаше
нет ничего.
«Чья перчатка? Ваша?»
«Наша.
Его».
«Чего?»

«Вы на метро ли?»
«Да, не гаси».
Странные роли!
«Мы на такси».
Ну, нализались!
«Шапка? Спас-си...
Сумка у Оли?»
Ho alles, alles!

«Ну, позвоню».
«Всё. Едем, едем».
Мы — прямо ню
среди медведей.
Чудища эти
к шелку и льну
лезут облапить.
«Ну, просто нá пять!
Нá пять!»
«Ну-ну».
«Верну».

«Наоборот».
«Эти замки...»
О, Эрот,
всё не с руки —
чуть потерпи же.
«Дайте, я сам».
«Их? Увижу».
Альтам, басам

гулкая штольня
вдруг отперта
многоугольно-
многоглагольно...
Вольно! Ушли же —
кисочка, ближе!
Ох, ни черта
себе — я врезал...
как-то невольно.

«Слушай, посуда».
О, дьявол! Кресел
двиганье. Груда
рюмок. Окурки...
Хана всем планам!
Горькие шкурки...
О, Геркуланум!
Он-то удобней
(хлобысь — и гладь!)
Клиочеке, чтоб ей
не убирать...
Места нет лобней
кухни. В кровать!

О, бормотанье!
О, пьяны!
О, бред!
Встать бы и выпить
воды. Но встань я...
О, винегрет —
гаже, чем Припять!
Что за топтанье?
То ли в мозгу?
Ну, не могу.

Сколько же можно
вздрагивать, зыбить?
О, как ничтожно!
«Ты спиши?»
«Угу».

...словно камыш...
Но — тиш-ш!

СВЯТОЙ СЕБАСТЬЯН

В нише — такелажноволокнистый,
вертикальноскрученный, как трос, —
в душевой среде прозрачномглистой,
в ярости сырой, крупнозернистой —
Себастьян игольчатый пророс.

Стиснуты запястья на затылке,
гладкий столб лопатки холдит.
Словно в гулкой падая бутылке,
он вот-вот бессмертие родит.

Закатив глаза полуподводные,
ледяной не сдерживая пот,
в обмороке сквозь водопроводные
арфы стреловидные плывет.
А ветвисторогие животные
хищным свистом целятся в живот...

Это Ты, Душесмеситель, плачешь
над язвимым, Скотовод-семит;
от зверей железнолобых прячешь
Карбышева в мутный сталагmit;
за холмом пылающим маячишь?

Или только дрожь адреналина
теплится в булавочном шелку, —

и живорожаемая глина
навсегда рассыпается в труху?
...Апеннины зеленых мандолина;
башенки, резные наверху.

ВИНКЕЛЬМАН

Винкельман в Триесте умирает.
Он — как бы Пигмалион наоборот.
Он к античной плоти руки простирает,
торс стопарусный в объятия берет.

Вечереет Адриатика за шторой.
И трактира снизу слышен балаган.
В его сердце — словно спица, на которой
Апеннины неравновесье и Балкан.

Тучи вспучены, что твой Буонарроти.
Но барокко не ценимо им, увы:
все сивиллы в эксцентричном развороте,
все морщины бородатой головы...

В громе мраморной сплошной каменоломни,
в мастерской, где всё, что лепят, то и бьют,
этот случай, в книге вычитав, запомни:
вот тоску каким кошмаром подошьют...

Еле теплится тяжелая олива.
Всем придется оплатить свои счета.
Не Элладу ли он ищет сиротливо?
О, какая всюду грязь и нищета!

И, соскальзывая в обморок последний,
промерзая, каменея под ножом,
наконец-то он — у Греции в передней.
Но — не Зевсовой, а ниже этажом.

КУЗМИН

Шапка голландская — как у Кости Сомова? И с пароходным басом, с дымным Шаляпиным, едут гости. Волга. Откос. То Клико, то квасом эти стихи отдают. То гримом... Ах, ну и пусть! То холстом, то мелом. И доломан на его любимом разве не тронет нас — милом, смелом,

к смерти готовом В. К.? Как странно выбрано место для их расплаты — в высокогорном романе Манна! Лишь позвоночник другой — Карпаты. Будущей бойни и прежней блажи дрожь. И форель разрывает сети. В бархате счастья лежат лепажи. Кажется: книги читая эти,

пользуешься неисправным душем — то леденящим, то вдруг горячим. Клио, а теплый?.. О тех, с кем дружим, вместе с тобою, Кузмин, заплачем! Юрочка — в барже? Фуше — в Париже. Лезвие вновь разрослось «жиллета»... Как угнездиться в бескровной нише? Где XVIII век Милета?

* * *

Всадник-легат Афанасий Фет.
Доблестней кто меж солдат камены?
Всё он, ах! всё с собой на тот свет
жаждет унести, отворяя вены.

Крепкий кулак у него. И Рим
рта не раскрыл, как на все задвижки
был им защелкнут. Мы все горим
в инверсионной его одышке,

а не одна лишь Машенька Л.!
Каторга, казнь — хороши акварели!
Как долгополый критик посмел
и заикнуться про «робкие трели»?

Кони, полозья, огни, Херсон...
Всё, всё с собою возьмем! Ты слышишь,
Фет, голоса сквозь землистый сон?
Сам, Афанасий, устами их дышишь?

Вот бы — моими!.. Когда умрем,
этот в Чистилище флейт и птичек
сорокоустый сезам возьмем —
нерукотворный набор отмычек.

ANNO MCMLXXXIX

Рáкушку транзистора рокочущую
от ушной не оторвать, урчащую
грозно и злорадно, точно хочешь всю-
всю стерпеть мучительную чашу —
учащую, ачащую, очащую,
рвущуюся и кровоточащую

Родину; всей дрожью назревающее,
рваное, рябое, говорящее
морище, кронштадтское вчера еще, —
страшное приданое, из ящика
выпущенное Пандоры, лающее...
О, кого мы растолкали спящего!

И не лучше ль то брамсоиграние,
то луготоптание, чем это
с цепкой мухой в ухе замирание?
Вставший Лазарь щурится от света —
на марксобородые старания
и политбюрошное либретто.

Вот и мы в разодранных заплатах,
в габсбургских разлезшихся лоскутьях
грязных... Ну, ищите виноватых!
Прах и кровь — на выломанных прутьях
в Ферганах, Тифлисах и Гератах;
копоть на «Авроринах» орудьях.

Малая саперная лопатка...
Проживем, ответит кто, пять лет ли?
Спите, маршал с маршальшею, сладко.
Поюжнели ревельские петли.
Хлопкоробкам робкого десятка
нужен твой картавящий ответ ли?

Нет тебя на свете виноватей,
отщепенец от родно-народной
бережем-как-мать-и-аты-батьей
славноПЭВЭОшной и подводной
гордости — кровавей всех Хорватий,
Сербий, нерушимой и повзводной.

«JALTA»

1

Вот где, вот где выдохнуть «ich sterbe» место —
под секвойей
клинописной, в золоте безмыслия, под ископаемой

пинией реснично-кистеперой... И такой-сякой ей
всё никак не дорasti, доассирийской, до раскаянья,

до стеснительности кипарисов Академии,
до Плотина безлицего,
до безлистого платана неоплатонизма...
Ах, кто пострижет ее, причешет,
кто елеем
иглы усмирит дикорастущие? Уж не сестра ли триединая,
Милиция?
Вот где выдохнем Псевдовенецию немецкую,
а после пожалеем:

слишком рано. Слишком паровозно. «Баденвейлер» —
слово-то какое! Да и где уж
в девятьсот четвертом разобраться, как отодвигается
заслонка...
Ванечка письмо свое крылатое всё пишет, а Тадеуш
не бежит еще по ленточке Висконти мимо пляжного
шезлонга.

Как ни вывернешь, всё в Польшу западает средиземная
Валгалла —
в пшик... Кто склеил санаторные миры так и дельфины
Апеннины?
Жаль, что пасмурно еще, что Таганрог еще, что всё же
вполнакала
мы смелы — и наша куколка еще полна наполовину...

Лев, сверяющий Евангелиста писанину исполинскую...
Но слишком Ясная Поляна,
слишком станция Астапово: по рельсам параллельным
никуда и не уехать.
Вот кому эфирных масел не хватало, волнолома, Пана,
уха Ялты, где лишь выйди на балкон — рокочет эхо.

2

Если бы лифтбой в полулиvre — с кожей, как у персика,
румяной, — сладкорото
по утрам «Good morning» нам высвистывал еще,
бесстыжим нежным пальцем
кнопку нажимая — ах, улыбочка миндальная, ах, мятная,
ах, щеточка Эрота! —
я бы этой фабержетки (всё за доллар отдадим
маниакально!) стать хотел бы
постоянным постояльцем.

Гrot Венеры и Орфей-Тангейзер...
Вагнера играет море —
белоглазое, больное,
мастурбирующее, вздыхающее жалобно и жутко —
вот медузой
изойдет... ах, в номер заманить бы,
напоить, крючки все расстегнуть
и остальное,
потное и трепетное, сделаться этой плотью — долгоудой,
нежногрузой!

3

Подкатила к выпуклому глазу
вздутая волна: нырни,
манит; это трудно строить фразу,
а нырнуть — лишь голову склони...
Ах, нырну! Но раковиной сразу
стала, вроде вогнутой брони.

Лишь бетон корявый волнореза
оторвался от ступни,
не пивная пена, а железо —
на три метра ниже... О, верни!..

Расколоб осколоб диабаза,
озг оглоб,
злобно я — будылга или ваза,
звягнувая об.

Глухота — как бархатные осы
в трубочке ушной.
Водоросли льнут, простоволосы.
И стекло немое надо мной.

АМСТЕРДАМ

В специальной лавочке, извините,
на канале — целые Нидерланды
я купил бы голыми. Заверните
эти жилы, железы, лазы, гланцы,
всей Голландии судороги и нити,
волны впало-выпуклые, шаланды,

гениталий полные! Амфитриты
бред: взлетают брызги, соблазн сочится,
пот течет... Жемчужину хоть утри ты!
Отчего — не в жабре, а на ключице?..
Рыбный рынок ртутный, ряды Киприды.
Вот где стоит Снайдерсу подучиться!

Aх, утрéхт кондомовый! Aх, я рдею...
Aх, гибрид Содома и Сенегала...
Но читал я где-то про орхидею
и пчелу такое, что дела мало
мне до Лота с ангелами, — идею
не пчела ли грешникам намигала,

назудела. Сладостный брат крылатый,
лепестком задушенный нашей страсти,
в нашей слизи тонущий: икры, латы

и дракон в пещере цветочной пасти,
в нежном зеве... Мэри, кому дала ты
заронить пыльцу, сцелокупить части?

И Творец, закручивающий эти вальсы,
несомненно, кончил бы жизнь в бедламе —
на подсолнухе, если бы Его пальцы
золотые пойманы были нами.
Он — голландец. Линза дрожит в канальце —
и алмаз. И мельница с валунами.

ТРИТОН

Легкий лен расстегивать, целуя
губы, горло, родинку, ребро,
ямочку подвздошную, вторую —
в первый раз увиденную ро...
Ах, словарик весь переберу я!
Но глаза уже забыли про
капельницу пуговиц, про сбрую
кожаную, пряжку-серебро,
«молнию» в теплице... Разворую
весь амбар овсяный, всё добро!

Пыльные шнурки... Какое лето!
Ратный Рим,
Геркуланум!.. Только скинем это
с тел плетение — сгорим...
Нет, — тянучкой талого шербета
залоснимся, мой муслим,
лань моя, услада, дельфинетта,
мой олень смуглееющий, налим...
Ах, ослабим жилу арбалета
и сиамский персик разорим!

Так ныряльщик — судорожный, душный
жемчуг, кислородное зерно
сдерживает в трубочке воздушной,
непослушной,
опиумной, винной, где темно, —
в глубине волны венозной, южной,
во выюнах и водорослях, но
зря немеет рот его натужный:
из тритона всё равно —
Божье имя и обол подушный —
выпорхнет оно.

НИЖЕГОРОДСКИЕ АХИ

Нежный Нижний.
Велимир Хлебников

Слово — лишнее как таковое.
Ры Никонова

1

Агафон подыгryвает Сократу.
С каждым ходом шахматным — гуще сети,
туже путы. Мудрости ждет в награду?
Да, любовь ведет диалоги эти.

Мотылек запутался в паутине.
И пустеют крупные аксиомы.
Подойди чуть ближе — и на картине
нет ни тел, ни фабулы, ни истомы.

Ибо самый сильный соблазн — в природе
мысли, кисти, музыки, камня, слова.
И кружит нам головы мелкий вроде
сдвиг, уловка тайная рыболова.

А когда дурак в слабонервном раже
парашюта режет тугие путы,
то безлюбой власти не нужно даже
ни петли, ни извести, ни цикуты.

2

Лишь бы дыркой бублика в цифре «нолик»
немота белела, а слов не надо:
слово — блеф и гибель... И я до колик
хочотал бы, стул уронил, менада,
как и ты, когда бы среди буколик
европейских плыл — не по кромке ада.

Растоптал бы книгу, порвал, порезал,
бахромой настриг и облил бензином...
Так оракул серный дурманит Креза —
и крадется перс по сырым низинам...
Я и сам бы в разум пальнул с обреза,
но не здесь, в Эринний гнезде осином.

Разве город Энн, где Ока на Волгу
наплывает веком слепой метели,
нас не нудит смысла искать иголку?
Где стога лидийские? Где? Не в те ли
«дыры», «булы», «щылы» ушли, не в щелку
азиатской зауми улетели?..

Воронье в кремлях. И подковки цепки
патруля. Тепло ли в троянском танке?
Спи спокойно, Эвий, кликуша в кепке, —
хлеба нет, но живы твои вакханки.
Стул ломают, пляшут, кричат: «Гнилая
ткань! Ткни, ткни!» — ровесницы Менелая.

3

Ни крутого сбитня никакого —
пух и прах.

Лишнее как таковое слово,
олово, половы...

Aх!

Только полуумье постового
с хрустом в каблуках.

Как легко мне, Господи, и пусто
улицей идти

Свёрдлова-Свердлова!

Яблоко-капуста,
кисло и медово,
крепкоусто
под стопой хрусти!

Или вроде талька или дуста...

Как всё это ново!
Травести.

Никаких поджарок там и булок,
никаких шабли.

Ничего такого,
такового.
Ой-люли!

Никаких сандаловых шкатулок —
снег в горсти...

Ибо было слово, и у Бога
было слово, слово было Бог...

Как убого!

Только холм кремлевский белобоко
млеет, лежебока-
колобок.

4

Ни волшебной горы, ни отеля «Савой»,
только Волги белесой — с лихвой.
Только холода дуло у лба и тулуп,
только в булочной полный отлуп.

Где Саратов-амбар, самобранка-Торжок?
Только выюги военной рожок.
Только сталинский сокол в тупых сапогах —
полированный цоколь, ледовый госстрах.

Ах, усатой фонетикой окай, Ока:
отчего это Чкалов начхал на Чека?..
Никаких Рябушинских. В их полом гнезде
кукушонок каприйский сидит на гвозде;

он кукует Роллану про лад-Беломор...
Всю махорку скурили с тех пор.
А стихи почитай: волчий улей, Тимур,
жмурки смысла, словесный сумбур.

5

Не салат, а поле Куликово —
косточки, и лук, и рис...
«Чаю, извините, никакого...
Кофию?..» — ну, вот еще каприз.

Ах, мерси, Марина Кулакова!
Рюмочки — и те перевелись,
выродились, вымахали, знаешь,
лопухом немытым разрослись.
Госказну в фужеры наливаешь,
ковыряешь слизь.

А, гляди, вокруг еще балдеют
от щедрот,
замирают, сердцем холдеют,
округляют рот
оканьем... Ока не оскудеет,
серебра невпроворот.

О, с каким же мозгом конопатым
нужно жить в отечестве моем!
Только словом слава и крепка там,
и сладка. И емлет окоем
окарина, свищущая катам
и полкам. И мы свое споем.

6

Милиционеров бабы полушибки,
ремешки и бляшки, мех...
Сизые такие голубкій-голубки.
Их бы, эх!..

В валенках плывут, качаются как шлюпки:
яблочный румянец, детский смех.

Их бы приголубить, глупых: гули-гули!
Клюй, птенец!
Крикни «караул!», усни на карауле,
в патруле. Пароль — «Ездец»... *
Всё, весельчакам, им — по болту, а кули? *
Воздух — леденец.

Хочется молочную сунуть шоколадку —
пососите. Ох!
Как Ильич, пощупать теплую подкладку
и, как Осип, — складку,
грубую на вдох.
Стоит только сбацать «яблочко» вприсядку —
и в мозгу растет еловый мох.

Первый космонавт из «Англете́ра» —
весь их слух,
вся любовь их ватная и вера.
Заспанный язык припух.
Кто жалчее милиционера,
беспризорней, ух?

Их бы, их бы в соловьиных перлах
пестовать, но — ах!
Их бин кранке нахтигаль, натюрлих,
зи зинд вольфен, — абгемахт!
До свиданья, милые, до свиданья, эрлихи —
с дырочками в славных черепах!

Но в груди колотится и сладко
млеет под полой.
Андрогин платоновский, двойчатка
с рацией, игрой и кобурой.
Парочка волчат правопорядка.
Дети Перестрой...

7

Розовато-белое, вернее —
серовато-алое шитье,
мешковиной рыхлой пламенея,
плащаницей выцветшей плывет —
инея барочная камея,
горла воспаленного налет!

Кто тебя, карминную, укутал
в гниловато-марлевую сеть?
Кто утыкал луковичный купол
иглами? Висеть

разрешил?.. Тяжелая шпалера —
нет, парча
старая так ало-тусклосеро-
серебристо-горяча!

В феврале сухих голландских кружев
тлеет лен.
Я был тоже жемчуг. Ныне — ужас! —
тлен вселен.
Эта ленность, эта пена в кадке,
муть, квашня,
этот вот подвох в миропорядке
так страшит меня!

Но, как в жарколобой малярии,
все багряногруды снегири —
вроде млечной бусины-Марии,
тлеющей Младенцем изнутри.
Тем, Кто скажет Лазарю: «Гори и
говори!»

8

Выглянешь в окно — лишь белое льняное
полотно — речное, неземное,
плащаница тающая, плат
из Турина, мленье ледяное,
умиленье... Волга, говорят.

И пятна блаженного, сырого
мокрою лилово серебро,
словно царский китель у Серова
и сирень рыдающая... Слово
так люблю, что колет под ребро!

Топит Пасха снежно-нитянью
ткань пелен. Куда ни поверну я
речь-свечу, прозрачнее еще
белизну расплавило дневную,
талый воск сбегает горячо.

И стекло, пройдя огонь плавильный,
выпуклой психеей светосильной
собирает слабое светло.
Слеп Фома, не ведающий блага,
и надводный снег ему — бумага,
а не лен Господень, не крыло.

БАЛТИЙСКИЕ ВАРИАЦИИ

1

Только существительные и прилагательные
имеют какой-то вес,
только статичное
состояние вещества правдоподобно:
полумертвые бабочки и стрекозы
на склеротических листьях,
арфа песчаных дюн,
мертвый сезон на прибалтийском курорте.

Чашка с чаем
заледенела на темной веранде.
И дыхания спящих
почти не слышно.
Только в давнопрошедшем
терпим глагол, который когда-то
играл центральную роль.
Не перемещенье вещей —
мир, но процесс
внутренних превращений.
Вроде распада.

Бронзовый диск растворился в пресном заливе.
Как хромосомы, дрожат
эпилептические пиявки
Шрёдингера и Гейзенберга.
Лимит дельта-тау стремится к нулю.
Кинематограф возвращается
к неподвижности.
Немота
заполняет всякую емкость.
И больше не дребежжит
электронными переходами
полый сервант отеля.

2

Существование сводится к ощущению.

Если хочешь, войдем
в прокуренную шкатулку бара, оставив во тьме
конькобежный асфальт
и дождь —
в чешуе ювелирных крон,
напоминающих Генделя и т. п.

Ни к чему
нам уже высокие формы забвенья.
Нас спасает холодный напиток и ломкий ритм
полихлорвиниловой музыки, легкость пласти массы,
прикосновение
к полированной плоскости стойки.

Словно во сне —
неуместна всякая речь, несущая смысл. И то хорошо,
что вокруг говорят на чужом языке, что до нас
дела нет никому.

Из филармонии и Домского зала
выползают чуждые нам эстеты.
Над развороченным портом еще багровеют
химические следы заката.
И ты, застыв,
думаешь: о, какой
кайф — перестать замечать
не только процессы,
но и субстанции.

3

Вещи исчезают. Вот и мне
в детстве слабый, выдохшийся запах,
как из антикварного флакона,
довелось вдохнуть —
и увидеть:
выцветшие глаза стариков и соль ресниц —
на лицах, цвета мореного дуба;
их тысячелетние пиджаки,
рыжие от июльского солнца;
тусклые медяки —
в узловатых от скучности пальцах;
и на скрипучем велосипеде
едущего сквозь душный сумрак —
вдоль железных дачных оград —
почтальона
в ржавом костюме плакальщика.
И еще:
полированный морион
плит, с прилипшими листьями клена,
на православном кладбище;
дымя сжигаемых веток...
Понять:
неотвратима судьба
и тщетны попытки
удержать жжение времени
передвижением в пространстве.

Посреди бывшей столицы бывшего государства
 в дождливом небе плывет
 бутафория бывшей свободы.
 И три звезды
 могут символизировать всё что угодно:
 срок выдержки коньяка
 или флаг
 Соединенных Штатов Америки — после того,
 как Мексиканские Соединенные Штаты —
 в ходе тотальной войны —
 вернут наконец
 земли,
 незаконно отторгнутые северным соседом —
 и, продолжая победоносное наступление,
 распространяются до Великих озер.
 Свободный стих,
 отменяя дисциплину мышления,
 бодро ведет европейцев
 в объятья улыбчивых братцев.
 И все мы, все мы,
 милые, глупые, пишущие, читающие,
 плавающие и путешествующие —
 как Кузмин говоривал, Михаил Алексеевич, —
 любим их, ждем их, надеемся на них
 и устанавливаем в столицах своих государств,
 крошечных — как островок
 Карýбаса де Барабаса,
 штуковины,
 упирающиеся в небеса,
 чтобы им
 было видно —
 куда
 идти.

АЛЬПЫ

Ecce X. Xecce

1

Великие немецкие могилы —
в немом снегу: у мелоса нет силы
вдыхать небес остиженный азот.
От Монтаньолы до престола Бога
безропотна кремнистая дорога,
ведущая пургу через Миозот.

Гельвеция! Игра стеклянных бус!
Здесь заключен мучительный союз
глубоководных муз с сынами века —
заложниками сна. И холодна
почти бескислородная страна,
построенная не для человека.

Но изумлюсь: простак Иоахим
в Давосе жил и воздухом сухим
дышил упруго — яблоко из плоти, —
столь ощутим, что нет тоски сильней —
с ним встретиться... пусть — в сонмище теней,
в голубизне, в ослепшей позолоте...

Хвала тебе, Волшебная гора
Европы, где прохлада и жара
Соединились! Разума и чувства
Союз ненарушим среди высот
Единственно возможного искусства.

Мы пишем не для женщин и красот,
A для пространства внутримирового,
Но не дано трехкоренное Слово
Нам, вне себя, понять: Weltinnenraum.

*Редеет речь живыми небесами
Иных времен. Альпийскими лесами —
Льняным плащом — покрыт всемирный храм,
Крупчатой солью гибельных морозов.
Ежевой рукавицей стоеросов

он — и повернут внутрь, к Иным Мирам.*

2

Элизийский роман о Швейцарии горной,
ледяной безвоздушный Давос,
мы проходим тропой синтаксически-торной,
словно впавшие в анабиоз.

Нас ведет восхитительный старец — с сигарой,
улыбающийся, как дитя, —
добрый бюргер, ганзейский союз с Ниагарой
Темноты заключивший шутя...

В царстве мертвого мы слюдяного ландшафта.
И хитрец молодой среди нас.
Группа праздных гуляк. Сеттембрини и Нафта —
правда в профиль и правда анфас.

А еще — простоватый румяный вояка,
странныо схожий с другим молодцом,
прогремевшим в бродячей России двояко-
сексуальным форельным свинцом. —

Или из дубовых баталий Толстого
красной девицей выглянул он —
белокурый варьант Николая Ростова,
верноподданный ветхих корон?..

Зачитаюсь... В саду нашем — хмуро и сыро,
Австро-Венгрия пышногниющая астр...
Но, увы: ни чумы, ни Платонова пира —
дверь не хлопнет, графита никто не подаст.

3

Гляди: пирамидальные шинели
самодовольно-генеральских елей
в широкое построены каре.
Какая утешительная проза
написана узорами мороза
на их красно-коричневой коре!

Всё это мне напоминает Гёте —
хрустальным звоном, блеском позолоты
и стужей безразличья. Говоря
по правде, я люблю его надменность,
его придворность и несовременность,
его стихи в мундире декабря.

Искусство, скажут, зеркало души.
А я скажу: ломай карандаши
и жги бумаги, ежели — и правда!..
Притворная музыка аонид
мне душу не целит, а леденит —
как исповедь... Поэзия - неправда.

4

В итоге плаванья сырого
берем в порту пивной редут.
Так-так... Бавария, здорово! —
и ты, коричневая, тут —
музыки дойная корова...

Но профиль Людвига II
уже в таверне не дадут —
на сдачу с кайзерской банкноты
расцветки северных зевот.
(Все венценосцы — идиоты,
но Людвиг — славный идиот!)
Что помню? — Леверкуона ноты,
полет валькирии... Вот-вот
сопьюсь, испытывая зависть
к народной жизни площадной...
Хочу раздолий швабских завязь
сравнить с блакитной стороной! —
Но доведет ли, заплетаясь,
до Мюнхена язык хмельной?

* * *

Алексею Машевскому

Ледяные залпы ночной волны,
зимней Ялты воздух хмельной...
Оглянись, взгляни!.. Но глаза полны
не тобой, увы, и не мной —
кипарисом, пирсом... В слепящий слог
можно вслушиваться до утра.
А потом уснуть, не связав двух строк
о нашептанных свойствах стра...
Так бушует море, ребро к ребру
прижимая, глаз зеленей,
так ревет, что рад я: и я умру,
не сказав и слова о ней.
Погляди, вон тают огни, скользя
дебежав до крайней черты...
Вон дрожат, теряясь... И нам нельзя.
«Хорошо», — лишь вздыхаешь ты.

ЕВРАЗИЯ

Петрозаводск в июне южные городки
напоминает прибрежные, средней руки:
главная улица вниз стекает — и вот вода...
Да не уплыть по глади блещущей никуда!

Из письма

*Из-под карельской снежной сени
опять являются во сне
мне неприкаянные тени —
и в сумрак свой зовут оне,
в свои морозные берлоги, —
слова, с которыми дневал
и ночевал, в забавном слоге
воспев: «стройбат», «лесоповал»...
А мир спустя десятилетья,
из яви склеенный и снов
слюной стиха и междометья,
всё так же призрачен и нов!*

СНИГИРЬ

В самом деле, должно быть, глуповатая флейта
насвистывает
птичьи эти мотивчики. Оттого и склонность такая
к побрякушкам, петличкам, погончикам,
детская и неистовая,
словно к спичечным этикеткам. Подобье земного рая
или светлого будущего, оставшегося в позднем
средневековье отрочества, вроде бесполой готики...

на столетье не грех ошибиться, припоминая козни
Козимо Медичи или то, как мы с Аликом
разобрали ходики —

в древнем эпосе как бы... Вот так же и здесь течение
времени остановлено, и нового не проплачет
ничего красногрудая флейта, и не имеет значения
смена начальников, жизнь ничего не значит.

Что с того, что твои капитанские зимние звездочки
покрупнеют в полковничьи, летние и близорукие?
Та же пташка сидит с металлическим клювом
на жердочке,
те же семечки сыплются подслеповатыми звуками.

ПОБУДКА

Здесь нельзя удивить туалетом,
и в июле напялив бушлат.
Так у Гоголя Чичиков летом
едет в шубе, и арки летят
флорентийские следом по снегу,
легковесный рисуя размер...
Каково ж выходить на Онегу
осетину в х/б, например?

Вот и ждет он шинели и шапки,
как пророком обещанных нег,
поутру из хрустящей палатки
босиком выбегая на снег,
обливаясь водою из бочки,
расколов ледяное стекло.
Просыпаясь. Но это цветочки!
С географией нам повезло.

ШИНЕЛЬ

Что ни скажи, а шинель тяжелей
курток, в которых привыкли ходить.
Пасмурный войлок осенних полей.
Грубая складка. Суровая нить.

Твердые плечи. Картонная грудь.
Помню, такой вот отцовский пиджак
был у меня. В ней нельзя и дохнуть!
Но не продуть ее ветру никак.

Ноги о полы, как в колокол, бьют.
Ворот корявый уперся в кадык.
Соли еще и не начатый пуд
ташишь. Не вжился еще. Не привык.

НОВОГОДНИЙ НАРЯД

В Ломоносове, в Нижнем саду вспоминать буду
Верхние Важины:
двуухметровых сугробов садово-парковая разбивка,
гипсовый Версаль кабинетный...

И так же здесь напомажены
куцые потаскушки на танцах, бумажная их завивка.

И поселковый клуб — глупый, словно Лажечникова
силишься прочитать: скучно-то как, нелепо...
В сейфе забыл фонарик (вот бы сейчас зажечь его!):
пень или самовольщик? — прищуриваешься слепо...

И недотроги жеманные, хорошенъкие учительницы,
сосланные сюда по окончании вуза, —
как они о поэзии беседуют умопомрачительно!..
Если бы не дежурства казарменная обуза,

если б не портупея конская, не повязка
на рукаве шинели... Ай-да картина
(что-то фламандское, да облупилась краска)! —
топаешь, точно слон, в толще сукна и ватина.

Или — как Санта Клаус с рождественскими подарками
в виде трех суток ареста в ларчике гауптвахты.
Нет угрызений совести: призрачно всё и парками
детскими тебе кажется... Не заблудиться впотьмах бы.

СТАРШИНА

Верхние Важины — рай для прапорщика Пономарева.
Если б еще «половина» его, Софья Иванна,
не мешала пьянствовать! Даром она здорова
и сама по праздникам выхлестать два стакана —

всё ни в одном глазу, чего не сказать о муже:
рюмку — и развезло... По субботам в бане
выдает он белье и портянки, дрожа от стужи,
а в мозгу с похмелья грохочет, как в кегельбане.

Впрочем, он — человек хороший.

С собакой Чангой

удивительно так друг на друга они похожи,
что когда капитан Филимонов мигнет: за банкой,
дескать, надо сгонять, старшина! —
то собака выходит тоже

на мороз и садится с «куском» в кособокий «газик».
У шо夫ера-сержанта с танцулек под глазом слива
лиловеет. И с грохотом едут они в лабазик
три бутылки «стрелецкой» купить и на сдачу пива.

А потом за тушенкой и луком бежит на кухню.
Сейф раскрыв, разливает поспешно.
Захлебы. Всхлипы.
Как бы кто не вошла!.. —
«Ну, Арнольдыч, давай-ка, ухни!» —
И смешно полагать, что иначе служить могли бы.

КОМАНДИРОВКА

В районном центре деревянном
сырым окурком пахнет шкаф.
Как жить в объеме этом странном,
гостиничном, сюда попав?

Положишь бритву и газету
на стол — kleenчатый, пустой...
Чем полость мне заполнить эту —
бездонную, как Лев Толстой?

Какой-то девяностотомный
день! Так играют в домино,
в лото... Давай, давай лото мне!
Но только в семь часов — кино.

А в десять — поезд... Маргарина
изучен весь ассортимент,
вся соль, вся слава Наварина —
трески стеклянный монумент...

Я не желаю, зренье, знанья!
Умри, бескалорийный слух!
Кто мыслить смеет «до свиданья»
чрез бездну часа или двух?

ПАМЯТКА (1)

И Батюшков в Париж въезжал верхом. И Блок в болотах Пинских гнил. И время было круче. Сукинnyй лексикон и полусонный слог уставов и присяг поэтов русских мучил.

И Афанасий Фет в лейб-гвардии служил. А Баратынский был почти твоим соседом по финской наготе сырых гранитных жил. Не жалуйся, дружок, идя за ними следом.

Пей Иппокрены лед, подков согласных медь, подкожный тайный ток батальной Аретузы... Да и какую песнь, как не военну, петь в России снегирию, покуда живы музы?

ПАМЯТКА (2)

И Овидий, отправленный в Томы, всё нам пишет про лед на Дунае, про сарматские стрелы. И кто мы — безразлично ему. И, не зная за собой прегрешенья, всё просит снисхожденья. И Августа *богом* называет. И «Скорби» приносит *миротворцу* загробным оброком.

Наизусть — оценили б усердье — он догматы твердит принципата. Почему же в ушах *милосердья* и лишь *первого в перечне* — вата? О, не он ли, Назон, всей душою был за сладостный *твёрдый порядок*? Пишет: море — бездушно большое, и горчит урожай его грядок.

И недаром *мудрейший из мудрых*
преподал золотые уроки:
словно рыбы — во льду, в перламутрах
замерзают во Фракии строки.
Но никто здесь не знает латыни,
и чудовищны варвары эти...
...С его жалобной книжицей ныне
легче жить адресату на свете.

ЧУТЬ СВЕТ

Пономарев постучится в окошко. Больной
вид, виноватый, побитый.
— Арнольдыч, привет.
Не разбудил? Ну, я врезал вчера, в выходной!...
— Да уж, заметно.
— А выпить чего-нибудь нет?
— Нет. И откуда?

Напасть! Что ни день алкаши
клянчат на выпивку... Ротшильд — я, что ли, и склад
здесь винно-водочный? Банным листом — одолжи
«чирик», пожалуйста, — липнут; не может — скулят —
быть, чтоб рубля-то хоть не было... Ужас какой!
Выставить вон бы — у Софы поди поканючь...
Кто малодушней — проситель с дрожащей рукой,
или просимый — «куркуль», разумеется, «сучье
е (тут икнули) отродье»?.. Парадный подъезд
лезет на ум...

— Может, где и осталось что, глянь?
— Нет, я же знаю.
— Но одеколон-то ведь есть?
— Есть... «Земляничный»...
— Давай!
— Ну такую уж дрянь!..

— Э-э... и еще бы водички и чем зажевать...
Мутная выюга вливается в глотку — и с ней
прежняя наглость... Не надо бы дверь открывать.
Нас и в лакеи не взяли бы кто поумней.

РАДИО

Воздух музыки вязок. Коням ступать
тяжело, Орфей: то уснут,
то очнутся с возом своих опять
слез, подвязок, колес и пут —
среди бурных скрипок, среди зыбей.
Полчетвертого, пять. Нет сил
слова вымолвить диктору, хоть убей.
Тот, что все небеса на груди носил?..
Этот окунь с вывихнутой губой?..
Как он имя выговорит у ворот?..
Композиторы, собранные гурьбой
изо всех столетий, со всех широт,
на него ищачить должны. Жуки
цепкой лапкой чешут брюшко...
Понимаешь, ему не поднять руки,
чтоб смахнуть барокко и рококо!
Слышишь: пурпур крепом бровей оброс?..
О, и Моцарт — среди корзин!..
Миллион, миллион, миллион алых роз
и сырья пакля низин...
Зеленеет Дафноу ель в глазах,
в лимузинной плывет возне...
И одна лишь музыка — вся в слезах
(всё равно — о ком ей), в блаженном сне.
Всё равно — о ком ей: беда, беда!..
Божье мыло жгучее, вечный всхлип
(лучше, лучше всех нас — и навсегда!)
из-под глыб айдесских и венских лип.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Траур четырехдневный
мрачнее всего в глухом
месте: пар над деревней,
слух заастает мхом.

Одни ледяные флаги
да шелковый позумент —
у школьницы-бедолаги
отнятых мокрых лент.

Брезент моросит. Печально
стекло слезится. В тоске
куда мне деться? Читальня
и та — на ржавом замке.

И клуб закрыт. И чреваты
червивой плесенью сны...
Все-все кругом виноваты,
лишь он за собой вины

не ведает — на портрете,
вчера обведенном мной
такой же жирной, как эти
полые дни, каймой.

СНЕГОПАД

Такой снегопад, что, вернувшись в нетопленый дом
из леса, едва отворяешь фанерную дверь,
сугроб раскидавши лопатой. Застывший, с трудом
замок поддается. В коросту солдатских, как зверь,

сырых одеял зарываешься, сняв сапоги,
гремящие об пол жестянками кровельных труб,
и думаешь: сколько же мрака вокруг и пурги!..
Пудовый, как Север, в углу отмокает тулуп.

И думаешь, глядя на жарко нагретый вольфрам
рефлектора: спит ли она в Ленинграде, не спит?
читает? (а пальцы... но это описывать — срам!..
в дурман забредают) наверно, с вязаньем сидит?..

И почта беспамятства в долгий берет тебя путь:
намятой на стыках о полку щеке горячо —
ты лишь бандероль, и ремнем перетянута грудь,
вагонным ночным сургучом затекает плечо.

ПИСЬМА

Безрадостна любовь по переписке — синий
остывший пульс чернил, глазетный монолог, —
как если бы не ты, не я, какой-то Плиний
вдали от Рима свой оттачивает слог.

Как если бы не ты, не я, бесполый кто-то...
С пластинки стерли пыль — такая тишина и гладь...
Трагического рта смертельная зевота...
Гипс, полный немоты... Как больно отвыкать

от счастья целовать твердящие невнятно,
в потемках находить умолкнувшие... Ах,
ни шепота, ни губ, забывших шепот, — пятна
почтовых штемпелей... Ни ссадин на локтях,

ни спазм голосовых, ни интонационной
оборванности — лишь занозы запятых...
За что же это мне! За обморок бездонный
в объятьях, за небес круженье после них?

ПОМЕХИ

Я отведу солдат на танцы. Патефон
со съеденной иглой першил в охрипшем клубе —
соринкою в глазу... (Расщелкавшийся фон
сквозь телефонный твой, пробившийся из глуби
пространства голос так стенаст... В трубку дуть.
«Не слышно ничего! — кричать. — Совсем не слышно!»
Нам раньше не была в любви такая жуть
дана. Как на ветру, она раскрылась пышно.)

В БАНЕ

Артиллеристы у Кирхнера... Ждет их Седан?
Нет, то другая кампания — Марна, Верден...
Пономарев ухмыляется: «Ай да Шалдан!»
У рядового Шалданова — ну до колен,

точно полено!.. А сам-то Шалдан с сапожок
ростом... «На танцы Шалдана возьмем!» — капитан
смачно гогочет, оскалясь... Индусский божок,
коротконогий пузатый китайский болван —

этот Шалданов. По-русски ни «бе» и ни «ме»,
лишь улыбается глупо и нагло, сопляк.
Не представляю я, что копошится в уме
темном, в архаику не проникаю никак...

Впрочем, наверное, глупости! — нет ничего,
ведь не Калигулу в Галлии, право, растим.
Проще бы жить. Подглядели отличье его —
и потешаются вот уж неделю над ним.

«Завтра в Педасельгу все, — Филимонов гудит, — *
едем на лядки!.. Шалданчик, откупори бак!..» — *
Бодрый в ответ хохоток красномордый летит
мыльный, распаренный: как же, наш «ротный» — мастак!

ТАБАКЕРКА

Вдруг меня как обухом ударило
по башке — Sofie Ponomariow!..
Вот кто нас улыбками одаривал
в темных Верхних Важинах под рев
водопадов. Головокружение!
Хороша, Абрамыч, что тут врать!
Не поверишь, представляешь, Женя, я
запросто бы мог ее в кровать
затащить, едва лишь захотелось бы.
Да! Но, знаешь, как-то не влекусь
к сдобности такой и пышнотелости.
Муженька наяривает пусты, —
думал... Ай да финт! Теперь, конечно же,
жалко. Но досаду эту с той
не сравнишь, что по своей беспечности
нам не пишет Пушкин молодой.
Тоже вот отправленный проветриться,
подышать озоном, погулять...
Если б знать, что и ему не терпится
в нас живого Публия обнять!

ВОДОПАД

Чудно: водочка, музычка, мясо с картошкой...
В сальных брючках презрительно дрыгает ножкой
виночерпий, стенограф желаний, хохмач:
«...и селедочку? всё? Потерпите немножко».
Водопад наслаждений! Алмазный «Кивач»!

Ресторанчик для заиндевевших в глубинке
солдафончиков. «Девочек» дряблые спинки
лиловеют... Ау, «декабристка», мороз!
Алкогольная нимфа!.. Как врет без запинки
Филимонов, ей в ухо засунувши нос.

Всем затылком терплю лошадиные пляски.
«...служба тяжкая, знаете, хочется встряски,
ласки, нежности...» Под руку двинут бедром,
рюмку выплесну. «...что ж вы всё прячете глазки?»
«...хи-хи-хи!» И оркестра тарелочный гром.

«Вы уж, шеф, как хотите, а я-то — в общагу...»
Шеф печально глядит на меня, бедолагу...
Прохожу сквозь шпицрутенный скачущий строй.
И метель серпантинную вертит бумагу —
«На перловой груди оживится герой!»

В ГОСТИНИЦЕ

Номер в «Северной» снял — фешенебельней нету отеля.
Неужели все сессии кончились? Ну и дела!
Или взгляд мой звериный ее поразил? Еле-еле
поломалась за стойкой и ключик волшебный дала.

Всё не верил, пока ковырял им в замке...
Да, двухместный!
И пустой! Завтра утром на станции встречу жену...
Ослепительный лен дезинфекцией пахнет, невестой,
хризантемою, астрой... Скорее под душ сигану.

И в постель... Ресторан подо мной разъезжается. Двери
дребежат. Чернота разворочена фарами. Скрип
зимних крепких ботинок. На всяком висит кавалере
длинношерстный зверек... Лимонадом разлить не могли б!

В коридоре проржут фиолетово-рыжие финны.
Вот бы в Хельсинки нам... в некусаемый локоть...
как жаль!

Санаторный мирок. Белизна санитарной Альбины.
Ожиданья и дремы едва уловимый миндаль.

РУБАШКА

Ты после стирки в рубашке моей отдохнуть
в кресло садишься с брошюркою в три лепестка.
Влажных зрачков серовато-озерная ртуть.
Ворот широк. И рубашка в плечах велика.

Ну почитай. Я же предпочитаю смотреть
так на тебя. Что-то с возрастом меньше до книг
дела мне стало, хоть вечер прозрачней, чем смерть
Пети Ростова... И ворот рубашки велик.

И выше локтя широкий подвернут рукав.
Снятые кольца на книжке лежат записной.
Китель повесить жестяночный надо бы в шкаф, —
глаз не могу оторвать, — что же это со мной?

Великовата рубашка в плечах и груди.
Тесная мне, так свободна Природа тебе.
В сон тебя клонит. И рай, хоть сейчас заходи,
вот он — сугробы до окон и выюга в трубе.

КОЛОДЕЦ

Колодца сруб медузами зарос.
Ведро отяжелело в десять раз.
Уже пора впадать в анабиоз,
реликтовый наладив керогаз.
Бесполой музы жалобный укол —
во всех сосудах холодно, смотри!
Стеклянный мир прозрачен и тяжел
от PbO и Pb₂O₃.
В лесу ревет белугой бензопил.
Несет почтарь газет морозный сноп.
И ломоносов знобко залепил
тебе снежком железным прямо в лоб.

ЛЫЖНЯ

A. C. Кушнеру

И сразу не вспомнишь, кто первым прошел
большим одиночеством леса,
где самый тяжелый подъем не тяжел,
где снег на лыжне — как железо.

Здесь ветку задели задолго до нас —
и выбилась вечная хвоя.

Здесь голо, лишь лыжник один — сколько глаз
хватает — вдали. Или двое.

Куда! — не догнать их уже, как ни жми.
Не выбрать, когда разойдутся.
И ты понимаешь, что сбился с лыжни.
И страшно, что можешь вернуться.

НА ЛЫЖНОЙ ПРОГУЛКЕ

Январь-Штакеншнейдер построил второй
дворец Мариинский с хрустальной корой.

Скрипит задубевший солдатский бушлат,
прикинулась просека мраморным парком,
и ты хороша среди пышных палат —
в моей гимнастерке и свитере жарком...

Скорей же, суставы в высоком снегу
намучив, вернемся домой — и за чаем,
плиту растопив, из эфирных фигур
в мужчину и женщину жадно оттаем.

ДРЕМОТНОЕ

после лыжной прогулки так славно ввалиться в избу
разношерстной ватагой и стягивать свитер с плечей
раздвигая друзей и подруг молодую гурьбу
краснощекую свежесть под лампой в пятнадцать свечей
и железные щепки запихивать в ржавую печь
и ботинки с шипами с носков пропотевших снимать
и когда же с них на пол так много успело натечь
отсыревшими спичками мерзлый журнал разжигать
разливать по стаканам добытый из погреба спирт
и консервную банку от жира очистить платком
и ложиться теснее вповалку какой уж тут флирт
и стесненье облезлый диван и разодранный ком
одеял скрипидарную лыжную смазку вдыхать
свист «буржуйки» мерцаньем сознанья ловить и в руке
позабывши потухший окурок тонуть засыпать
ощущая дыханье соседа на влажной щеке

СТАНЦИЯ

Трехвагонный от станции Мотка отходит состав.
Пахнет смазкой, скрипучим железнодорожным железом.
Тепловоз, на морозе махорочный дым распластав,
пропадает в сугробах за редким болотистым лесом.

Как мучителен северных елей и сосен хлороз,
как бескровен пейзаж! Обгорелую спичку ломая,
я подумаю: вот и опять наступает всерьез
и надолго разлука с тобой — до апреля, до мая?..

Так темно на платформе, и станция тонет в снегу,
в штабелях древесины, которую валим и пилим
в приграничном краю, что представить себе не смогу:
ты наутро раскроешь глаза под дюоралевым шпилем...

И не надо б на службу — уже протрубыли отбой,
да к ночным караульным, к храпящим
«дедам» и «салагам»
выгоняет из сруба, где всё еще дышит тобой, —
постою на плацу под гремящим от холода флагом.

КАЗАРМА

Солдаты спят, как дети в детском
саду. В казарме полумрак.
В глухом районе Олонецком
лишь постовых скрипучий шаг
по нерасчищенному плацу
нет-нет прорвется тишиной
ночной. Как сладко разметаться
на жесткой койке жестяной!

И при дежурном освещенье,
ослабив плечи от погон,
в туманном спальном помещенье,
напоминающем вагон,
летящий в будущее, вынув
в потемках ноги из сапог,
спать, крепким храпом рот разинув,
вдыхать дремоты душный клок!

В краю Септимия Севера
реальность призрачна. Другим
гори, сферическая сера, —
покуда утром хриплый гимн
из репродуктора не грянет, —
бесчувствуй, мраморная «Ночь»!
Ваятель кончил. Бездна манит.
Ничем сознанью не помочь.

РОЖДЕСТВО

В поселке у финской границы найдешь
от силы два-три кирпича. Только трубы
да печи. А прочее — дерево сплошь:
прогнившие бревна и черные срубы.

В сугроб, как дворян, погребают дрова.
Картаво трещит на морозе фанера.
Душа, проявляясь в солях Рождества,
смущает, теряя задор пионера.

Не то чтобы в Бога уверовал. Но,
когда всё так глухо в округе, так розов
закат, и безверие тоже смешно,
как спорящий с дедушкой Павлик Морозов.

PROBLÈME

Пять пар кальсон (спасибо, Галифе!)
с утра надел и в стужу выхожу.
И ватный шлем ушной на голове.
Весь в пряжках. Весь подобен багажу.
Тюфяк я, тюк натужный, саквояж.
Захочешь брызнуть — дудки! — фиг найдешь.
Вспотеешь, рывшись. Вытащить бердаш,
что Карбышева, страшно из одежд!

К тому же негде. Гласности сродни
вискозный куст и рухнувший забор...
Вот! Вот пропажа!.. Спрячь. И застегни.
С чего вдруг все повылезли из нор?
Лишь театральной люстрой мороз
зажгли, как ожил вмиг партер села:
то лыжник пробежит, то водонос...
Быть может, смерть — не оттепель — прошла?

ОХОТНИКИ НА СНЕГУ

После оттепели продолжительной
столько высыпало на мороз
зрителей, как будто местных жителей
перепись идет или опрос
по вопросу важности невиданной.
И солдаты тут уже как тут:
парят китель, в увольненье выданный,
и щетину бритвами скребут.

Между поселковыми рубаками —
спор, и всяк оттачивает слог.
Школьники с коньками и собаками
всей гурьбою вышли на каток.
Привезли товары на телеге ли?
Нет, мороз лишь поводом гульбе.
И — ветхозаветный, как при Брейгеле, —
юный мир так нравится тебе.

СПАРТАНЦЫ

На плацу те же игры, что в Спарте:
пятернями борцовские торсы
зацвели, затвердели на старте
конькобежцы, морозны и борзы.

Сам комбат, отрешившись от чина
и тупых предписаний устава,
машет клюшкой, кричит: «Молодчина!
Так их, пидоров!.. Эх ты, раззыва!..»

Ибо в армии — так же, как в школе, —
есть тихони свои, забияки,
и мальчишество спит на приколе,
вызвревая до боли и драки.

Восхищенная жжется ресница,
сладко ломит сведенные скулы...
Если выживу, долго мне сниться
будут игрища Северной Фулы.

МЕРОПРИЯТИЕ

Офицерские сборы... Такой перегар
утром — в актовый зал невозможно войти.
Всё никак не начнут. Десять сорок. Кошмар!
Для чего приказали прибыть к девяты?

Кто бы пива принес?.. Поминутно майор
забегает какой-то, «сейчас, — говорит, —
начинаем...» Еще полчаса. В коридор,
осмелев, покурить выползаем. Горит,

раздирает!.. Намылились, кто понаглей,
озинаясь, с вещами уже выходить...
Вдруг обратно всех гонят. «Полковник Палей
вам сейчас доведет...» Ничего доводить

он не может. Он тоже на сборы в Москву
только что улетел... И опять беготня.
Наконец на пятнадцать минут: «бу-бу-бу...»
Записали? Адью!.. И как не было дня.

КОМБАТ

Оттого так и хмур, что возможностей невпроворот.
Генеральские даже обул на меху сапоги.
Сам начПО к нему ходит за мясом, поскольку начпрод,
старший прaporщик, — кореш его. И начальник ВАИ,
тоже прaporщик (издали выглядит маршалом) — «брать»
(так они выражаются)... Мелочи нет, колбасы...

«Ну-ка, Пурин, гони-ка на свой выходной в Ленинград,
отдохни-ка, дружище, — в ручные таращась часы,

говорит. — Что из дому-то пишут?..

“Любительской” нам
захвати пару палок... Давай-ка иди, оформляй...»
Я — бегом. Как не знать деловой наш бардачный бедлам?
Все в трудах и заботах! Все в мыле! Вот-вот через край!..

Полчаса мне осталось, поскольку обедать он в два
уезжает. И мигом все — деру! Шаром покати.
Капитаны — вприпрыжку. Солдаты — вразвалку. Трава
не расти!.. Наизусть заучили: вернется к шести.

НОВЫЙ РОТНЫЙ

«Ну балда! — о Луканине все говорят. — Ну дебил!»
Клички Тумба и Шайба получены им от солдат.
Говорят, что не пьет и не бьет потому-де, что был,
насифоняясь, да так, что едва не сыграл в дисцебат,

оттого завязал... Ну, не знаю... Пудовый кулак
и кошмарная ряшка. Но всё же не пьет и не бьет,
Льва Толстого читает, поскольку — природный туляк,
и уставом любого нахала до слез доведет.

На разводах зимою по сорок минут говорит,
что не пьет и не бьет, что крупу не дает воровать,
что к труду приучает, что маршал поблагодарит
за отличную роту его, если здесь побывать

удосужится, что он (по-своему) тоже велик,
как Толстой (тишина!), тягомотный читает указ
в пятый раз (а мороз-то!), абзацы из тоненьких книг
о последствиях пьянства, Козлова зовет «ловелас»

(потому, что пролаза Козлов и известный хитрец)...
Ах, куда же, куда же, куда же я это попал?

Так от пьяниц измучился жутких. И вот наконец
посчастливились — свой долгожданный нашел идеал!

МЕТЕЛЬ

На первой, лесной, насосной, честное слово, сам
служил бы. А уж зимою — пансионат совсем.
Кто лыжи к пяткам прицепит? Ни «папа», ни я, ни «зам»,
ни прaporщики (умора!). К тому же сдувает в семь
меня и «зама», а «папа» тяжеловат на подъем.
И если в нас — центробежность,
в нем центростремленье сильно.
Засядет запорно в роте... А мы в это время пьем
по избам бразильский кофе, глядим, развались, кино
по финской программе, курим. Считается, что один
из нас — в лесопильном цехе, другой проверяет все
подсобные подразделенья... Плети кружева, ватин,
всё-всё заноси, ворсистый товарищ, во всей красе
кружись!.. Через час в казарму заявимся — все в снегу,
осунулись от усердья, проверщиков нет верней!
Домой бы нам, дескать, сбегать, чайку бы попить?..
«Угу...
ага... отдыхайте до завтра... еще посижу...» Видней,
конечно, ему. Посиди! У Костречука — запой.
От Фицика «Гольден Стар’ом» за десять шагов разит,
бальзамчиком конспиративным...
Хрустальный такой покой,
как будто здесь центр вселенной, над нашей дырой разлит.

НОЧЬЮ (1)

У солдат не жизнь — рапахат-лукум —
за полночь, когда уйдут начальники:

беготня, возня, шурум-бурум
в спальном помещенье, в умывальнике.
В смрадной хлеборезке — чай и плов
для особо избранного общества
земляков. Тишайший Соколов
начал адвентистские пророчества.
Телевизор финскую шизню
выдает. Лежи себе, попыхивай
папироской... Ай, какие ню!
Чуваки какие и чувихи!
Баночный намазывают сыр,
надувают шар в рекламном ролике...
Хорошо, что ночь вокруг, что мир —
ну, за исключеньем малой толики.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА

Пышные, но еще упругие, без гнильцы,
персидские розы;
и фиолетовые, чуть деформированные ягоды винограда
в тесной, тяжелой грозди; и дремлющие стрекозы
на маслянистых листьях; и мраморная прохлада

анфилады сводчатых залов княжеского дворца в Герате;
и прозрачный проточный пруд
под разлитой олифой зноя;
и ландшафт, измятый как после потных объятий
простыня; и узоры топких ковров; и сквозное

кружево парашютов и вертолетов в тугой лазури;
и резная глазурь минаретов, похожих на шампиньоны
силуэтами; и приторные мелодии, о Радже Капуре
напоминающие; и сверкающие на солнце
алюминиевые баллоны

для природного газа; и все столетья, что сзади;
и все годы, что впереди, с бессмертием вместе —
называются «Азия» и — неизвестно ради
чего — замыкаются в гроб из оцинкованной жести.

НОЧЬЮ (2)

Перед дембелем что за наряды солдатики шьют:
с эполетами и аксельбантами, боже ты мой!

Ночью в роту зайдешь, а в бытовке —

такой вот «махмуд»...

Гватемало дунет, Гаити лиловым, тюрьмой!

То ли маршал Лон Нол, то ли, скажем, Самора Машел.

И другие, такие же, в золоте, из-за угла
начинают выглядывать... И побелеешь, как мел, —
вот туркмен, и зовут его, чур меня, Хафиззула!..

Крикнешь: «Черт подери! Где дежурный по роте? Отбой!
Марш в кровати!» — Улягутся.

Ты — за порог, снова — шить...

Хорошо хоть, что эти приятели между собой
фракционные споры пока не смогли заглушить.

ВЕЧЕРОМ

«Герцеговину Флор» закуришь, жаркий коньяк
в рюмку нальешь. А за слюдой — сугроб
чуть ли уже не до форточки и волосатый мрак,
хрупкий фарфор всех марок и серебро всех проб.

А если в роту пойдешь, тесный надев тулуп,
звонким, как статуэтка, сделаешься, — такой
твердый мороз. И колбы дыханья от мятных губ
падают и хрустят осколками под ногой.

А в телевизоре млечном — аквариум ледяной,
зябкие содроганья, шведско-норвежский бред...
Вот где хмельной Валгаллы голубоглазый зной!
Вдрызг капитан Гордейчик пьян. И управы нет.

А посему в его роте — крики и беготня.
Ловят кого-то. О стенку липкий разбит графин...
То ли на воспитанье им не хватает дня,
то ли совсем загрызло однообразье вин?..

Можно пройтись до озера и поглазеть на насос
сломанный, можно в котельной илистый пар вдохнуть...
И хорошо! Самовольщиков нету в такой мороз.
Рыбкой себя ощущаешь в такую муть.

У ДВЕРИ КОТЕЛЬНОЙ

Среди ночи в котельную дверь отворяю — «Playboy»!
На крючок бы закрылись, топчан затащили б за шкаф,
потушили бы лампу!.. В одних сапогах рядовой
Бурлаков... Кладовщица, его оседлав...

Отшатнусь. Слава богу, не видят вокруг ничего
и не слышат за бульканьем, гулом... В смущении дверь
прикрываю... Да пусть. Удивляет лишь выбор его —
тридцатипятилетняя душнозамшелая тверь.

Замуж хочется, вот ведь! Троих по котельным детей
нагуляла ушастых. Остыть не хватает ума.
Скоро дембель. Ликия, пузато-обиженной, ей
из вагона помашут... Толстовские надо б тома

пролистать. Но куда там! Присоской у роты живет.
Или мужем ей кажется вся подшинельная плоть,
двухгодичная вечная юность? Тяжелый живот
плодоносит, не в силах супружеский долг побороть.

В ТЕПЛУШКЕ

Зима карельская раскоса.
И с ней, морозной, в унисон

немецкий лыжник близ Давоса,
рискуя жизнью, смотрит сон.

Там всё по-гречески красиво,
но сквозь оливы веет страх...
Не пил бы кульмбахского пива —
не заблудился бы в горах!

Теперь, малыш, пиши пшопало,
пиши шоша нашла пшедел...
Как Сеттембрини длиннопалый
за барчуком недоглядел?..

И я, очнувшись в теплушке,
спросонок глушь не узнаю —
сейчас бы ломаной полуушки
никто не дал за жизнь мою.

Снежок, заверченный раденьем,
обманно греет, как милоть,
предосудительным виденьем
еще наполненную плоть.

И диск луны огромной низок.
И странен сон, сходящий с век,
в котором грифельный огрызок
тебе протягивал узбек —

веселый конник полуголый,
чей взгляд был сладок и жесток...
Ах, честный Ганс — с начальной школой
и Польшей (тоже мне Восток!)...

В мозгу языческие гулы
зовут запаянную ртуть:
«О, гибкотелый, смуглоскулый,
сбей, сбей горячку как-нибудь!»

О КРАСКЕ

Что бы еще-то вспомнить о службе в смешливой армии,
в придурковатой Карелии, как бы еще напрячься?
Там и природа какая-то жидкая, грязно-марлевая,
слизисто-элизийская, призрачная, стоячая.

И березняк там какой-то зябкий, алкоголический.
Вот еще шаг — и кончится всякая ойкумена...
Там древесины такое качество и количество,
как в эпицентре тунгусского феномена...

То на плацу вдруг гаркнет глоточным матюгальником
прапорщик, точно чучело, туго набитый ватой.
То замполит притащится, и дураком-начальником
надобно восторгаться с рожей молодцеватой.

Вроде незрелого яблока, вроде железной маски
сводит улыбочка лживая челюсти мне и щеки.
«Пурин, покрась казарму!» (Нет и не будет краски.)
Но пустота: «Так точно!» — в цинковом водостоке...

«Краску тебе пришлем». Краски вовек не будет...
То солдатню гоняешь пьяную, обалделую
до четырех утра... Милые все мы люди.
И никому-то до нас нет никакого дела.

О КРАСОТЕ

Всегда двусмыслен довод веский,
грехи до рая доведут —
и я, как пасмурный Раевский,
подростков вывел на редут.

А им, изысканным, в серале
глядеть бы с гуриями сны —

но вот портянки постирали
и спят под парусом сосны...

Кори — за то, что изнутри я
культуры вижу здешний свет,
но посмотри: Александрия —
в Медвежьегорске, — Поликлет!

С Бородина летит осколок —
и сразу плавится в луче...
Но вандализм — кликухи тёлок
писать на мраморном плече!

И тут — «сосуд она, в котором?» —
встает вопрос в который раз,
а «Дорифор» гортанным ором
разбит в безобразный Шираз.

ФЛЮОРОСТАНЦИЯ (1)

«Флюоростанция» — слово какое! В строке
не умещается. Всё норовит это «о»
шариком теннисным выпрыгнуть... Стрельбище
вспомню в леске —
так вот патроны в обойму вставлял: одного
всё не уложишь, как если бы пальцев у нас
недоставало, — нажмешь, вылезает другой.

«Флюорографию, хлопцы, проходим сейчас.
Вольно. Заправиться. Форма одежды — нагой
торс. Командирам проверить состав... Становись!
Смирно! Равненье в шеренгах. На месте шагом-м...
Марш! Ногу взяли... и-раз-два!» — И вертится мысль:
словно силлабо-тоническим пишешь стихом...

«Окает» кто там и портит? «Баранов, оглох?
Раз-два-три, раз-два-три... Прямо! Носочек!» Ну вот —
вроде пошло, полетело. И выдох и вдох
уравновешены. Катится, дышит, живет.

ФЛЮОРОСТАНЦИЯ (2)

Не страшновато ли, грудь упирая в стекло,
в сейфе стоять на коленях почти что, задрав
вверх подбородок? Германией как понесло!
Францией хрустнуло!.. Или у голого прав

нет? Допризывникам гонор не так ли и спесь
тучные дяди сбивают за красным столом?
Током убют, как цыпленка. Элизиум весь
внутрь спиритический впustят, как в призрачном том,

помнишь, романе, где гамбургский Коля Ростов
истосковался по доблестной шпаге своей
в высокогорном Давосе... О, сколько ходов
у лимфатической памяти, сколько у ней

пор, капилляров петляющих... — новокаин,
анестезия блаженная! Что бы от нас
в липком наплыве косых фиолетовых спин,
рыжих подмышек, ушей оттопыренных, глаз —

и оставалось?.. Где наш отшлифованный строй?
Флюоростанция лишь кофемолкой гудит...
Опустошенно выходят. И курят. Сырой
даже у шуток, какой-то потерянный вид.

ДНЕВНЫЕ СНЫ

Солдаты, голые по пояс,
смолистотелый валят лес.

А ты бесчинствуешь, устроясь
под сенью лапчатых завес,
в тени. И лишь прикрой глаза ты —
увидишь странные миры.
Предтечами Шехерезады
зудят и гибнут комары.

*Гляди, Алим: таким отваром
меня волшебник напоил,
что и каширским шароварам
не скрыть вздымающийся пыл.
Приди и стань моим налимом,
труби, Алим мой, как олень, —
светильник праведным муслимам
начистить до блеска не лень.
Легко, как в сказке, с полуслова
сплетутся смуглые стволы...*

Но просыпаюсь я от рева
раздерганной бензопилы:
стоит Алимов, пьет из фляги,
по животу бежит вода...
Сны!.. Сны, как и листы бумаги,
сгорят ли, милый, со стыда?

ЖАРА

Осатанелое какое лето в Мотке!
В стеклянной трубочке свинцовый Цельсий спятил,
вспотел. Но вытереть лицо ему — пилотки
своей не вытянет из-под ремня приятель.

Ни Реомюр, ни Фаренгейт. Поблажки,
увы, не свойственны надутой загранице.
Зато у нас, хоть прикури от пряжки,
никто не чванится, никто не сторонится.

Вот капитанище наш, до трусов раздетый,
всех-всех желающих зовет с собой бороться.
Какое зрелище! Чудовищной приметой —
овечьи заросли слепого первородства.

Иаков, стерпит кто борцовские объятья?..
На ужин выдана всё та же чечевица.
Посудомойщица (мне кажется — без платья)
по залу мечется в халатике, как птица.

Нет, надо выкупаться, как-нибудь встряхнуться.
«Эй, с полотенцами для оргкупанья — стройся!..
Да, можно — в тапочках. Да, можно расстегнуться».
Всё разрешается. И день прожить — геройство.

ОРГКУПАНИЕ (1)

Колкий ельник младенческий, ростом по грудь,
крепконог до чего же и жестковолос!
Загорелую лапу и не отогнуть
от песка — как урчащий барбос,

распласталась, ощерилась... Посвист и грай —
над водою — и гогот пяти языков.
Или вновь хлорофилл газавата Мамай
развернул, улыбаясь?.. Султанов каков!

Жеребец! Голубая лоснится спина.
Соколова лягнул, белозубо заржал...
Странно: плоть так светла, а душа так темна,
и Природа не помнит рычавших держав,

и кумир Адриана повержен в песок,
и... Но нужно очнуться — и крикнуть: «Кончай!
Одевайся!..» Тончайший течет волосок
паутины с черничника на иван-чай.

ОРГКУПАНИЕ (2)

Купанье потных коней представляешь, армии Тамерлана
жадные, гибкие заросли видишь, самшитовые побеги...
Не под масличным ли знаменем служишь?..

Бежит, горланя
Азия, прыткие пятки в русый песок Онеги

вдавливая. Освободилась от полинялой ткани.
О, гуталиновый смрад, пасмурный зной Хартума!
Или я в узкоглазом вашем Узбекистане,
шелково-полосатом, в танкерном чреве трюма

сплю? А вокруг цветут Арабские Эмираты
розовогрязноватой накипью нефтеносной...
Уж не мираж ли служба-то? Аты-баты!
Не идиотство ли вид деловито-грозный?

Негоциантом, работоторговцем можешь
вообразить себя или Нероном даже!
Только тогда помрачнее еще, построже
нужно глядеть, понаглей — как полковник, скажем.

ЛЕЖАЩИЙ В КУСТАРНИКЕ

В растущих из песка кустах, в озерных дюнах,
застигнутый врасплох смятеньем, затаись:
распластанный солдат — на голых ребрах юных,
на впалом животе еще трепещет слизь

жемчужная, отчет о судорогах рая...
Спит? Рот полураскрыт, а веки смеяны...
Всого лишь миг назад, с незнаемым играя,
входила плоть его в незримые ножны —

и вот теперь, темна, безжизненна, дугою
свисает на бедро с ладони, как укор...
чему, кому?.. Спроси: могла ли быть другою
Природа — не таить любви смертельных спор?

...Умоется, поди, сопляк, окончив дело...
Но вечное стоит, твердея, впереди
неведомое нам — и, если б захотело,
две красные дыры зияли бы в груди.

КЛУБ

Киномеханик Мухтаров миндалевидный взор
свой на меня устремляет, и преданность в нем сквозит:
дескать, нэ бэспокойтс, тварщ лэйтэнант!.. На двор
только я выйду из клуба, завалится, паразит,

дрыхнуть, вместо того чтоб стенды красить. Окабанел!
О, каково ж мне это, как в воду уставясь, знать?
Но и торчать не хочется, осточертели — мел,
краски. Уж третий месяц мне лень Кириленко снять...

И вообще, наш клуб средневековый Рим
напоминает и тришкин отечественный кафтан.
Пыльный могильник лозунгов. Что за рядно над ним!
Всю черепицу укради. Из батарей — фонтан.

Лучше пойду прогуляюсь. До увольненья в запас
грибов наслуша чемодан. Уже и сентябрь в листве.
А к римской громоздкой цифре палочку пусть без нас
преемники пририсуют. И даже, пожалуй, две.

ТАНЦЕВАЛЬНОЕ

— Ну же, полно выскользывать, крошка, пипетку
в муравейничек рыжий, пушистый, пусти!
Хватит глазки подкатывать, сизую ветку
перед носом вертеть! Не могу взаперти,

погляди, больше я находиться, — раздуло
галифе... Сколько можно ломаться?
— Но-но!
Слишком скорый. Черкес! Ха-ха-ха! Из аула?
Ну-ка, вытащи руку оттуда...
Темно
за разрушенным клубом. И музыка в щели,
как из ветхой шарманки, сочится.
— Ну брось.
Ну пошли, телевизор посмотрим...
— В постели?
Размечтался! (Всего, дескать, вижу насквозь.)
Так ничем и не кончится.
— Завтра на мясо
подпиши накладные... Отстань же... Пойду...
Потолок осыпается в клубе от пляса.
Щепка лезет на щеку. Звезда — на звезду.

ПОСЛЕ ТАНЦЕВ

С азиатской грацией, как у Реза Пехлеви,
шах-ин-шаха Ирана покойного, по вечерам
шестиклассниц «мамеды» прогуливают, в любви,
вероятно, им объясняются... Просто срам —

до какого уровня нравственность на селе
докатилась! — негодованье во мне бурлит.
Вот сейчас покажу я вам «Шурале»,
«Танец с саблями», и понюхаете горлит

предварительный!.. Где патрульный? Ах, тоже там?
Ну я вас!.. — остываю уже.

А в малиннике — «жу-жу-жу...»
Не ловить, не бегать же по кустам,
ослепляя стрекоз фонариком... Доложу

лучше завтра, наядедничаю на ушко
капиташке, — такой, представляю, закатит цирк!

Всё либидо повылетит из котелков, рококо,—
хрупко зубы сожмут, лишь миндалинами зырк-зырк

исподлобья... Великолепная нынче ночь —
дунаевская, широкогрудая, у реки!
Ах, и я бы под ручку с рыбкой пройтись не прочь,
пузыри попускать. Только эти — совсем мальки.

Сероглазые. Сероволосые. Хворостин,
что ли, нет у родителей? Затосковал? Июль...
Ворочусь, телевизор включу — те же шашни,
тот же хитин,
кружева, ожерелья... Фантастика! «Феликс Круль»?

ЕВРАЗИЙЦЫ

«Смерть в Венеции» показывают финны и еще похлеще
фильмы, словно умер я уже или уехал:
высунется рожица малайская, зловещая,
из прибрежных зарослей, лаково-ореховая...

Или сон мне это снится повторяющийся,
зарубежный и многосерийный, ретро?
Что за пава разомлела водоплавающая
и дрожит ресницей, вроде амперметра?..

А у нас тут Азия Передняя, обилие
миндаля, лишь фесок нет и ятаганов.
Выются и ползут членистоногие фамилии —
Меретмухаммедов, Оразгелькалганов,

Мехтикуллгалиев... Не Мичурин ли
их посредством скрещиванья вырастил?
Завезли дичок в Карелию и оккультурили?
Среди стужи плодоносит, мглы и сырости.

О, цветенье конопляно-маковое,
наркотическое, из Индокитая!

Ледяные кольца зигфридовы плакали, —
потупляются Кримхильды и подтаивают.

И скандалная у прапорщика Цебрия история —
разродиться турком дочка собирается...
Сербия какая, Черногория
в нашей темной Скандинавии, Аравия!

ВОЗДУХОПЛАВАНИЕ

Перед нарядом уставом предписано спать.
Днем! Генеральские штучки... Никак не уснуть.
Крутишься, вертишься. Плюнешь. Грибы собирать
лучше пойти. Восхитительно — кеды обуть

и трикотажный костюм невесомый надеть.
Как цеппелин, над служебным кишенем плывешь.
Выспимся ночью. Приелось усердьем гореть.
Дела мне нет, я к наряду готовлюсь, не трожь!

Словно бы в отпуске... Ну и разруха у нас!
Ковентри мирной эпохи. Помойка. Бомбить
нечего даже. Гигантский торчит керогаз
ржавый. Не помнит никто, чем должно было быть

это. Каким-нибудь цехом? Распалась в спирту
память, истлела, сошла, как белесый плакат...
Китель сними, и такую увидишь тщету,
непоправимый такой вавилонский закат —

дух перехватит! Янтарно-сухая возня.
Зуд созидательный. Труд формалиновый наш...
Нет, я не трону. Но как подмывает меня!
То-то забегают, только носочком поддашь.

С ПОДЪЕМНОГО КРАНА

Загляну в бинокль — и пленкой Пазолини
в глубине стеклянно-ледяной,
двойной —
сладостный Багдад муслиновый, павлиний
пастилой скользнет передо мной:
озеро лесное, малолетних пиний
слюдяное марево, сквозной
синий-синий,
нет, — сине-зеленый зной;
голый пластилин — на пластилине
голом, поплавок с блесной...

Потные Султанов и Наддинов
с парочкой лядей... *
Ай да елдаки у аладдинов! —
Европеец, рдей
и гляди, что делает с ундиной
смуглый чародей,

заклинатель слизистого гада,
зыблемый тростник...
Или вновь зажгла Шехерезада
свой ночник?
.....
О, не надо
этого вязанья, этих книг,
этого занудного Синдбада!..

Aх, но кайф — из башенки слоновой
сквозь спинозу в рачьей скорлупе
видеть рай — зеленый, двухмандовый,
газават еловый!
И ислама милого глупей
только, только русый ус медовый
(пососи его, попей!
Да не так! Со всей мордвой и мовой!)
и держава портупей!

НОЧЬ В КАПТЕРКЕ

Где ремни развратные сплетаются, поскрипывая,
бляхами слепя, среди небритого сукна,
сornaя Венера выпросталась липовая,
вырастает, всхлипывая,
клевер одурелый, белена —

розоватая, зеленоватая,
петрокрест угрюмой бирюзы —
Афродита серба и хорвата,
острыми серпами воровато
жнувших ужас в зарослях кирзы.

Там гюрза качается раздутая —
потным Вавилоном под луной,
спутывая, путая
выпуклые дыни, плоский знай...
О, Киприда, уранида лютая,
жуток мне твой облик неземной!

Дозаправка в олове предгрозья,
рев турбин в распаренной борьбе
с пустотой... Так бьется полость козья.

Так сплелись в алчбе
колкие усатые колосья —
их узрю ли врозь я? —
на родном копеечном гербе.

ДЕМБЕЛЬ

Лыжи сданы на склад. Из-под снега плац
выгребают солдаты лопатами. Дальний лес
разлинован дорогами, словно большой матрац.
И сырье деревья опять обретают вес.

Как и пегое небо, в котором опять провис
металлический провод. Какая на стеклах грязь!
Не пора ль возвращаться в родительский дом, Улисс,
постепенно оттаивая и становясь

вновь самим собою, таких повидав земель
на краю ойкумены, у ледовитых вод,
что сознанье едва уже держится — словно шмель,
переполненный медом познанья, — едва плывет...

До свиданья, мужская чужбина, прощай-прости —
низкорослых твоих не увижу гнилых берез!
И поселок, где жил, оставаясь лежать в груди,
в том же эпосе тонет. И жалко его до слез.

ИТОГИ

Танцулька клубная, потом запарка спариванья.
Житье солдатское, щетинистое, мокрое,
в затекшем мареве бредовом прокемарено,
в двухлетнем заводном кинематографе.

Рябая, серенькая дурь полупрозрачная,
тупое донорство, прикрытое зевотиной,
банально-стыдная, сырая связь внебрачная,
 побочная с нечистоплотной родиной...

Любой ведь доблестью готов блеснуть при случае,
ребристым мрамором и бицепсом фарфоровым...
Заткнись, пичужечка! Довольно выкаблучивать
про бравого тушканчика Суворова.

Про альпиниста — баста! — итальянского.
Уймись, фальцетная в сквозной авоське Сенчина.
Кино закончилось, и выходжу затисканный,
полузадушенный, живой и беззастенчивый.

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ

Собираюсь прогуляться, дверь
отворяю... Мамочки! — Луканин...
«Здравствуй, Алексей!» — Ну вот, не верь
в парапсихологию! Из ткани
стиховой как будто вылез, мной
из своей загробной Мотки вынут...
«Понимаешь, внеочередной...»
И улыбки глянцевые стынут.
«Я так рад, ха-ха, ха-ха!» — «Ха-ха!
А не ждал?» — «Вы где так загорели?»
«Понимаешь, в Сочи... чепуха!..
тапки?.. в отпуск выперли в апреле,
потому... сюда?.. и без жены,
ха-ха-ха...» — «И что ж, купались?» — «В крытом...»
«В эту дверь... да, три... поражены?..»
«Закусить? Пожалуй. Общепитом...»
«Может, пива?..» — «Не-е, ну, Алексей,
ты же знаешь...» — Да уж, мне не знать ли!

.....
Перемыли кости роте всей.

.....
«В десять тридцать?.. а не погулять ли?..»
«Проводи».

.....
«Всем-всем привет!» Ту-ту.
И стальная дрожь бежит по следу.
Вынырнул — и снова в черноту
канул, растворился. Будто нету.

ПОСТСКРИПТУМ

Ж. К.

Эпикантусом словно прикрытую речь с полуфразы
узнаю, но ни слова не знаю, — казахский степной
карглазый язык, смуглой монголоидной расы
отдающий на вкус, жеребячей пахучей копной,

и кизячным дымком, и ознобом кочевничьей шубы,
островерхю шапкой... Но, зренъем во мне становясь,
эти звуки безадресны, а неумелые губы
не вольны развязать твоего языка коновязь.

В тайных дебрях друидов, в краю Адрианова вала,
где в магический мир иногда отворяется дверь,
нас с тобой только выюга,
на пошлость собьюсь, целовала...
Как живешь в Трапезунде своем теплокровном теперь?

Не горяч и не холден века закат. И объятья —
не такие, как прочил горячечный блоковский бзик!
Твой кочующий шум не умею на смыслы разъять я...
Или лучше не знать, чем он тянет меня за язык?

ПОСТФАКТУМ

Полмира рухнуло. Но снова ты
всю ночь не спишь, припоминая
Оразгельдыева какого-то,
и в самом деле — разгильдяя,
очаровательно-наивного
на грани детского раздражия...
Чтó он теперь, виденье дивного
киргиз-кайсацкого сарай?
Слезой ли блещет хлорциановой
в горах, торгует ли хурмою?..
Опять истории внеплановой
разгул за утлою кормою:
вновь рухнут стены перед Навином —
вновь отзовутся газаватом...
И я кажусь себе Державиным
в немом снегу зеленоватом.

СОЗВЕЗДИЕ РЫБ

*Любовный шепот, залежалый
пожар, пожива для молвы...
Не астрология, пожалуй —
ихтиология, увы...
Увы! И, поднимая полог
ночной — к взаимному стыду,
как скрою, жалкий Ich-теолог,
свой страх, читающее Du?*

АФИНСКАЯ ШКОЛА

1

Где Серапис мраморный с крокодилом,
глядя в даль морскую, застыл над молом;
где скользят кораблики милым Нилом,
парусами-мускулами на голом
гимнасийском торсе играя, реи
вознося, — в блаженной Александрии
хорошо бы жить нам, мой друг, старея,
согревая кущи души сырье
Гелиоса пламенем и горячим
ветерком, спешащим смычком по квинтам, —
Кипарисом, слушающим и зрячим,
ничего не слышащим Гиацинтом.

2

Так, смотри, в сардониксе камея
зреет, плат сминая и покров
совлекая, — мнимая алмейя,
лжеменада пляшущих миров,

голубятня идолов, — имея-
обладая, город Птолемея
расцветает — роза всех ветров.

Множество, своим центростремлением
в триединый свитое завой,
терниями слитый с нашим тленьем,
не как те, бессмертные, — живой...
Боже, что мне делать с умиленьем,
с этим жарким крестиком оленым
меж ключиц, с платановой листвой?...

С этим ветерком Александрии,
реющим в крови?..
Господи, толпой божеств умри — и
лик преображеный Свой яви!
Идолы — Твои ль поводыри и
рыбари?

Нет уже еврея или грека,
ни жены, ни мужа — только *Ты*.
Лот, Эдип, Медея и Ревекка —
сосредоточением слиты.
Даже — тот, кто ищет человека
с лампочкой циничной слепоты.

3

Даже разъедающая Кора
замирает музыкой во льду,
если ядра натрия и хлора
создают нейтральную среду —
море Средиземное... Земная
соль, живородящая вода...

Оттого ли так влечет двойная
нас лиро-кифарная звезда?
Обещанье жизни, отторженье
страха смерти, солнечная мгла...
Как хочу почувствовать круженье
лун — и в отраженном притяженье
уловить небесные тела!
Не Эребом, знаю, а эфебом
будет легкий прах запечатлен —
гулкой сферой будущего, небом —
лаврами поросшим, взявшим в плен.

4

Пчелы на мед слетаются и гудят —
помесь живого бархата и слонды
мертвой... Не вижу, но чувствую
твой изумленный взгляд.
Да, мы с тобою — соты. Вокруг — сады,
пасеки... Что по сусекам они соберут, спеша
смешивать в нашем воске пыльцу цветов —
не различая, путая? Чуть дыша,
слушаю гул приближающийся. Готов
к будущей, неподконтрольной уже ни тебе, ни мне,
призрачной встрече, которой ни я, ни ты,
жалъ, не оценим... Жужжи на приводном ремне,
пчелка, спеши обрести черты!

5

Сколь безжалостны, флейта, нежны, упрямые
молодые губы, что нас слюною
наполняют; пальцы, что наши раны —
то зажмут, то снова раскроют, мною

и тобой играя!.. В бреду эфира
мнимый шепот слышится: «Вас люблю я...»
Ах, зачем тебе, кифаред-Фамира,
этот дар Валдая, свисток Вилюя,
снегирек Рифея?.. В незнанье многом
и в безлюбье вид веселее хлева.
Что же ты мотивчик о том, двуногом,
всё заводишь — с сердцем, смещенным влево?

6

Шутка ли: вот-вот тысячелетье
телом Антиноя канет в ил
Нила... Как могу не пожалеть я
всех его папирусов, чернил,
стилосов?.. Не потому ли Тота
мордочка является из тьмы,
что разъято море, как ворота,
но полны смятением умы?
Ах, когда бы просека лесная!..
Как оставим лары на песке?..
Будущие истины Синая
Моисею светят вдалеке...
Но уже мешаются с рыданьем
аонид вокзальные свистки, —
и недостижимым ожиданьем —
обещаньем, но не обладаньем —
невозможно выместить Тоски.

7

Нет, не мы с тобой, а Иакх и Феб
в вертоград кудрявый на берегу
забрели... У нас-то скорей — вертеп:
ты в окошко выгляни — всё в снегу...

Охлади, дельфин, — и согрей, Заграй!
Так привыкли греки — вино, вода...
Но звезда иного Слияния — у дверей:
пастухи небесные, их стада...
Аристотель — долу, горе — Платон.
Ватикану нужен лишь бойкий клип...
На закате боги, взглянув в затон,
в отраженьях лиц своих не смогли б
отыскать различий, — и золотой
зной сменился холодом в серебре...
Погоди печалиться, брат, — постой:
о весенней вспомни страстной заре.

8

Так касались губы ее гобоя,
я не знаю, полой тоски кларнета,
что сравненье розово-голубое
с языка едва не слетало: это...
флорентийские голуби, бог с тобою!..
Погляди: в ладони блестит монета.

У нее есть аверс и реверс... Две лишь,
созерцатель, версии допустимы...
Я болтаю глупости, чушь ты мелешь —
сантиментов наших смешны сантимы...
Одного лишь гуртиком не разделишь —
в-красоте-рожденного Диотимы.

Не постель — триклиний у нас. Зевает
безработный Эрос, прослушав фразу.
Никакие речи не обвивают
правды, ртам беззвучным доступной сразу...
Как узнаешь: пьет она, выдувает,
утопая в музыке, — воду? вазу?

9

Танатос и Эрос за нами, братья-
близнецы, в обнимку шагают следом —
милые тинейджеры... Смысл объятья
их, увы, ни мне, ни тебе неведом.
И о чём там шепчутся — не хочу узнать я —
круглоглазым, звездным эгейским летом
эти два не в меру радостных пионера...
Геллеспонт Леандр переплыть стремится,
предвкушая розовый трепет Геро:
огонек мерцает; в груди теснится,
распирая ропот по жилам, сфера;
путеводным сором волна лоснится...

10

Лишь улыбчивый слепок всего того,
что томило сердце, влекло уста,
наполняло зрение... Всё мертвое.
Только сон пустого листа.
Никогда не скажет уже простых
слов, причислен к сонму камней.
Леденеет вена, немеет стих.
Обладай, властитель, имей!..
От Бриганция до Трапезунда все
города уставлены сном —
синеватым дымом во всей красе,
красотой в озобе сквозном...
А бумага — она смоляной пушок,
жар касаний, запах кудрей
сберегает разве? Ответь, дружок.
Ну, соври, если «нет», скорей...
Каменел, но, тая потом, слабел,
словно голос. Мускулом пел...

Чтó ему теперь глиптотек пробел
и немого мелоса мел?

11

Так себе — спецовочка, кителек
для души, скажем, альфа-вида... Еще есть бета-
вид... Ну, до обидного недалек
сочинивший это,
заронивший тлеющий уголек...
Как уйти от грубого трафарета?

Почему нам выпал с тобой орел,
а вот этим, жалобно-близким, — решка?
Почему я зрение вдруг обрел
не в низинах греческого орешка,
а в горах, окутанных в ореол
туч... Не кара даже и не насмешка,

к сожалению, — случай... Вольнó слушать
Скотоводу им порожденных тварей...
О, на всем такая лежит печать
пустоты, что крикнуть хочу: «Глоссарий,
замолчи! Что тут толковать! Молчать,
музы! Слаще ль тленье от ваших арий?..»

12

Все завесы, занавесы, кулисы,
погляди, разодраны в этом зале.
Все слова рассыпаны. Нет Алисы —
в Зазеркалье... Прежде мы осозали
плюш... Руины лишь, кипарисны тисы.
И уютней, кажется, — на вокзале.

Как мне жаль витых, полутемных лестниц,
осторожной нежности, пылкой краски
на ланитах трепетных тех прелестниц —
танцовщицы-лексики в полумаске,
Афродиты — вестниц!

Арлекина жаль мне, и Коломбину,
и Пьero... Раскиданы их наряды...
Как футляр разрушенный я покину,
где плескались резво смычки-наяды
в оркестровой яме, врезалась в спину
деревяшка, в уши вливались яды?...

Там моя рука, овладев твоюю,
млела негой — тою же, что на сцене
процветала. Там дозволялось ею
ледяной бинокль на ночном колене
находить... Как всё это я сумею
повторить в зияющем, ждущем тлене?

13

Ах, за всё Эрато предъявит счет.
Стоит трубку снять — отчитает рьяно.
Здесь — натяжка грубая, там — просчет.
Вообще — расстроено фортепьяно
бессердечное... Нил, говоришь, течет?
Присмотрись — не слезы ли Адриана?

Погляди: пугающи все пути,
а тебе, бестрепетный, нет и дела.
Как эфеба с Фебом ты ни верти,
ничего не выгорит здесь, прости, —
облетит листва, вот уже зардела...
И в любой купальне легко найти
ледяное тело...

И ревнут, смертно смутясь, уста
к палимпсесту потному, к тем пустотам
в помпейянском пепле... Плыви, листа
колыбель-могила, по всем широтам —
к Ланселотом слитым, к сплетенным Тотом,
чья печаль — безмерна, чья страсть — чиста!

14

Тирсы наших менад примахались быстро.
Хоть бумажку мните, Орфея рвите,
а Назон и в зимних низовьях Истра
сочиняет плач, Александр — в Тавриде;
и Дедал, замкнув лабиринт, на Крите
дельтаплан выносит — пари сребристо!..
Не обрезать вам путеводной нити.

Не наследство, нет, — но уроки бегства
из угрюмо так обступившей суммы
обстоятельств... Кажется впавшим в детство,
что мертвое искусство, мечты заумны,
беспросветны слезы... Нас их соседство
тяготит. — Несите же, крылья шумны!

ПИСЬМА ВСЛЕПУЮ

1

За окном гостиницы — дивный вид:
виадук, изгибы реки,
купола, купальни... Слепит, юлит,
золотые лижет пески —
не унять теченья. И весь отлит
Ярославль из стылой тоски.

Погляди, остался один каркас —
и волну не бросит к волне...
Торопись, троллейбус! спеши, баркас! —
всё равно вам не сливаться, не
совместиться... Так разметало нас —
по стране... увы, по стране.

Я сюда счастливый купить билет
опоздал — и клетка пуста.
Улетела пташка. Не виден след
на слепой белизне листа.
Как совпасть с тобой, как найти ответ —
я не знаю... Спрятнуть с моста?

2

Ах, иметь, иметь эти мед и медь —
обладать ими, овладевать
и владеть!.. Похожа любовь, заметь,
на диктант — смятенье куда девать?
Гнать — держать, обидеть — терпеть, смотреть...
В паутину смертную звать...

Рисовал учебничек — гон, узда,
задыханье, пар от коней,
цокот, ропот, ветер и пот... Ну да! —
улизнувший Улисс, Эней,
аргонавты — жаркая шерсть, звезда —
золотая, спящая в ней...

И стихи, я знаю, звезде, езде,
корабельной качке сродни:
неизвестно где — в небесах, в воде —
ледяные скользят огни,
проплывает облако... Всё — везде.
Сердце просит сердце: садни!

3

Пароходик праздный бежал, речной
катерок — баюкал, качал
на волне... Ах, волжский простор ночной,
монастырь, скрипучий причал...
Боже мой, какое Ничто со мной —
пустота, молчанье Начал!

Золотое, да только не то, Кольцо...
И руно не то... Так к чему ж
на летящей палубе пить винцо

и нести легчайшую чушь,
сознавая, что выдает лицо
всю твою сердечную сущь?..

От Тоски великой не спрячешь глаз:
сто обличий милых у ней,
пятьдесят двуполых прекрасных рас —
ближних, дальних... Плыви, Эней,
чуть не плача. Запад уже погас,
а восток и того черней.

4

Тот, Сафо спроси, богоравен, кто
замирает подле того,
кто пугливо думает: нет, не то...
Пожалеем вместе его!
И себя. И всех... Никогда, никто
не поймет. Никто — никого.

Лучше шумной шайкой шататься, да! —
заслоняя мрак ерундой...
От себя речная бежит вода,
становясь речною водой.
Нет у Волги с Которослью стыда...
Хорошо быть водой, зездой.

5

И слова бесплотные «ай лав ю»,
пьяный шепот жаркий — ах, всё игра!
Или мы с тобою уже в раю —
невесомей пуха, вольней пера?..
С кем ты пьешь в чуть слышном, чужом краю,

недоступном оку? И кто твою
наготу баюкает до утра?

Кто уста целует твои? Ладонь
чья течет от шеи к бедру?..
Да, ревнуюю. Да, я умру — лишь тронь.
А не тронешь — тоже умру.
Словно в коже влажный разлит огонь,
на аркане тянут к костру.

6

Ничего на свете нет — моего,
твоего. Ночные тела
и дневные жесты — лишь тень Того,
Кто давным-давно удила
отпустил, в Эдеме еще... И всё ж
неизбежен тщетный испуг?
Так листва, дрожа, шелестит: «Не трожь!» —
и бежит из тысячи рук...
Разве худо птичке в стальной сети,
жеребцу — в упряжке, а нам — вдвоем?
В золотое царство меня впусти
Диотиминых идиом!

7

Сколько раз я видел тебя — три раза?..
Словно две случайно слились
клетки («Смерть сладка», — не пустая фраза!) —
и растет нежданная жизнь.

Слыша голос твой, я схожу с ума: ты
дышишь в ухо, кажется — вот...

Целый год несет надо мной стигматы —
всё, что есть у нас, — небосвод.

Я как будто умер — тогда, в апреле —
и воскрес... В бесстыжую речь
то, что сам понимаю едва я, еле-
еле, разве можно облечь?

Ты приедешь? Щелкнет замок в прихожей?..
На вопрос — нелепый, немой —
только жаркой можно ответить кожей —
розоватой, как снег зимой.

8

Что чуткая прелесть ланья —
пугливой души тюрьма?..
От жалости и желанья
вот-вот я сойду с ума.

Мне хочется сделать больно
тебе, изнежить, убить, —
звонче, чем мяч волейбольный,
вольно тебя любить.

Следить, как ты — умирая,
с полураскрытым ртом —
ломишься в двери рая...
как воскресаешь потом.

ТАРО

Джокер, или Над могилою Кузмина

*И те касаний тел хотели —
приснись ему в могильном сне...
Не здесь, в земле, а там, в постели,
лежать с тобой сегодня... мне?
Тот облетелый волос клена
оставь — как знак ночной тщеты...
Коснусь влюбленно, умиленно —
и рук и мрамора... Но ты
так пальцем трогаешь резную
музыки запись на плите,
что если я тебя ревную,
то только к этой наготе.*

1. Mag

Мир похож на Марио из рассказа —
рот полураскрыт, а зрачкам в бреду
мнится нимфа... Мифа цветет проказа,
архетипы дуют в дуду. Стыду

места нет здесь, нет здесь ни в чем отказа —
Гераклит! три раза войду...

Колотись же, сердце, в теснине зыбкой!
Отвечай блаженно-слепой улыбкой
Колдуну безжалостному, лицо!..
Он стоит у столика, жалкий жулик.
Ножик, чашка, палочка, грошик-нулик —
на столе разложены — и кольцо.

Выбирай!.. Но нега живого стана,
андрогин Платона в тени платана,
жемчуга желанья, алмазы слез —
в шапито базарного шарлатана —
только фокус, Марио, лишь гипноз!..

Тяжелеет плоть, удлиняясь тайно...
Это Mag командует — «вира», «майна»?
Но когда спадет пелена —
и самоубийственный выстрел грнет,
на мгновенье Марио ясно станет:
никакого не было Колдуна.

2. Папесса

Раздувая розовый жар, золу
золотую в пальцах перебирая,
ты трепещешь, жжением роя мглу,
благодать разъято-сырого рая...
Так вольготно в толще воды веслу.
Как скользит оно, замирая!

Тучный червь, буравящий сочный плод?
Нож, увязший в липко текущей дыне?..

Ахамот твой дна не достанет, лот, —
и шербет познанья подобен хине.
Но как сладко, ахнув, сорить в живот
жадно пьющей тщету Шехине!

Не шесток — Святого Петра престол
просквозит свечным распаленным плачем.
Непорочна Сучка, пока твой ствол,
точно папский скипетр, кольцом горячим
держит — перл, янтарь, серебро, обол...
Мы еще, Премудрая, порыбачим!

3. Императрица

Словно рыбка верткая — пузыри
снизу вверх роняя, утратив вес
Архимедов, выется угрем внутри
водоема спешно-немой Гермес —
архетип двувыпуклой цифры «3»,
трепет треняя, антиотвес...

И мои ладони — их три! — круглы,
ибо чрево нежат и грудь.
От сиамских звезд до ворсистой мглы
потакает пальчику путь.
Ах, еще! зудящей вокруг пчелы
всей цветущей плотью побудь! —

Кесарица пасек, Царица птиц,
Мать-Кормилица школьара,
Сеть Причин, Наседка моих яиц, —
скорлупе ж еще не пора
расколоться, магний спалив на блиц
в вечнотемной Тайне нутра?

4. Император

Было только шесть на живых часах
и вот вдруг — двенадцать... Очнись!
Как люблю я ходики эти — страх! —
стрелкой вверх, а гирьками вниз, —

этот дольний маятник — между ног
и секундный шелест — в груди...
Ты не верил снам? — трепещи, щенок,
на Царя Ночного гляди!

Он сидит на троне. Во лбу — змея,
а в руке — трехмерный объем...
Что мне делать с телом, не знаю я,
но давай — побудем вдвоем.

Лаком мир земной с четырех сторон,
пусть с семи он смертью разит:
ибо царственность это и есть урон —
Трафальгар, Цусима, Тильзит.

Посему царей и должно быть два —
вот плывут они, делят плод/т...
Но в итоге — только слова, слова,
пустота страстей — Ахамот.

5. Папа

Беззащитный Север закатных глаз
и бесстыжей Африки Юг —
словно сразу несколько разных рас
заключаю в порочный круг.

Гибких мышц раскосый Восток, батут
живота, а ниже — Багдад, батат...

Дай еще нежнее сожму вот тут
этот твой, как Флорида — вольный, штат!

Мое сердце бьется в пяти-шести
сантиметрах трепетных от
твоего... Всю жизнь бы держать в горсти
вечный том длиннот и темнот!

Близоруким варваром в горький Рим
я въезжаю — где же ключи?
Пусть в аду, понтифик, с тобой сгорим —
приручи меня, залучи...

Крест увенчан шаром Земным — все три
Мира слиты, Зло и Добро...
О, какое чудо растет внутри —
распирает круто ребро!

6. Любовники, или Женитьба

Я, факир, в глаза целовал змею,
и держал губами огонь,
и глотал каспийскую соль твою...
О, как пахла — смертью в ночном бою,
гладкой болью — после ладонь!

От горячих пальцев отнять руки
был не в силах. Сердце до ста
дорастало. Вена, синей реки,
уносила в сумрак уста...
За соломинку гробовой доски
я схвачусь — за джонку листа.

Напишу: те знойные дни, те сны
наяву... Те ночи, когда

все наряды стали душе тесны
и влекла наядой вода —
царскосельской Леты, страстью Десны,
Тибра смерти, Стиksа стыда...

Эрмитажный мрамор сиял — Гермес,
Дионис, Парис, Антиной...
Красоты земной кипарисный лес
обступал живою стеной.
Всё дышало, пело, имело вес —
мое счастье владело мной.

Батарейку вкладывали мне в грудь,
как в фонарик, — и тлел вольфрам...
У кого просить, чтоб когда-нибудь
возвратили телесность снам —
воскресили, сладкую эту жуть
вечной жизни вернули нам?

7. Колесница

Сняты шлемы и латы. Сваты —
на плечах: Урим и Туммим...
Потому что все мы — солдаты
и смертельную боль таим.
Потому что продолжоваты
вещи нежности, слава им!

И вокруг бетонного куба,
где курсанта сонный курсант
беззащитно целует в губы,
я кружу, словно диверсант...
Ратным мальчикам что Гекуба?..
Одуванчиковый десант!..

Вертолет мне трепетный снится —
твои радужные глаза —
ветровых ресниц колесница,
ослепительных спиц гроза,
всех небесных криниц темница,
всех ключей подземных лоза!

8. Справедливость, или Юстиция

Становился вечером вновь ручным —
и о мире мы сволочном
забывали, воском сочась свечным,
трепеща в свеченье ночном.

Колотилось сердце в речной груди,
замирало. Жаркой, живой
наготовой — «возьми» — говорил — «войди,
приюти» — ладоням — «я твой!»

Коромысло лодочки, крепкий руль,
на устах — вкус пены морской...
Как назвать пылающий тот июль,
те весы Киприды — «тоской»?..

Только знаю: греческому огню
кипарис и тис нипочем:
воскресает ўмерший на корню —
и прекрасен крест за плечом.

Оперенье Зевса или Христа
равновесьем шумным — шепни —
окрыляло? Чьи целовал уста
в гефсиманской пряной тени?

9. Отшельник

Эти грозные друзья прибоя,
этот горный хрусталь проливной...
Голубое пыланье, любое...
Кто-то дышит у нас за спиной.

И не знаю, кого я ревную
среди капель целующих, струй...
В ледяную градирню ночную
погрузи, только «я» не воруй.

Ибо влажное «ты» не разделишь
на двоих, если зонтика три...
Рушишь воды и кроны шевелишь,
даже сердце сжимаешь внутри. —

Одного, Драгоценный, не можешь —
погасить нашу душную спесь.
Оттого так терзаешь и гложешь —
подашь зеркала... Занавесь!

(Созерцатель соседнего пыла,
так что капля шипит на щеке,
жду — когда же всё то, что томило,
в шумном люке исчезнет, в песке.

О, тогда лишь, когда нас — бесполо,
безъязыко — с дырявой кормы
смоет вольной волною Глагола,
мы полюбим размытое «мы».)

10. Колесо Фортуны

До ада ближе, чем до Багдада.
И по ночам корабельной крысой

мечется сердце — Шехерезада...
Чтó эти пляски старухе лысой?
Чтó эти сказки — об Аладдине,
о паладине, о мореходе —
выросшей вдруг леденцовой льдине,
в южных морях, при ясной погоде?..
Тщетно крути колесо, Фортуна,
вялой волною! Тони, лоханка,
выменяв дырку в своем борту на
пыл «Стерегущего» или Ханко!
Алые все отворяй кингстоны,
пей океан из фонтанной пасти —
о, эти соли живые! Стоны
слушай, не ведая — смерти, страсти...
Кто там — Анубис, Тифон, Геката?
Смена немая зимы и лета?
Запад восхода? Восток заката? —
Только зеркальная грань валета,
только двойная тоска Нарцисса —
взаимоотражение «я» в «ты»...
Нет ни движенья, ни веса, крыса!
Не аргонавты мы — астронавты...
Смерть не страшна, и жизнь невозможна,
сердце по кругу бежит тревожно.

11. Сила

Было в городе зыбко и жарко —
к языку прилипали слова.
По лекалу кроила байдарка
острием острова-рукава.
Леску жизни вокзальная Парка
обрезала... Я помню едва:
похость улицы, смрад зоопарка,
золотое отчаянье льва...

Так томился ты, запертый в клетке
мною (мне бы хотелось — в грудной)...
Дай мне сонные эти таблетки —
и танцующий зной площадной,
и касанье кладбищенской ветки,
и пылание плоти родной!..
Время — вроде рулетки, монетки, —
смертный выигрыш лепты сквозной.

Вид на шпиль из расширенных окон,
зелень волн, тополиный балкон...
Не составить из зrimых волокон
свет, на нас нисходивший... с икон?..
Я смотрю в голубой потолок: он
знает, что я поставил на кон.

12. Висельник

Брат Иуда, отец мандрагоры,
знаю: дело твое керосин!..
Палестинские синие горы
и серебряный шорох осин...
И паломник немой очарован
дымкой новозаветных высот.
Но не им, а тобой поцелован
Тот, Кто крест всепрощенья несет...
Вижу: целое море заката
и огней золотистых щепоть...
Увеличена так и разъята
у задушенных грешная плоть!..
Жизнь — лишь помесь синкопы и смуты:
тех — повесить, а этих — распять...
Но на сходе последней минуты
Он тебя поцелует опять.

13. Смерть

Овальный блик фотоэмали:
счастливый фавн лет двадцати...
Когда его вот так снимали,
могло ли в голову прийти?..
Банально, знаешь ли, и жутко...
В сети кладбищенских аллей
паучья трепетная шутка —
еще смешнее и пошлее...
Неладно в Даннии, прохладно —
и я шепчу тебе: «Пошли!»
Но ты всё жалобно и жадно
глядишь на тленника земли.

14. Умеренность

Из пустого в порожнее воду,
воздух, землю, огонь, — ото всех
правил реализуя свободу
и законных не зная помех
 сострадания, — переливаю,
на листе подражая Творцу...
Только что ж это — сам я сгораю
и горячую соль по лицу
растираю, столь вольно играя?
Скоро гвозди в ладони вобьют...
А какое видение рая
озаряло, ты помнишь, дебют!
Сфер вращенье и пенье гармоний,
вообще — сообща, заодно...
Зной мученья и едкий аммоний —
плащаницы голгофской пятно.

15. Пан, или Дьявол

Лишь глаза закрою, что ни
ночь, — растет, дуреет
плоть под тяжестью ладони —
и почтовым реет
голубем к тебе — такому,
господи, далекому, —
мрак подкатывает комом
к горлу, сердце ёкает...

Я хочу тебя — такого:
горького, ночного,
заключенного в оковы,
ключевого — снова...
ах, забыл я это слово —
термин птицелова:
сизым оловом — основа,
на просвет — лилово...

Слово — доблестней тюльпана
в его юной лени...
Как мы баловали Пана,
милого оленя!
Ни единой не поверю
византийской сплетне...
Я люблю тебя, как зверя —
зверь в юдоли летней...

Ах, на фавновой поляне
станем на колени.
«Мы — олени? — спросим. — Лани?
Лани — мы? Олени?..»

16. Молния, или Небесный огонь

Долго башня гордая строится —
быстро рушится и горит...
Здравствуй, чистое пламя Троицы —
Слово, Дух Святой, Параклит!

Чем утешишь?.. Сердце расколото,
не разъяв Любви и греха,
и течет никчемное золото —
амальгама, плазма стиха.

Это мнилось пресуществлением?
Пресен хлеб и кисло вино...
Даже к Отчим припасть коленям я
не могу — уже не дано.

Ни стигмата, ни теплой ветоши,
ни борений потных в ночи,
ни кормлений, ни брений нет уже —
лишь поля, разряды, лучи...

Знать хотя бы — какой заряд несу?
Кто добрей — помолится ль за?..
К небольшому, частному Патмосу,
назревая, скачет гроза.

17. Звезда

Что-то школьное: если о шерсть янтарь
потереть, он станет теплей,
горячей... Шепни мне — ты чей?.. ошпарь
из пищалей всех и щелей...

На струне дрожащей горяч смычок,
обжигают скрипку щекой...

Вот и жизнь — такой звуковой сачок
для вмещенья жизни другой.

Что еще мне сделать с тобою — съесть,
задушить, живот распороть?..
Как изжить телесную прелест — лесть
Божеству, волшебную плоть?

Так, в капкан попавшись, целует зверь
сталь — до смерти гложет, грызет...
Будет больно-больно, но ты поверь:
Богоматерь и нас спасет!

Не Танжер мне снится, Звезда Морей,
а безлюдный южный атолл.
Накрени же парусник наш скорей,
запали-ка пиратский тол!

Пусть взорвется боеприпас внутри
каравеллы — разве нельзя? —
и матросы русые пузыри
пусть пускают, в бездну скользя.

Их тела брезвольные в глубь неси,
обнимая, — слаще конца
не бывает, ласковее... Спаси
лишь меня и тезку-юнца!..

На непуганный вынеси нас песок,
где семь пятниц будет на не-
деле, козы, кокосовых пальм лесок,
птицы в небе, рыбы в волне.

Где такая полная бирюза,
что и время двинется вспять.
Где и днем и ночью его глаза
будут звездами мне сиять.

18. Луна

На мальчишек патлатых, в потертых
шортах, жадно глазами косил...
Ах, во всех разогретых ретортах
одинаковый булькает ил,
та же самая жажда вздымает
кровь — и в море родное несет...
Но, играя, любой понимает:
хрупких стенок никто не спасет.

И люблю я бесстрашно сорящий
средиземной соленой слюной
этот зрящий, тоскующий, зряшный
Диотимы магнит полюсной —
краткосрочной и сладостной плоти
извожденье идеей зазря...
Лишь досадно, что в нашем приплоде —
только ангелы, пыл словаля.

19. Солнце

Не волной морской, не петлей, не пулей, —
а сейчас вот сердце в груди
разорвётся... Всё, что не ты, на стуле,
на полу оставь — иди
вязким светом в липкий постельный улей...
По ночам у нас не темно в июле —
я хочу тебя, погляди!

Хорошо, в разметанной плоти лежа,
как в овсах, тобою дыша,
умирать... Всё это лишь дрожь и кожа,
но внутри, ты знаешь, душа.
И на жаркий шепот она похожа —
на волшебные «эль» и «ша»...

Мотылька ладонью ловил ночного —
и теперь вот пальцы в пыльце...
Как сияет брызгами соли слово,
как слепит, кончаясь на «це»!
Спи... А солнце светит с востока снова,
и всё славно будет — в конце.

20. Судный день

Этим купальщиком юным, на Каменном
острове нами увиденным с мостика,
стать бы, чтоб в каре-зеленом и пламенном
зренье пылать твоем — милая гностика,
печь Данилова, тайное знание...
Сладостны жжения жизни животные —
сердце отбойное, страсти стенание,
угли под кожные, вдохи подводные...

Как я люблю тебя — старый и жалобный!
Кажется, был бы моложе и краше я,
что тот купальщик — проточный, трехпалубный,
тысячепарусный, — самое страшное
произошло бы: живые б ослепли,
мертвые встали б из праха, взирая
на Апокалипсис — в розовом пепле
сердце сливается с сердцем, сгорая.

21. Мир, или Обратная перспектива

Чешуя сазанья, перо фазанье...
Но не ясно: как там — в огне, в земле? —
Расскажи, священник, про осязанье,
про резьбу морозную на стекле...

Мастер прозы вкрадчивой (с листопадом среднерусским сравнивали), свечным язычком согрет ли ты за распадом — благовестным солнцем ночным?

О, поведай: шире ль вдали аллея,
чем вблизи, воскрес ли отвес,
флорентийской Флоры-весны милее
наважденье зыбких небес?

Гностик, мистик оптики, сдутый листик,
пленник свастика, формул схоласт, —
хорошо ли Слову в сетях баллистик?
Не гнетет ли азбук балласт?..

Не сужу. И я ведь Отца и Сына
позабуду ради словца,
ради прелести... Шелести, осина!
Начинается мир с конца!

И, пытаясь зримое слить с незримым,
мы встречаем бесов в лесу, —
потому и названы Третьим Римом:
за красоты — соты, красу.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Виноградники Арля, луга Живерни —
чистота ослепительной тверди...
Где мучительный зной, и тупые слепни,
и тоска, и отчаянье смерти?
Но скажи: это бегство из тесных одежд,
ускользанье от тягостной жизни —
наилучшая из воплощенных надежд
на бессмертье иль скрипка на тризне?

Шоколад принесут, прочитают письмо,
поразят Ниагарой фасада...
Или самосознанье презрело само
умирانье, за гранью распада
продолжаясь неверным свеченьем гардин,
фосфорическим — о, непосильно! —
разложеньем подземным, как думал один
евразиец безумный из Вильно?

На холщовое счастье гляжу, не дыша.
И гонимая Светом с Востока —
ей тут нечего делать — уходит душа.
Но не слишком ли плата жестока —

претерпеть перламутром кишащих мазков
и пуантами мертвого цвета
воскрешенье в чаду миллионов веков —
за истому короткого лета?

НОВЫЙ ЛАМАРК

Все слова — пустые Митилены,
полый Крит, сомнительный Милет,
зыбких тел белковые обмены,
слизисто-обманный амулет.

Где плодитесь, мнимые? В мембране,
в Амалфее зуммеров, в ушной
раковине?.. В рок рогатый, а не
в шахматы играете со мной?

В серный рай сырой по переписке?..
Высшей марки мерка: меркнет мрак —
и резцом врезает риски риска
трепет в пропасть сбросивший Ламарк.

Не в аду — в рогатости бесполой
вспоминаю с ревностью немой:
воздух — питый каждой альвеолой,
звук — игравший радужно со мной.

И двоичность — мальчика Ахилла,
кинувшего пряжу оттого,
что сама собою липла Скилла
стали к силе мускульной его.

И люблю, рисковый дельфинарий,
твой фонем-оракулов пролом —
сор речей, шугу рычащих арий,
чешуи звенящий бурелом!

* * *

Живопись, и музыка, и тела
легкое сверло...

Только им, не знающим предела
под луной, вольготно и светло.
И психея тоже бы хотела
им служить, но ей не повезло.

Дрожь струны; гончарный круг балета,
косный ком
В вазу претворяющий, — и эта
буря красок... Счастлив, кто влеком
слухом, зренем, тренем — Параклета
трепетным силком!

Им-то что — на стоязыкой пленке
очевидным, значимым вне слов —
эти лодки Логоса и джонки
Смысла, Причашения улов?
Ах, легки! — шумерки, вавилонки...
И плывут — плывут поверх голов.

Что же ты, сверкающий как рыба
в пасмурных пучинах языка,
льнешь к веслу лоснящемуся? Либо
воля, либо ласка рыбака —
леска... Выжить в ней едва ль смогли б, а
всё влечет горячая рука...

Милых птиц скликающий Евгений
всё недосчитается одной
верткой рыбки... Выбрать царство теней
иль Пресущественья перегной —
братство инфузорий и растений,

водорослей, крестных средостений
или гордый мрамор ледяной?

НА СМЕРТЬ МУЗ

Где Аполлона сладостный гарем?
Остался от девического хора
лишь циркуль танцевальных теорем —
Урания, увы, и Терпсихора.

Да и они — у полосатых звезд,
у снизу вверх зачеркнутых восьмерок...
Усни! Не скрипнет Кировский помост,
не озарится Пулковский пригород.

Фиал Евтерпы, Мельпомены пыл —
облезлая мечта дегенерата...
Спи! И не смей касаться, некрофил,
адипацира Клио и Эрато.

Как те, в цвету, бывали горячи, —
как, «ах, еще!» — шепча, сникали к поту...
Плачь! Кончилось — и начали врачи-
патологоанатомы работу.

У, черви филологии!.. Что им,
личинкам, неотзычивые чрева?
Но мы... Как раздраженье утаим —
незавершенье, жжение перегрева?..

Прощайте, Сестры... Хрупкий вертолет,
vas несший, встретил твердь непуховую.
Вот обелиск... Но не слезу прольет
здесь бард, а дрожь... бессмысленно-живую.

АПОЛЛОН В МЕХАХ

Это ведь Феб постучался к нам в дверь
прекрасной стопою.
Каллимах. К Аполлону

Барская шуба — барсова шкура.

Мцыри, в рычащем меху
вьющийся. Марсиева синекура...
Ху, разберемся, из ху? —
Дафнины лавры и бурка хевсура,
Бозио в зимнем пуху...

Кто же, в тулупчике заячьем ката —
словно Назон в зипуне,
светит косматой звездою заката
заледенелой стране —
родине лютопевучего мата,
кто же в кизячном огне
шепчет: «Смотри, первородство космато
и чечевично вполне»?

Сжатый небесной Медведицей, в ахе
с Агнцем предчувствуя связь,
кто мусоводит здесь в снежной папахе —
ох, не валашский ли князь?..
Что Леопольд их и Сад в прибабахе —
жалкие язы и карась!

Наш-то похлеще вервольф и подлещик —
в шубе вороньей пессец голубой,
шук оперенных скорняк и нарезчик
славы, по сердцу ведущий резьбой
страха, пером бородатым, — помещик,
мнимости в Крым выводящий гурьбой!

* * *

Г. Ф. Комарову

Вологды кулек измятый,
липкий, кинутый в пыли, —
прах разъятый и косматый,
буераки и комлй, —
удивлюсь я, — пахнет мятоей,
сумасшествием чреватой...

Виновато округли
над лазурью изумленье
резвой ласточки резной!
Средиземного томленья
 занеси зеленый знай
 сквозь зияние глазной
 линзы в зимние селенья
 мысли — в хаос волостной
 веры, страха, умиленья —
 в хрупкий домик подвесной!

* * *

Четыре, две и три —
загадка для Эдипа.
Скорей с лица сотри
гримасы прототипа,
из-под тяжелых век
расчисленного рока
смотри: се — Человек,
у смертного порога
Небесного Отца
молящий: «Или, или!..» —
как будто два конца
углем соединили.

Зеницы меркнет шар,
и голень перебита...
Но углеродный дар
горящего графита,
как и слиянья пыл,
не скрыть под пеленою.
Кто парус округлил
беременной волною
для крестного костра
и пламенного лова,
Десятая Сестра,
рождающая Слово?

* * *

Сочиняя вирши, впадая в грех
Кантемира, девичий стыд
не сберечь: клубится козлиный мех
от пупка до пыльных копыт,
и магнитно манит надменный смех
аонид либидо обид.

Аполлон в кайсацких снегах, в мехах.
Псевдомарсий. Захер-Назон...
Всех укутал в барские шкуры — вах! —
август. А уж зимний сезон
пантеон встречает полком папах-
паханов... Колхида, Язон!

Здесь кентавр на резвых подруг тайком
жеребячым косит белком —
и дриады, сбившись в пугливый ком,
улепетывают леском.

Здесь оваций гул и красавиц стать
зарифмованы номерком...

Все встают. А как же, Приап, не встать
на колонном сходе таком?
Петь и нравиться, вымпелом щек блистать,
обольщать стишком-колобком!

Так и я пытаюсь тебя пленить
расторопной рифмы силком,
Каллиопу — оп-па! — с Эрато слить,
жизнь и смерть стянуть узелком...

Что паук, сучу золотую нить.

* * *

Как зрачок, сужается, немея,
осязанье, раненное влет:
алый спирт укола Саломея
ледяной соломинкою пьет.

Чтобы плоть пугливо обомлела,
опусти зеленые глаза,
соловей с иглою, Филомела,
коновалка дактилей, оса!

Не стекло, а крылышко Амура,
стрекозино слито со стеклом, —
и растет стеклярус Реомюра,
пурпурным питается теплом.

НА БАШНЮ

Вверху, откуда лифт, вздыхая,
стекает, словно водолаз —
скользя резиной, Навзикая
сейчас всю правду спросит с нас.

Сейчас... Какой соблазн в капризном
силке, вверх загнутом: уверы!
Сейчас улыбчивый Улисс нам —
чрез пару рифм — отворит дверь.

«Выженелю?...» — О! — «Вамжененра?..
Скажите прямо!» — «Право, нра!...» —
Мизер и веер... Эфемерна,
психологизм, твоя игра —

замеры в зеркале по пояс
и прозаизмы начеку.
Сейчас!.. Сначала успокоюсь
и приготовлюсь к поддавку.

Что ж я, дурак, сюда без розы
всплываю в клетке? Нет, не то.
Так: вроде прозы, вроде прозы...
прозообразно, но зато...

Рифмую... Как? Тут сухи ризы?
Здесь ткут? Здесь оцет? Где ж циклоп?
Здесь Пенелопа? — Вот сюрпризы!
Но тут и врежут. Прямо в лоб.

* * *

Les amoureux fervents...

Baudelaire

Как скопидомы умозрений
иль мореплаватели тел,
и я, под занавес, с коленей
кота сгонять бы не хотел.

И пресыщенья идол, в сладкой
тоске тысячелетних поз,
меня смущал бы, как разгадкой —
Эдипу заданный вопрос...

Дыши ленивой опахала,
Эреба вечная заря, —
внутри пушистого опала
и пышущего янтаря!

Пусть, словно страсть, четверонога
душа, искрящая во тьму, —
пресуществленье зверя в Бога
в тебе мерещилось ему.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Herr, es ist Zeit!..

Rilke

«Палило весь август. Но баста!
Отбрось-ка гигантскую Тень
на всё — остуди для контраста
и ветер пусти за плетень,
за шиворот сада, в котором
плоды добирают свой яд, —
пусть “вечность!” все гномоны хором
певцам сумасшедшим твердят.
Последняя стынет минута —
и пир земледела грядет.
Не строивший летом приюта
за Летой уют не найдет.
Он письма бессмысленно пишет,
бесцельно плутает в саду.
Но сад позолотою вышит —
холодным пыланьем в ад».

О да! прозорливый германец,
готических смыслов истец:
зимы схематический глянец —
соблазн, а не полный конец.
Ноумен сокрыт в феномене —
так мнимые летние дни
способны отбрасывать тени
в грядущей всеобщей Тени.
И строфы — не фотобумага,
где образы взяты гуртом,
но поиски Слога и Блага,
прижизненный будущий дом.

ПЕРВЫЙ ТРАМВАЙ

Морионовою ранью
грань дрожащего стекла,
отрезая грань за гранью,
к грани трезвости влекла.
Рельсы — повод к истиранью
мглы и пакли: отлегла.

В искрах скрежета сырого
сквозь морозные звонки
вижу: розово, сурово
плато выпуклой реки —
белый плат, плутанья слова
плаата — смыслу вопреки.

Плот реки голубоватый —
как из платиновых плит...
Плодоносит плутоватый,
лисьим хвостиком юлит,
звука сахарною ватой
взят и патокой облит, —

и спешит кареткой спорой
по горбатой арке вброд —
над рекой голубоперой,
как пергамент первых од, —
щучьим счастьем и Фаворой
перламутра полный рот.

Всё вокруг сравню с тобою
и пыланием на льне...
Хорошо мне, как ковбою —
в неразгаданной стране,
плыть бумагой голубою —
плотной, пламенной вполне!

* * *

Алексею Кирдянову

Мне зеленая Босния снится —
в буроватых потеках, Шуша —
неживая... Мешает ресница
биться сердцу, душманит душа —
и в ушке карандашном теснится,
душный ужас исчиркать спеша.

Сlyша трубчатый шорох Ташкента,
дробь Дербента и дрожь Душанбе,
ощущаю: пожизненна рента,
что с пристрастием числят тебе,
и аорта — не липкая лента —
обвила урожай на гербе.

Ты в одной из рычащих империй
жил. Распад — не разъезд, а распад.
Потому и клянутся потерей
у гробниц — как в саркоме хрипят.

Не вернуть плоскогорий и прерий —
и не нужно, но точно распят.

И как после падения Рима —
не дождется Византий письма...
Утешаться ли тем, что незримо
и за гранью земного ума:
тем, что смертью одной оборима,
только крестными муками тьма?

Да и столь ли блажен посетивший
здесь пышно цветущий погост
в роковые часы — опустивший
пред ордой небожителей мост,
зрящий сумрак, полмира застивший,
и закат вампирических звезд?

АПОСТЕРИОРИ

1

Я глаза раскрою во тьме, а ты
воплотись, приснись наявшу
теплotoю дышащей наготы:
это ветер клонит траву,
а теченье — водоросли... Чисты
мои помыслы: я плыву.

Я целую губы, ключицы, грудь —
и Гольфстрим несет меня вниз...
Ах, шепни — что любишь! Ах, всё забудь,
на устах моих задохнись,
захлебнись — и всхлипни, и, словно ртуть,
из ладоней вырвись, вернись!..

Разве пальцы гибкие утаят
от моих, бесстыжих, твою...
золотую флейту... как этот лад
мне назвать еще — «оэлью»?..
Пусть спалит мне рот мусикийский яд,
пусть убьет меня — ай лав ю.

2

Целовались в парке — и страх стыда
трепетал, метался и гас.
Пусть текут прохожие, как вода,
изумленно глядя на нас:
положи мне голову вот сюда —
вот сюда, я спячу сейчас!

Аравийский запах твоих кудрей
и Кааба черных зрачков
говорили, кажется: ночь мудрей
очевидной толщи веков,
ночь сама прошепчет: «Бери скорей!»
Но я днем пылал, бестолков.

А когда темнело, то я немел,
замирал, не смел, не умел —
неумел, несмел: лишь пучок омел,
а не мрамор крепкий, не мел...

Все слова — лишь звонкая медь монет,
все писанья — ветер, прости.
Ничего на трепетном свете нет,
кроме сердца в тесной сети
смертоносной плоти: Творцу восслед
я могу рукой провести —
от ребра к бедру, миллионы лет
и все расы стиснуть в горсти!

3

Колотилось сердце — и я зачал,
и рожаю в муках слова...
Как в начале тех золотых Начал,
нас с тобою — три, а не два...

Слепо билась лодочка о причал.
От любви не умер едва.

Так приносит ангел Благую Весть
под широким шумным крылом.
И боюсь, да угль утешенья весь
принимаю я: поделом
эта боль и радость. Еще отвесь!..
Пусть живым нас свяжут узлом.

Или мы не знаем: зачем сердца
прижигаем, ночью кого
ищем — жадно, суетно, без конца
и начала, тычась?.. — Его.
Твоего во тьме отличить лица
невозможно от моего.

4

Стыдно-стыдно и сладко-сладко
вспоминать позор и разбой
тех полночных дней: лихорадка,
умирания зной голубой...
Жизнь — души и плоти мулатка,
что подушка, пахла тобой.

Было жалко смывать наутро
твою суть с ладоней и уст...
О, какая там Камасутра! —
смертоносно вспыхнувший куст,
перламутра звездного пудра, —
а не «коитус» и «воллюст»...
Пусть спалят! Пусть отрубят всë, что
помешает нашей любви!..
Не в рожок трубящая почта
на восток, а сердце — плыви

черным солнцем... А ночь-то, ночь-то! —
словно жженку зажгли в крови.

5

Отстаньте! Показать любовь —
не тычте пальцем в двойню
соприкасающихся лбов...
Висконти в «Гибели богов»
устраивает бойню.

И каждое из этих тел,
изъеденных сознанием, —
могло б! А ты б не захотел —
их призрачным сияньям,
зияньям, дивной пустоте
и кажимости полой —
ответить? В полной немоте,
в бессмысленности голой?

Готов, готов! И ничего
на свете нет иного...
Под маршик сердца моего
марионеткой снова
шагает Гельмут взад-вперед...
Дурная оперетта?
О, да! Сам черт не разберет
кровавого либретто.

И нас когда-нибудь убьют.
Дай поцелую в губы!
Ты — мой! Пусть несколько минут —
жара оленьей шубы,
а после — вешалка, петля...
Уже не страшно: я же —
твой, ты же — мой. Ты — мой? Земля
не разлучит нас даже.

Лиши дрожь слипающихся кож
и радужек сличенье...
Ночь хороша, а ты пригож.
И все, без исключенья,
сполна заплатят. Ну и что ж...
Ты так на Людвига похож
в пылу ожесточенья!

6

Он глядит на серебряном талере вправо:
если б мог — повернулся б спиной
к бородатой Баварии, мыслящей здраво,
к летаргической дури пивной,
к литургии, взметенной органною бурей...
Его вензель начертан багром...
О, выращивать фюреров впору и фурий —
там, где Вагнер раскатывал гром!

Променявшего царство на ментика фантик,
на чужую минутную плоть,
чем утешу тебя, предпоследний романтик,
венценосный безумец?.. Господь,
милосердно пошли его сабельной свите,
его конюхам юным, ему —
если и не блаженство в слепящем зените —
то ночную безгласную тьму...

7

Как перья первоклассник в ранец
сует, фасеткой всякий блиц —
минутных антиоев глянец,
соблазн атласных небылиц, —
спеша рассеянно по кругу
никелированных минут,

бери! А резвую подругу
они позвать не преминут.
Ведь, что бы маятник ни тикал,
он бесконечностью застыл —
в часы песочные тестикул,
в пустое равновесье сил...
Все цифры звучные похожи —
в них нет ни «завтра», ни «вчера», —
что родинки на смуглой коже,
считаемые до утра.

8

Рыбка, рыбка верткая, пузыри
снизу вверх роняет, теряет вес —
и плывет, воскресши, — смотри, смотри! —
не Гермес, а антиотвес.
На ладонь, неверный Фома, бери
воплощенье жарких небес.

Деревянный ихтис живой — Иисус
Божий Сын Спаситель Христос —
это Ты: сладчайший и страстный груз,
крестовина радостных слез,
претворенный в тело и кровь союз
золотистых зерен и лоз!

9

Искать золотую иголку
в сплетеньях соломы и лоз,
немыми губами подолгу
вымаливать зарево слез, —
исследовать — о, наколоно б! —
набобом цветущих завес

атлас загорелый и жёлоб —
коричный тропический лес...

Верни же мне горечь морскую,
пусть птичка кукует до ста!..
Мне пусто. Ты слышишь: тоскую
и опустошаю уста —
обманутой рыбкой. Мне нечем
дышать. О, свяжи кислород!
Рыдающим морем залечим
шурфы и пещеры пород.

Мне плохо. Не пахнут ладони
Эдемом распластанных глин.
Холопом и олухом в лоне
гнездится скучающий Клин.
Он не понимает. А как ты
ему, дураку, объяснишь
такие большие антракты,
такую мышиную тишину?

10

Раскинем карты — поглядим:
вернется ль это лето?
Король червовый — нелюдим.
Пикового валета
не выпадает — потому,
что он лежит с бубновым...
«Сними», — скажу себе. Сниму.
Но та же горечь — в новом
раскладе... Не таро — тавро,
не карты — страх и трепет!..
Но раз ты мне прижег бедро,
никто нас не разлепит.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

1

Твоя ладонь полубезвольная
и пальцев гибкие побеги —
напоминание окольное
о жалобе ночной и неге.

Любовь, со всеми недомолвками,
таё, как рану ножевую,
в июле, здесь, на поле Волковом,
сжимая — лживую, живую.

Так капля жалуется жёлобу
листа, чуть сложенного жалом,
стекая к мрамору — тяжелому
в своем забвенье залежалом.

Не за горой Преображение
и неизбежность отторженья —
разъятье бережного жжения,
дыханья легкого, скольженья...

И я, держась за сухожилия,
за дорогую эпидерму:
«В разлуке выживу, скажи, ли я?
А ты?» — пытаю изотерму

венозной сини — убегание
ее, чтоб стать артериальной
в юдоли смертной полигамии
и первородности повальной...

Что жизнь? Лишь оболочек радужных
сличенье в жарком биатлоне,
соломинка полуувзаправдашних
гаданий влажных по ладони?

2

Сердцебиенья ль откровенного,
тепла ль, которым дорожили,
желать от тока переменного,
бегущего в латунной жиле?

Ни тел, ни льна, телами смятого,
ни горьких уст, ни остального...
И — словно лед браслета снятого,
почти остывшего, стального —

пугаюсь я прикосновения
к твоей разгоряченной коже...
Нисколько это говорение
на то молчанье не похоже!

Скамейка в парке вороватая,
пригород, где мы целовались...
Но даль — стыднее соглядатая:
стоит, насмешливая, плясь.

Ложись и на бедро мне голову
клади, необладаньем мучा...
Сродни расплавленному олову —
в лазури назревает туча.

Вот так пещеристый, наверное,
и ад горит — не дорогая,
мечтой прельщая эфемерною
о трогательных кущах рая.

3

Мы шли вдоль пляжа волейбольного —
речного, в Ораниенбауме.
И за твоими было больно мне
следить зрачками: на шлагбауме,

закрывшем железнодорожные
пути, так скачут вспышки красные...
О, эти мускулы подкожные,
тела мучительно-прекрасные!

И нежная твоя бесстыжая
ладонь была такой горячею,
что сердце вздрагивало: вижу я —
ты хочешь убежать, и плачу я —

как тот сатир с ракетой теннисной,
из Юты в ад переезжающий...
Ужасен миллиардопенисный,
тебя манящий и терзающий

наш мир — оптово-одноразовый,
феноменальный... Жарким шепотом,
ах, убивай — еще рассказывай
о том, что называют «опытом»!

Вмешай же боль продолговатую,
души тоска ноуменальная, —
копи терзанья: станут платою
твоей — за обобщенье свалное...

Кровоподтеками засосными
цветет закат, как в пасторали, и
внизу, за розовыми соснами,
играют в полый мяч реалии.

4

И умерли — и похоронены.
Не веришь? — погляди на плиты,
на склепы — Кроноса хоромины...
Тесней, чем страстной ночью, слиты.

Сильней ладоней Диоскуровых
соединились — шуйца в длани...
Что, Свидригайлов, в Троекуровых
рычащем мы найдем чулане?

Смотри на Тютчева с Некрасовым,
в Ничто сошедшихся — не в Ницце,
и не мечтай об одноразовом
придурочно-счастливом шприце!

Всех-всех одною спицей ржавою —
туда, где первогрешно бьется:
сорвавший яблочко державою
земной — подземной выдается.

Но, ядовитое, тогда уже
давай сгрызэм напропалую:
пусть стыд оттягивает за уши,
а в губы жадно поцелую!

Как хорошо мне и мучительно
тобою быть в твоем аркане
все сорок умопомрачительных,
в рай возвращенных задыханий!

ПЕЙЗАЖ ЗА СТЕКЛОМ

От меня вечер Леила
Равнодушно уходила.

Пушкин. 1836

1

Ничего печальней Луги
нет и санного пути!
Ритуальные услуги,
вечной славы конфетти...

А вокруг — как при Аттиле —
в хаос хижины вросли...
Не вчера ль заколотили
в ларь светило — и везли?

Нет ни счастья, ни злодейства
в мире, губы не криви, —
только пакость лицедейства
и тоска полулюбви.

В талой жиже безразличья,
на безличной скользоте —

нет двуличья и величья,
только — пуля в животе...

Близнецом слепит зеркальным
мира странного излом —
иероглифом на скальным,
ярким слайдом за стеклом.

2

От Леилы до Лолиты
близко — руку протяни:
только речкой и разлиты,
как любовь и смерть, они.

Здесь не Оредежь, а Лета —
нет ревнивее реки...
Ах, страшнее пистолета,
знаю, злые языки.

Но любовь — еще страшнее.
И никак не сладить с ней —
ни моторчику хайвэя,
ни дыханию коней!

«Я люблю Вас, но живого...» —
невозможные слова...
Смерть — рампетка для отлова
Невозможнейшего Слова,
и лишь ей любовь жива.
Всё иное — сор, полова,
Ксенофона Полевого
мемуарная ботва,

славы камфорное масло...
Странно солнцу слыть ручным!

Закатившись, не погасло —
стало пламенем ночным.

И прекрасен вероломный
мир, кротовая нора,
где курчавый мускус темный
завтра будет камфара.

Где сквозь смрад и мускус мумий,
мерзость, пакость тубероз,
сквозь постыдный зной безумий
стебель нежности пророс.

3

Два лицедея в черной коже,
два чернокнижника, с ночным
огнем игравшие... В прихожей,
мне кажется, стелили им...
Два элемента ритуала —
юнцы в сплетении юниц...
Нет, ни на миг не согревала
улыбка карнавальных лиц...
Когда б ухватку коновала
имел я, или власть Фелиц!..

4

Плачущие свечи зажигали,
полотно еловое пасли,
пели — лгали, пили — налегали,
ритуальной ладанкой трясли...
В небесах ли свидимся? В Валгалле?
В элизийской пропасти земли?

Но хрусталь невыстраданной двери
и посмертно-гипсовый овал
были немы: мраморный Сальери
Моцарта в кристалл заколдовал...
Что ресницы — кисть для акварели?
Что уста — когда не целовал?

И послезакатное, ночное
солнце стыло лункой ледяной...
Если хочешь, пальцами свечное
потуши пыланье, мой льняной!..
Водочное счастье сволочное,
шелест непонятный за спиной...

Но, увы, проложенные ватой,
не соприкоснутся два стекла.
Лишь сачок сетчатки вороватой
сладко колет полая игла...
Граммофонный хмель голубоватый,
звездного круженья удила.

5

В стекле, за слоем ваты с пижмой, —
пейзажик дали неподвижной,
как у Марии за плечом.
Резное диво примитива!
Пробиркой в дырочке штатива —
зрачок, просвещенный лучом.

На лоб спадающая прядка —
дорога вьется сладко-сладко
с холма... и я тебя, прости,
хочу — вне прав правопорядка...
Скорей ресницы опусти —

к наперстку лунному на пальце...
Любить — распять... А вот и пяльцы...
Цвети меж Вульф, пока Судьба,
в «богобоязненном» скитальце
воплощена, не скажет: «Ба,

шалишь, наперсница Патрокла!..»
Не тело, а душа продрогла
на непроявленном ветру.
Кому ж, сквозь Джарменовы стекла,
шепчу: «Нет, весь я не умру»?

Что Пизанелло с Пазолини,
когда в эдемской вязнет глине
глаз, как в михайловской — каблук?..
Пожалуйся княжне Алине —
пустым созвучиям, мой друг.

Ведь речь, скорее, о примете,
чем о предмете... Восемь сети
плели зениц, ведя тела
по зalam, словно по орбитам,
Иваном Кеплером открытым...
Но астрономия так зла!

6

Сосновый сон тесовый,
где ели — вместо туй...
Тасуй, перетасовывай,
ресницей рай рисуй!

Там слюни пиний в леднике,
близнячья слизь медуз —
наследные последники
постылых слез и муз.

И те, что — зримей лиственниц,
яснее всех секвой,
прелестниц нетаинственней —
сквозят: «Я — твой нетвой...»

В тоске пустого жжения
уди, дуди в дуду,
сквознячное скольжение
сквозения во льду!

Звени еще елейнее,
стоклювая игла, —
жалчее и желейнее
разлитого стекла!

И, как свирель, в вольере
входи в форельный раж:
не Моцарт и Сальери,
а призрак и мираж!

Дыхания неровного
проветренный предмет...
Но разве теплокровное
дышало мне в ответ?

Смесь ангела и демона —
курчавой тьмы и льна...
Здесь снежная Дездемона
арапу отдана!

Кто нам сердца накалывал
той хвоей из теплиц,
боржомчиком бокаловым? —
Мне и не вспомнить лиц.

7

Снег тяжелый, талый. Ледяное
талое, тяжелое стекло...
Я не Лота с ангелами, Ноя
вспомню: вмятый в месиво свечное
пироскаф, осевший тяжело.

Тягостный ослиный рев гитары,
пьяного курятника угар,
где нечистых тварей обе пары
не могли сложить заветных пар.
Лишь гроза прошла вдоль изобары,
как опара сепии — вдоль фар...

Знаю, так и буду сиротливо
отводить глаза от наготы...
Время отрезвленья и отлива.
«Сизокрылый, где твоя олива?» —
спрашивать нелепо... Где же — ты?

8

От Арзума до Ростова —
вдоволь выюги и айги,
вдосталь снега холостого,
от лузги, мезги — ни зги...
Пригов, пасынок Хвостова.
Сват Кибиров, брат пурги...
Среди воя их пустого
сбились наши битоги.

Выются бесы, рой за роем,
ведьму замуж выдают.
«Перестроим, обустроим», —
строем песенку поют...

Рифма, резвая пролаза,
как слеза, слетает с глаз...
Славных-славных дней Кавказа
ослепительный намаз!

Евразийский величавый
дорогой паллиатив...
Мчатся тучи... Снег курчавый —
что твой жаркий негатив!
Рун арийских гексаграмма,
ты и сам — как наши сны:
Иафета сын и Хама,
чадо сказочной страны.

9

Если правду уж совсем
говорить начистоту,
я бы ближним этим всем
предпочел курчавость ту —
предпочел мечте мечту.

Всё равно не гладить льна
и ресниц не целовать:
остановит не цена —
то, что ценник не сорвать.
Только ценность и вольна
в ледянную звать кровать...

Край соблазнов и обид,
где красу свою на суд,
словно ивлоранов твид,
манекенщики несут...
Помнишь, чьей рукой разбит
был божественный сосуд?

Вечной кройки и шитья
огляди кошмарный цех.
Вещь! Да только — не твоя:
чуждый шелк, заемный мех...
Всех смывает без помех
соли жаркая струя,
поделенная на всех.

И любовь шальную пить —
то же самое, что смерть.
Пули связывает нить
лен и пышущую медь.
Страсть не может не убить,
жизнь не может не сгореть.

10

Серый нем зеркал —
но свинцов — ответ:
ты, Батил, ласкал
не Леил, а бред;
не Вафил — бахил,
обжигая, жал...
Спи. Ты — пир бацилл,
логофага жар.

11

У дракона мозг лазурный
и палящие уста...
Перед мраморною урной
обмирает красота.
Но не южный жар бастарда
молодую плоть манит,

а шутиха и петарда —
славы призрачный магнит.

Как в нарзане, в юном льне я,
лунном, зенки искупал.
Всё могло бы быть хмельнее...
Но сильней влечет запал
пиротехника — и хвоя...
Что ж, вот пепел соберут —
будет пенье хоровое,
и Леила — тут как тут.

12

Это имя — липкое, как любовь,
как скользящий жалобный ток, —
отравляет нынче Эраты кровь...
Критик прав: латинский цветок —
фитилек, паросская слизь стыда,
елисейской лексики смех...
Хорошо б добавить немного льда,
нацепить скафандр и доспех,
оковать дыханье в тугую медь,
до чудесных Индий дойти!..
Весь твой сев, защитничек, — только сеть.
Немота сазанья — в сети.

P. S.

Пусть изменщики-сны обманули,
но полны обольщений слова...
Так листву в белотелом июле
мысль о бронзе терзает едва.

И она, шелестя полупьяно,
гладит ветер: горяч и упруг!..
Ах, не Луга — в окне, а Лугано —
юга тugo натянутый лук!
И такое боренье со мраком
в парусиновой роще измен,
что поверишь руническим знакам —
троелучию острова Мэн...
А когда к безответному зною
я немой прижимался щекой,
как земля с крутизны — неземною,
мне казалась и смерть — никакой.

*Единство спаяв мировое
Он гуртом прошел по гурту...
Нас много: нас, может быть, двое —
с мяучащим адом во рту.
Сплоченных извечной задачей:
Благую улецивать Весть
искрящейся шерстью кошачьей —
и дальнего лещика съесть.*

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

I

* * *

Что греческим мужам Елена?
Им ночь и море хороши.
Прожив мгновенье, тает пена —
прообраз мысли и души.

Но мнит впотьмах живущий: псиша —
косты опустошенной шум,
двойкодышащая ниша,
где сохранится тщетный ум...

Плыви, от звездной сыпи ахай,
Ахилл! Во весь зрачок гляди
на прах, рожденный Черепахой, —
и паруса сравни с рубахой
на смертной, дорогой груди.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

I

В Венецию или Тоскану
махнуть мне хочется с тобой.
Раскину сказок лоск — и кану
в мечтаний омут голубой.

Там утро ветром голубиным
вздувает штору на окне —
и маячок горит рубином,
как нежность жадная во мне.

Там тяжелят карман дукаты
почти игрушечной страны...
Да-да, мы сами виноваты
в том, что незнатны и бедны!

II

Поехали, простясь со страхом!
Забудь литературный сор,
с его немецким прибахахом,
под стук колес и скрип рессор.

Любви веселая наука —
и пар лирический над ней...
Ей-ей, ни Бёклина, ни Штука —
всё тоньше, всё куда страшней.

Гляди, как жить свежо и ново
в одной из жутких паутин,
где пьет всемирный Казанова
красу и молодость Мартин!

III

Дневной июльский взор нескромный
полузадернутых гардин
в библиотеке полутемной.
Тлен эльзевиров и альдин —

покой легенд: стада Адмета
и Ликомедова семья...
И страсти жаркая примета —
спроси, где запонка моя?

Скажи им, чтобы подождали...
Шел в комнату — и в рай проник...
Но помнишь эту жуть у Даля —
бежать по переплетам книг?

IV

Когда лежишь в полудремоте,
ладонью трепет полускрыв,
я жадно жду: вот-вот от плоти
души произойдет отрыв, —

и, вместе с плавящимся воском,
из уст дыханья райский пух
внезапным вылетит наброском
тех мест, где зрение и слух,

вкус, обонянье, осязанье
в огонь сойдутся голубой
всепоглощающего знанья —
слиянья полного с тобой.

V

Но скоро — в скверике, в таверне,
ломая ложечкой бисквит, —
о бытия прекрасной скверне
на миг забудем: удивит

Венеция — сладка для ока,
смешной ребяческий уют!
Проси хоть клюквенного сока —
здесь так: и любят, и дают.

И ты, напоминая кошку
замашками ушедших рас, —
взаправду или понарошку —
слепящих не отводишь глаз.

VI

Случившееся невозможней
(возьми нежнейшее из слов!),
чем тот, архангельской таможней
Петру дозволенный улов.

Что те смущающие пятна
(жалъ, не заехали в Турин!),
любовь, твержу, невероятна —
как смерть («Взгляни на этих Фрин!»),

как жизнь... А мы — уже в музее,
где сводит живопись с ума,
где верят зренью ротозеи...
Лишь я тоскую, как Фома.

VII

Тут — Тициановы молоки,
там — фурии с огромным ртом...
Какие перистые строки
сравняются с камнем и холстом, —

и всё — с одушевленным телом,
с осуществившейся душой!..
Ты бело-белого на белом
оттенок видишь небольшой?

Смотри: двусмысленны кумиры
Поэзии — мне жаль ее:
мечты кончаются и лиры
к утру. И жизнь берет свое.

VIII

И вот, чудовище с пивною
тупой жестянкой в кулаке,
мешая хмель с немой виною,
на гниловатом поплавке

стою, обняв льняные плечи,
и вижу: жесты все — как в том
романе... Лидо недалече...
Что ищет он своим шестом

на дне?.. Бежим! Возьмем карету —
пусть тащится едва-едва...
И книг не надо! Разве эту —
под лапой каменного льва.

* * *

Cette pendule de Saxe...

Mallarmé

Часы саксонского фарфора,
у нас нашедшие приют,
в знак эмигрантского укора
тринадцать раз в двенадцать бьют...
Скажи, кто вслушивался раньше
в их транс? Кто странный их расспрос
на допотопном дилижансе
сюда из Дрездена привез?

Сочти вопрос маниакальным,
но сколько зыбкой наготы
роится в омуте зеркальном,
в который смотрим я и ты
на грани судорожной дрожи? —
ах, там проявится сейчас
атлас венецианской кожи
и зной полузакрытых глаз...

И призрак старого дивана,
где с тем же трепетом, что мы,
сплетаются телами рьяно
насельники земной тюрьмы —
в неразрешаемой шараде
среды причинных паутин...
О, жизнь! — лишь змейка пряной пряди
и неги призрачной притин...

* * *

С безумным риском, хоть без толку,
ты звук, сознанье налитой,

как вышивальщица иголку,
несешь, зияя немотой.
Банальной инфузорий в капле
обжито тайны остириё —
но боль двужильная смогла б ли
преодолеть ушко ее?..

Опомниться? Остановиться?
До эсперанто обрустеть!..
Плетет слепая кружевница
христоловительную сеть.
Но ты — лишь младший соблазнитель,
миражеделатель пустынь:
с презреньем отвернется Зритель
от паутин твоих. Остынь!

Не ткань, но боговдохновенье
родит туринское пятно.
Ты ж и морского дуновенья,
увы, не ловишь в полотно, —
а только ткешь тщету из мрака.
И как бы ни были нежны
твои холсты, они — Итака,
нежизнь безвременной жены.

* * *

Вспомним, Бозио, скифские тени
веницейско-tosканских обид:
луч сенинкой играет в тристане,
дремлет вилла, соломинка спит,
злая жизнь за заветным порогом
превращается в мраморный сон —
и собачьим упряжкам, пирогам
доверяет дочурок Аон.

Но давно источился и сломан
европейского века хребет,
и никчемен бессолнечный гномон —
утонувший в снегах Мусагет.
В мраке гиперборейского рая
остроласковый лавр на виски
нам возложит, и та — догорая,
только Бозио — муза Тоски.

* * *

Морозный Рыбинск не разбудит
Евтерпу в кварцевом гробу —
и только даром горло студит
Архангельск, дующий в трубу.

У чукчей нет Анакреона,
зырянам хватит и Айги.
Но кто метрического звона
придаст стенаниям пурги?

Кто наш, хмельной от шири водной
и хищный от смешенья рас,
российский мрак порфирородный
вольет в магический алмаз?

Напрасно ль северные реки
прекрасней всех паросских роз?..
Но вот путем из грязи в греки
скользит полозьями обоз.

Он «Рифмотворныя Псалтири»
тоской нагружен и треской.
И раздвигает тьму всё шире
заря — багряною рукой.

БАБОЧКА

I

Евтерпа, бабочка, рампеткой и тебя
пленили наконец! У прозы
камены не было — платочек теребя,
сквозь слезы, с завистью на все метаморфозы
глазела лирики: вот повезло сестре!
Смотрела косо,
как ритмы с рифмами сплетаются в игре
неплодоносного Лесбоса.

И вдруг таинственный живой цветок пророс
среди чухонского мороза —
не сон Новалиса, не медный купорос,
но — полусирин-полуроза.
Воистину, страна чудесная, он — твой
(где́ тверже Реомюра стилос!):
кроилось крыльышко чертой береговой,
иглой блистающей чертилось.

II

И к радости моей, с трещоткою ни Фромм,
ни Фрейд не забредал в прохладный
магический объем над невским серебром —
чернильницы, что бред, громадной.
Не лечится душа. От санитарных стран,
от голубого лабрадора
торопится она, как тленный Монферран,
под сень бездонного собора.

Не сны я на земной язык переведу,
но невозможность осязанья.

Пусть память роется в младенческом бреду
потустороннего зиянья;
пронзенная иглой, пусть ночь лежит ничком
в дневном беспамятстве широком...
Но нет в Прекрасном встреч с банальным Стариком
и костюмированным Роком.

III

Где, — спросишь, — Благодать? — Она живет внутри
огромных траурниц, смеживших переплеты.
Возьми одну в ладонь — и, как пыльцу, сотри
пыль ежесуточной заботы!
А журно-нежива (не говори: «мертва»),
она лишь оторопь иного
пространства — лучшего, где утлыя слова
сливаются в пределе в Слово.

Так вслушайся тоской одушевленных сил
в то, что твердит тебе бумага:
«Я куколкою стал и гусеницей был,
но образ чаемый — имаго».
И мне мерещится грядущей веры храм,
как бы начертанный харитой:
не шпиль язвительный, не выпуклый лингам,
но — вроде бабочки раскрытой.

* * *

Белый лист, Гиацинтово тело,
черновою душой наделен:
в дебрях собственных терний радела,
вырывалась из долных пелен —
и, гляди, окрылясь, полетела...

И бумагу кладет охладело
в кипарисовый гроб Аполлон.

Но содержит немая записка
в двуприродной чернильной крови
зов оленя и пение диска —
всё бессмертие смертной любви;
и ее написавший тоскливо
может стыть на ветру крутизны —
шелестя, дожидаясь прилива
чье-то будущей голубизны.

* * *

Памяти Лидии Гинзбург

Словно бы — в песочнице, под хвоей
комаровской ясной и листвой...
Солнечный денек... Но что с того ей —
что золе печатный пряник твой?

Если есть душа — она далече,
ей нелепа вдумчивая речь...
Даром ли под идолами свечи
жжем и пеньем силимся отвлечь —

от натыканных в песок звездинок?..
Нестерпимо мысли, стыдно ей...
Но — безверья жадный поединок
с собственной Тоской?.. Еще стыдней!

Спи. Белесой девочкой незрячей
бродит Смерть: в руке — недорогой
пластиковый ящичек щеглячий
и сачок ребяческий — в другой.

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ВОКЗАЛ

Здесь змееволосая Медуза
под «гермеской»-каской ужас кос
не таит — растущий, словно друза,
символизм последний, симбиоз
Полифема с прозой паровоза —
одноглазый угль его горит...
Здесь грозит тройной угрозой поза
каждой из танцующих Харит.

И само пространство шестируко —
речи несгораемый ларец,
скорлупа, в которую упруго
шестикрылый тычется птенец...
Жизнь, как Откровение, раскрыта
и нова, таиное сокрыв,
но всё та же — вечный ребус Крита
и недоумения надрыв.

КАЗАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ЦАРСКОМ

Золоченое выцвело слово.
И укус комариный припух...
О, когда бы ты знал — из какого
вырастаешь распада, лопух,
и каким невеселым обидам
служишь ты невесомым веслом —
сколок ангела, с полуотбитым,
но незримо несомым крылом!..

Или жизнь наша вроде валюты,
дабы лютый оплачивать счет —
одуванчиков блеклых салюты,
лебеды караульной почет,

эти рвы и руины, — и, роясь,
утешенья не выищет взгляд?..
Лишь, в махровой крапиве по пояс,
Кифареды из луков палят.

ЗВЕРИНЕЦ

1. Ангелы

Какая-то грешная жалость
иль тайная горечь уста
кривит безутешным: досталась
пустая, как сон, чистота.

И, неразличимые, скопом
молчат они в райской тиши —
подобно глубоким синкопам
и паузам Божьей души.

Но стоит забывшейся Мощи
на миг отрешиться от грез —
трепещут, как вешние рощи,
как заросли шумных стрекоз.

И в эти мгновения мнится:
над хаосом бездн и пучин
Зиждитель листает страницы
спасительных Первопричин.

2. Пантера

Ее зрачки в затверженном кристалле
слепит мимолетящий частокол —

так, что внутри заклятья этой стали
и вне его мир абсолютно пол.

Как маятник, движенья мышц упруги.
Танцовщица кто заворожил
всю жизнь кружить в сужающемся круге
с безликой волей в средоточье жил?

Лишь иногда безмыслия с зеницы
слетит бельмо — и блик скользнет туда,
где Обликом он мог бы становиться,
но растворится навсегда.

3. Попугай

Под турецкими липами, с опием их соцветий,
зачарованных ара баюкает в люльках клетей
ностальгический сон о забытой отчизне — ведь ей,
как и им, не очнуться от дремы пустых столетий.

Переливчато-яркие чистят свои наряды
так ретиво-старатально, словно их ждут парады.
И из ясписных клювов, луща семена, отрады
не найдя в них,роняют их вниз, ничему не рады.

Эти зерна в траве ищут голуби-побиушки.
А волшебные птицы, привычны к цепочек звязку,
то почти отрешенно неволи своей игрушки

теребят языками гадалок — стальные дужки
и колечки на лапках, то, от пустой кормушки
отвернувшись, качаются сонно — и ждут зеваку.

4. Фламинго

Их розовости и голубизне
пропета лесть не столько Фрагонаром,
сколь тем, кто, с вожделением и жаром,
разглядывает юношу, во сне

раскрытоого, как роза поутру.
Вот и они цветут и пышут, стоя
на палевых стеблях; и Антиноя
ресницы вдруг взметнутся на ветру

среди жемчужных перьев, чыи овалы
у черенков черны и сочно-алы
(так мочеке прядь нашептывает сны,

где борется бесстыдство с чистотою).
Но, жаждою чужой уязвлены,
они лишь отвернутся, став мечтою.

(Rainer Maria Rilke, 1899, 1903, 1908, 1907)

СВЯТОЙ СЕБАСТЬЯН

1

Он мышцы разметал, как спящий,
ресницы радужно смежил —
весь в предвкушенье предстоящей
Любви, в смятенье влажных жил.

Летящий, кажется он выше.
И безмятежно изнутри
тростинке острой шепчет псиша:
«Бери же, жадная, бери!»

На мураве его рубаха —
что перл на беличьем пуху.
А он — из золота и праха,
с пернатым трепетом в паху.

Трудна, Господь, Твоя работа —
и, хоть испарина сладка,
лоснится липко струйка пота,
стекая в «яблочко» пупка.

Но юный лучник ясноглазо
в сердечный целится сосок,
поскольку смерть — пустая фраза,
а день безоблачный высок.

2

Как на осу или занозу,
досадующий на стрелу
сквозь сон, он спит — взгляни на позу! —
он сном распластан по стволу?

Иль, в царство внутреннее зрящий,
весь — средоточие венца,
он — вроде Матери, кормящей
Единосущное Отца?

Жонглер, несущий шест с сервисом
во лбу смиреньем низких сил,
бывал таким нездешним бризом
обдут, тоски такой вкусил?

Нет, только ты — в наркозном, пьяном,
немом сновиденье стихов,
что было с этим Себастьяном,
узнал — и понял, Бог каков.

ЛЮТНИСТ

Безмолвной лютни голос сладок...
Кто б знал, когда б не нотный лист,
что греза генных неполадок —
лютнист. Вы слышите: лютнист!

Как «Страшного суда» огромность,
толпа смятеньем взметена:
зачем девическая томность
очам мальчишки придана?

Что ты наделал... Прямо в ад же
сейчас тебя определят,
Михал-Архангел Караваджо,
за искаженный этот взгляд!

Оставь, пока еще не поздно,
возьми белила и замажь:
всё это, знаешь ли, — пастозно,
всё это — фокусы и блажь...

Но нет, не внемлет он грошовым
доброхотеньям с кондакча —
он тушит свет. И хорошо им.
Им — вроде скрипки и смычка.

ПОЛУНОЧНЫЙ ГОСТЬ

Вошел — и нагловатым взглядом
окинул с головы до ног.
Лавровый вряд ли бы венок
пошел к смешным его нарядам.

Какой-то велосипедист —
и уж, конечно, без кифары...
«Как все вы, — он промолвил, — стары», —
взглянув чуть искоса на лист.

«Но если хочешь...» — и горячей
ладонью мой прикрыл кулак.
«Хочу». И был пьяней малаг
наш сладкий труд, наш лов рыбачий.

И вот мы кончили в поту...
И я, полувернувшись к миру,
шепчу в немую пустоту:
«Не ты ли диктовал Шекспиру?»

* * *

«На Корфу, милые, на Крит
я улетаю», — говорит,
вперед на миг не видя, смертный.
А там, быть может, ничего
нет, кроме Бога, и Его
не выпить, как металл инертный.

Урок фригийскому царю!
«Давай поедем, — говорю,
забывшиесь, — в Царское в субботу».
И усмехаюсь: веселит
наш ум — потешный Гераклит,
входящий в золото, как в воду.

* * *

Никто! — но сложится певцу...

Баратынский

Кругом — ничто. Лишь слово золотое,
бесцельное мерцает в пустоте...
«Кто любит мертвых?» — спросят. Да Никто и
я! Тени восприимчивые те

отрадней и родней оратая живого.
И перед саваном зимы
на мед прижизненно накопленного слова
печальная пчела надеется — и мы...

Но скажут: «То — мираж безрадостной пустыни».
Да, как монету ни верти,
решетку и орла на выданном алтыне
уму вовек не развести.
Кто ведает закон? И Моисей, не зная
его, следит с небес, сомнением объяят,
за Беженцев семьей, стремящихся назад —
в Египет, пустошью Синая.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Бог сохраняет всё. А ты,
художник, презирай архивы —
зане пусты и суэтливы
наполненные тайной рты.
И не полночное письмо
твоё дурней болиголова,
а — страшно вымоловить — само
всепожирамое слово.

Так пусть заботится о нем
та / тот, кто, мир сочтя романом,
на караул в Фонтанный Дом
спешит дежурным эккерманом.
А ты — в прокуренном углу —
терзай созвучья смыслов жестко...
Чтó, что в них ветру и орлу,
что сердцу страстного подростка?!

Ты — царь, властитель Ничего,
Назон, затертый льдами в Лете:
за безъязыкого его
фракийцы рыб не ловят в сети.
Столетья за тебя в ответе?
Ничто не помнит никого.

2

Как путник мыслит о ночлеге
в непрятательной корчме,
мечтай, что рай и ты «ехеги»
из косной тяжести суме-
ешь, что твой облик не из меди
тяжелолюбий отольют,
что те птенцы — аз, буки, веди —
тебя, истлевшего, споют.

Не усыхающее слово,
но Нечто, пойманное им,
хранит Овидия живого
и станет домиком твоим —
окутанным глухими снами,
почти невидимым отсель,
где ты беседуешь не с нами,
а с покидающим Марсель
и с отвергаемым Леилой,
смывая зримые черты
с созвездий, выстроенных силой
непоправимой правоты.

3

За морем Мраморным есть мраморное море.
Там устье дикое зимой в тиски снегов
и льдов заковано, там воины в дозоре
с недоумением на редких рыбаков

глядят, чей труд сродни труду каменотеса
или старателя. И конная орда
туда — косматая и буйная, как проза
в сравненье со стихом, — стекает иногда
из северных степей. Там, там в пургу не знает
наместник цезарев, где римскому лежит
предел владычеству! Там жемчуг умирает —
и варвар по морю, как посуху, бежит,
гонимый ужасом, под Марсиевой флейты
напев безрадостный... Богов благодаря,
из жизни вечное творящий, пожалей ты
собрата, пишущий, — фригийского царя,
с Иовом схожего! — в краю окаменелом,
где ночи лунные ясней, чем волчьи дни,
где пусть не золотом, но мрамором и мелом
становится питье, лишь руку протяни,
где, зачарованный оплошностью облыжной,
и выюжной дудочкой, и посвистом татар,
Овидий видит сны, под царской шапкой лыжной
скрывая стыдный свой, божественный свой дар.

* * *

Аквилон ли дышит в мехах, борей —
безразлично стонущим ребрам рей,
если мы сумеем поставить каждый
парус так, чтобы мчало нас даже зло
к Божеству, — а нет, мы возьмем весло,
среди вод несметных палимы жаждой!

Пусть кораблик утлый, пустой орех,
над пучиной гонят соблазн и грех —
нет иного способа как во благо
обратить их, жадно впивая льном, —
и, как прежде стала вода вином,
станет Богом эта хмельная брага...

За соленым валом соленый вал
подымал нас к небу и волновал,
назревая светом тоски, мутнея, —
и в ресницах меркнул любимый взор
на одной из дьявольских Лысых гор...
но над ней Голгофы рыдали реи.

РОЖДЕСТВО

Гнилой Венеции ларец
хранит и золото и кости, —
и ты, кощунственный певец,
приют на острове-погосте
обрел, где залетейских вилл
теснится мраморная пена.
Спи! Спи, покуда Михаил
нас всех не вытрут из тленя.

Вокруг лепная пустота —
оплот всемирной малярии...
Не знаю, верю ли в Христа —
скорее в первенца Марии,
в покой младенческого сна
под млечной тайнописью знаков,
в осла, вочные имена
небочитателей и магов...

Но вновь потусторонний хор
гримит над замершим базаром, —
и вновь Каспар и Мельхиор
бредут вослед за Балтазаром.
И вижу (согласились те б
насельники седьмого круга),
что и картонный наш вертеп —
подарок Любящего Друга.

К ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗЕ

Beauty is truth, truth beauty.

John Keats

Окружена аттическая ваза
мучительным молчанием пучин.
Цветет сюжет, но не постичь причин
испуга дев и юношей экстаза.

И флейте вечно не начать зачин,
и вечно с уст слететь не может фраза...
Попробуй высечь искру из алмаза,
сияющего ярче всех лучин!

Здесь, где кольцом свернувшись, дремлет время,
не брызнет кровь и не прольется семя;
а страсть неутоленная — чиста.

И век за веком омывает Лета
пустое чрево тщетного завета:
«В прекрасном — Правда, в правде — Красота».

* * *

Le vierge, le vivace et le bel aujourd’hui...

Mallarmé

Расправит ли крыло морозной чистоты
крахмальный зимний день, распластанный над прудом,
взметая ввысь свои — непостижимым чудом
вобравшие ветра — недвижные холсты!

Нет, словно лебедь, он, не вверивший мечты
заоблачной стране, таит тоску под спудом:

не свил он песни ей, безмерным изумрудом
сияющей вдали от дольней пустоты.

Ах, он бы мог теперь, смертельного безверья
отринув спесь, обять неведомую даль,
да ледяной корой уже сковало перья.

Он — иней, он — иной, он — Лебедь, он — хрусталь,
достигший наконец прозренья и зиянья
в гордыне навсегда никчемного изгнанья.

II

ДОМИК В СААРДАМЕ

Государь сказал Пушкину: «Мне бы хотелось, чтобы король нидерландский отдал мне домик Петра Великого в Саардаме». — В таком случае, — подхватил Пушкин, — попрощусь у вашего величества туда в дворники.

Разговоры Пушкина. М., 1929, с. 224

1

«Голландия есть плоская страна», —
сказал один. «Голландия скучна», —
сказал другой... Фасады вдоль причала
качались, что кораблики в порту,
двосясь... За теснотою высоту
широкая душа не примечала...

Глотни пивка и выкури гашиш —
и ощutiшь, от погребов до крыш,
всю лютость мореходной вертикали:
не дом, а гроб для рослого Петра...
Когда б трудолюбивые ветра
из шлюза в шлюз еще перетекали!

И мнится: добродетели петит
вот-вот на крыльях мельниц улетит,
под шпилями соборов отобедав,
помахивая карточками вин...
Хотел бы знать, что б вымолвил Кальвин,
увидев миллион велосипедов!

Гляди: страна, плывущая, как флот,
от собственной телесности, оплот
бесцельности, церковный лупанарий,
к Дню Судному готова... но пока,
беря тебя в прищур ростовщика,
смиленно указует на денарий.

2

Дома, которым лет семьсот,
теснясь, толпятся вокруг собора.
О чем гудящая Дебора
пророчествует сонму сот?

О чем шмели-колокола
трезвонят над кирпичной кручей —
здесь, где скудельный храм паучий
сеть цепких улиц оплела?

О том, что эти города —
лишь гнева вышнего мишени,
что не дождутся утешений
от Утешителя?.. О, да! —

горька религия вины,
чья обезличена обитель...
Скорее слушатель, чем зритель,
выходишь в шум из тишины:

Макдональд крутит карусель
в чаду греха, гашиша, мака...
Смешна шенгенская бумага —
всех скоро выдворят отсель!

3

Широкой натурой бахвалясь, —
а всё ж на тебя неспроста
поддатые бюргеры Хальса
насмешливо смотрят с холста.
Сравни, если хочешь, с отарой
овец многоглазый портрет, —
но всё же Голландии старой
тает он волшебный секрет:
блаженны поевшие плотно,
и близкие пьяным милей...
Пропитаны пивом полотна —
хоть выжми и в кружку налей.
Тут клонит довольство к участью,
неравенство здесь не пестро,
и мнится: притронуться к счастью
легко, словно к рюмке в бистро.

4

Литература — авантюра,
и лучше ею жизнь не трожь...
Но этот мальчик на Артура
Рембо был здорово похож.

И мне хотелось стать Верленом...
Увы, слова, слова, слова!
Был лишь енейвер по колено
нам, понимающим едва

чужие речи... Вместо драки,
пальбы и снов на чердаке,
плясала девочка во мраке
с колечком маленьkim в пупке —

Вермер, не более, картина,
одна иллюзия огня!..
Каналов темных паутина
влекла, опасная, меня...

И вот я жду теперь, когда же
он в грудь мне — sans paroles, без слов —
пальнет, приехав, из лепажа,
как должно пасынкам послов?

5

Нет, рана не была смертельной:
Бог взял голландского посла,
а дуэлянтов в жар постельный
волна злословья унесла.

(Давай кровавую разборку
переиграем в пять минут —
и новый мир, по Сведенборгу,
для Пушкина построим тут.)

Я вижу домик в Саардаме:
кровать, курящийся кальян
и нечто сказочное в раме —
о да, горячий Тициан! —

там зеркало для перламутра,
что с морионом заодно...
И, с петухами, входит утро
немой молочницей в окно.

Денек, как в Петербурге, хмурый —
и нет причины отплести
гнедую прядь от белокурой...
Он жив и счастлив! Не грусти.

6

Не холст — волшебное окошко
в тот мир, где сказочно легко.
Что зачарованная кошка,
смотрю на это молоко.

Зрачок расширен, разум сужен,
дух отдыхает от пелен, —
как будто лучшей из жемчужин
я, вместо мозга, наделен.

А рай, внедренный в короб полый,
похож на тот слепящий зной,
когда ты мой, когда ты, голый,
во тьме целуешься со мной.

ПОЧТИ ЕГИПЕТСКОЕ ЛЕТО

1

Почти египетское лето:
в зените копится гроза.
А мне с фаюмского портрета
сияют темные глаза

сокровищами коптских копей.
Под крестным знаменьем зениц,
что ратный мученик Прокопий,
копье я опускаю ниц.

Пресуществившегося хлеба
я смуглой корочкою пьян, —
и в клеть возлюбленного неба
не спрячет Диоклетиан.

Мне не темно в земной темнице.
И смерти нет, пока я твой,
пока в глазной тени хранится
лицо с дощечки восковой.

2

Люциферически прекрасны,
мгновенья гибнут на бегу.
И, словно Фауст, самовластно
любое выхватить могу —
сберечь волшебного романа
строку, губительный поток
пресечь... Но в пальцах Аримана
истлеет сорванный цветок.

А посему поползновенья
мои алхимии глупей —
не заговаривай мгновенья
и чашу поданную пей.
Ни выбора, ни «Или, Или!»
нет... Но читай, покуда жив.
Жди, чтобы книжечку закрыли,
надеяся — спичкой заложив.

3

Еще дадут, коли попросим,
в объятьях трепет покачать.
Но опрокинутое восемь
свою смертельную печать

и тут пытается поставить,
как на разделанный филей...
Люблю всё суетнее: я ведь
едва ль мощи тебе милей.

Всё суеверней... Но, бывает,
мечта шальная веселит —
о том, что тайно созревает
внутри стареющих Лолит, —
и, подливая виски ряно,
«когда же, — думаю, — уже?» —
над жадной строчкой Адриана
о нежной страннице — душе.

4

Ты ляжешь нехотя, но дашь
себя, скучающего, трогать.
Мне слаше меда этот деготь,
и зной палящий — не мираж!

Ведь плоть отзывчива — и вдруг,
с сердцебиеньем меж лопаток,
тугой от темени до пяток,
ты изогнешься, точно лук.

И я в живую тетиву
могу теперь стрелу живую
вложить — и рот живой целую,
и жадной нежностью живу.

И ты трепещешь, не тая
стрелы, нацеленной из тела,
из тел... О, вот и полетела
она в зенит небытия!

А нам с тобой осталась дрожь
опустошенного побега —
и россыпь жемчуга, и нега,
и мига длящегося ложь.

5

Ночные мучили качели,
и, мной усвоенный сполна,
ты весь был как виолончели
смычком точимая струна.

Тоски вместилище, не тело,
легчало мукой. Вместе с ним,
мое, тяжелое, летело
куда-то в небо, став одним.

И я, завороженный звуком,
мажорно зреющим в тебе,
был патриархом шестируким —
с незримым ангелом в борьбе.

6

Гляди, мои ладони в глине —
лепили пальцы райских птиц.
Я был, почти как Пазолини,
творцом ярчайших небылиц.

Для смальты и эмали плавил
невразумительный песок.
Катилось сердце — против правил,
перечая солнцу — на восток,

к виденьям Смирны и Багдада,
в края запретного огня...
И вот седьмого круга ада,
я знаю, жажда ждет меня.

Но за насмешливые губы,
за очи полночи под стать,
за знойный шепот — почему бы
душе безгрешной не страдать?

* * *

Жара. Идешь — как будто в гору,
как бы сквозь вязкое стекло.
И Монферранову собору
от зноя тоже тяжело.

И столь телесен он, похожий
на полумертвого жука,
что ощущаешь влажной кожей —
сколь ноша Божия тяжка.

Не умножай ее тяжелой
душой — и смрадной, и хмельной!
Жалей. Пусть свой дредноут Ной
без нас над твердью зиждет голой.

* * *

«И эдемские кущи раздвину,
и от жадной печали замру —
старый мастер, ревнующий глину
к змею, яблоку, знанью, ребру...
Кто тебе подарил бестиарий —
самый первый и яркий букварь,

где из всех нарисованных тварей
только ты, мой прекрасный, — не тварь,
а повтор безграничной свободы —
но беспечный, не знающий зла?..
Кто хотел, чтобы времени воды
никогда не коснулись весла, —
чтоб лепная тоска идеала —
то, чем зеркало мнится творцу, —
не творила и не истлевала?..
Видишь, слезы текут по лицу».

* * *

Одинокий, себя именующий «Я»,
говорящий по-гречески и на иврите
из пылающих кущ, в недрах небытия
нам построивший дом — лишь сердца отворите! —
умножающий пищу и воду в вино
претворяющий, лечащий грех первородный
крестной мукой своею, Кем сердце полно —
даже если бунтует мой ум несвободный, —
как сказать мне «люблю» — и Тебе и Твоим
сопечальникам — Осипу и Михаилу,
Иннокентию и Афанасию (им
есть число, но лишь Ты его ведаешь), силу
пересилившим смерти — и вечно живым?

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

По траве, жарой примятой,
входим в рай земной — и вот
ясень, пихтой приобретенный,
ослепительно плывет.

Он, совсем как мальчик сильный,
в колкой ласке изнемог...
Спи, младенец — тис могильный:
ты — лишь радостный намек.

Спи, терновник: зол не знаю
за тобой. Лютей стократ,
сам себе напоминаю
я татарник, царь-мурат.

Ведь, волчцом вцепясь, целую
жизни цепкую резню —
кровожадную, цепную
верность ревности храню.

Горячей, чем горный гравий
под аварскою арбой,
бейся, сердце, суйся к лаве
розовато-голубой, —

раз уж из грязцы и зноя,
слезной радугой лучась,
мира яблоко глазное
чудом создано на час, —

раз уж счастлив я, пропащий,
вкупе с сорною братвой
подле ног Твоих торчащий,
голос слушающий Твой.

(ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ)

Вечные фабулы в ступе толочь,
течь, замирать — не дыша...
Речь хороша уже тем, что не прочь
ею забыться душа:
тысяча первая кончится ночь —
и не найдут палаша.

Опустошенная чаша, не плачь —
жала лишилась оса:
стал москательщиком праздный палач,
позатупилась коса
Смерти. Ни холден день, ни горяч.
Чище стекла небеса.

Глянь: Аладдин погоняет ослов,
смотрит Синдбад на отвес...
Больше не встретим заморских послов —
сказочно-страшных чудес.
Всё — с окончаньем магических слов —
смысл потеряло и вес.

НА ЗАКАТЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Ты поймешь, что страшного нет...

Гумилев

На приморской террасе сядь
и «спроси печеных лангуст»...
Трудно ангелам тут летать —
опредмеченный воздух пуст.
Беспокоит не Бог, а дождь.
Странно пахнут слова-слова
в пустоте, где Дафнина дрожь —
только полой славы листва.
Кипарис над пирсом завис —
грех ли кудри трепать ему?..
Нас спустили в люлечке вниз —
не расслышу я, не пойму:
от Ламарка ли эта весть,
или всё же — от Марка... Но
вот и подано. Можно есть.
Хлеб как хлеб. Вино как вино.

* * *

Среди всеобщего безумия
и романтического смрада
душа, мучительная мумия,
еще звучащим крохам рада.

Пусть нас обманут с воскресением,
пусть жизнь — мишень в грошевом тире,
но летом кажется спасением
прохлада в блоковской квартире.

Сыграй-ка пайньку для папочки —
заученную роль сынишки:
надень концлагерные тапочки,
взгляни на умершие книжки!

Все ритмы в этом доме пропиты,
пропитаны все рифмы прахом...
Что нам с тобой осталось — опыты
соединенья «оха» с «ахом»?

Сличений знойное сокровище?
(И я ль не знаю жадный жар его!)
Но каждый новый Блок — чудовище,
которое кошмарней старого.

* * *

Б. Р.

То мальчик пишущий, то девочка —
читательница и болтунья...
Банальная, увы, распевочка,
а всё мерещится, что юн я.

Так горячи деньки июньские
и эти льстивые попутчики —
кавалергардские, драгунские,
спаси их, Господи, поручики...

Хлопок шампанского от выстрела
неотличим, мои хорошие.
Не только Сербия и Истрия,
весь мир — принцесса на горошине.

Всё те же путевые жалобы
и порох, вложенный под кожу нам!..
Родись чуть раньше мы — лежали бы
уже на Машуке некошеном.

А жаркие зрачки напрасные
в раю ли встретятся, в аду ли —
каленые и сладострастные
друг в дружку пущенные пули?

СЕНТЯБРЬ

Вот-вот реки ночной чернила,
напившись небом проливным,
затопят всё, что было мило
мне — или мнилось мне родным.

И жизнь моя, как лист кленовый —
безвольно-бледная звезда,
плывет во мрак, в ворота Новой
Голландии — куда, куда?..

Прощай, забег сердец олений!
Прощай, пожар, еще вчера
сжигавший страхи! Наводнений
стоит безлюбая пора.

И вся, что нас пленяла летом,
фотографическая мгла
теперь, защемлена пинцетом,
чернеет в ванночке дотла.

Весь снимок — липкая помойка,
где, измываясь надо мной,
захоронев от крови, Мойка
скользит пиявкой ледяной.

* * *

Ну, выпей пива — полегчает,
и мир покажется живым.
Пусть Мойка лодочку качает
проточным бризом дрожжевым.

Не хуже здесь, чем в Амстердаме.
И даже лучше, может быть, —
хоть акварель в гранитной раме
всё в море пробует уплыть.

Я, вместе с островом, отъеду...
Что ж, жить — такая ж благодать,
как вон тому велосипеду
в след шины шиной попадать...

Пиши роман, торгуй водярой,
люби сварливую жену...
а я за мир, простой и старый,
еще откупорю одну.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

БОЛОНЬЯ

1

С голубизной вливаются в стекло
и звон церквой, и плеск над голубятней...
Октябрьским теплым утром мне понятней,
что́ варваров в Италию влекло.

Еще не скинув козлоногих шкур,
они играли гроздью винограда,
и тешила их странная отрада
вины, и в грудь им целился Амур.

Так стали итальянцами — поправ
немые рукотворные кумиры,
чей дух вошел в их кровь и в их состав,

слив Евхаристью с хором римских прав.
И я, вандал, здесь щедро трачу лиры
на граппу — перл вакхических отрав.

2

Пусть башни склонны падать — им упасть
не суждено, хоть в гулкие аркады
домов и не пернатые рулады
звучат, но тысяч мотоциклов страсть.

И в тыщи сот — от зноя, от дождя,
от недруга — упрятаны витрины, —
и ты гудишь, Болонья — рой пчелиный,
в Подесте мощном чуящий вождя!

Ты — в шлеме. Ты из северной страны
несешь на юг рунические знаки
и сумрачные каменные сны.

И голубь извесь ест слепой стены.
И сквозь забрала видят мир, во мраке
глазниц тая огонь, твои сыны.

3

По вечерам здесь — карнавал и пир,
и театральный нравится мне норов:
в тебе сошлись десятки Эльсиноров —
тебя, Болонья, выдумал Шекспир.

Ты спрашиваешь, страстная: «To be
or not to be?» — аркадами играя...
Будь! Будь подобьем пасмурного рая —
пригубь, я умоляю, не губи!...

Увы, оруженосцы-травести
вверяют кудри пластиковым сферам —
и мотоциклы, мчащие карьером,
ревут «arrivederci» и «прости».

ГЕНУЯ

Здесь место есть у моря — вроде тех
форосов и пицунд, где генеральных
секретарей излечивали от
пустых мечтаний и радикулита
(заметьте, итальянцы обошлись
покруче с дуче), — и зовется... (Нет,
загадку загадаю: «...холст как парус,
муж так сидит, жена мотает гарус,
и так печальна, господи, сосна,
так улица пыльна, раскален»...
Вы угадали? Нет, конечно.) ...Nervi!
И не от Нервы лысого, как раз —
в простосердечном медицинском смысле:
здесь нервы укрепляли. (Так могли б
свою Алушту мы назвать Чахоткой,
Чукотку — Одой-Вольность.) В феврале
тут всё в цвету — и тянет искупаться,
гипербoreйской блеклой наготой
веселых генуэзцев изумляя
и скучных немцев. Только стыдно...

Что ж,
садись на поезд, благо есть вокзал,
и поезжай (рукой подать!) в Рапалло —
подписывать похабный договор
с грядущей тьмой, как подурневший Юша,
приятель школьный. Молодость прошла.
Вотще рыдает преданное море.

ФЛОРЕНЦИЯ

1

Чтó мне до статуй косных — то толпой
на площади стоящих, то попарно,
когда внизу мертвее желтый Арно
и Старый мост попрал его стопой?

И мне претит, Флоренция, твой гной —
роман твоей истории бульварной
(и мистика, и заговор коварный),
и твой Давид с израненной спиной,

и все твои верховники — с тупым,
нелепо переломленным коленом,
задушенные бархатом и тленом,

и Рафаэль, бесстыдно льстящий им,
все всплески крыс речных твоих, все фрески
и кардинальский чепчик Брунеллески.

Но колокольня Джотто, но шитье
резной стены, но мраморная кожа,
но живопись — чья дрожь, увы, дороже
всех шумных созерцателей ее?..

Какой сквозит бесчеловечный хмель
в ее нездешней радужной немоте,
достигшей сфер, где плоть, забыв о плоти,
в ночном зрачке яснеет, Рафаэль!

2

Ты спиши. Бесчувственное тело,
еще не склонное истлеть.
Куда на время отлетело
стремление всё уразуметь?
И — страсть всё в мире перетрогать?
Лишь воздух наполняет грудь —
и грудь приподымает локоть...
Хоть полчаса собой побудь!

Не речь, но жалоба лопаток
и плеч до горечи сладка.
И самый точный отпечаток
Творца — безвольная рука
с пустой вселенной на ладони.
Ваятель знал, что делал, — Ночь.
Не мозг, а ворс льняной на лоне
способен ужас превозмочь.

И, словно выкован из глыбы
невероятнейшим резцом,
ты есть, ты жив, хоть нем, как рыбы,
хоть мысль не властна над лицом,
хоть воле неподвластно тело, —
и сновиденья, как цветы,
в тебе цветут — и нет им дела
до Божьей страшной глухоты.

3

Если б жил в обители я Сан Марко,
то молился б истово, страстно, жарко
перед сном у росписи фра Беато,
а потом любил бы меньшого брата.

Мы тушили б свечку, обняв друг друга,
нам бы снилась плоть золотого луга —
и была бы глаже она и краше
той, что днем таит власяница наша.

Мы лежали б куколкой, свитой в кокон, —
слава Богу, фрески бездонней окон! —
с головой укрыввшись от искр насилья,
и росли бы чистые наши крылья.

А под утро б, словно весна — посеяны,
я будил его и просил у Девы,
чтоб избегли всходы греха и срама,
и зеницы дьявола-Джироламо.

ПИЗА

1

Весь город пуст и нем — он ждет,
что башня вновь *не* упадет.
Так день за днем и век за веком.
Здесь речки скверной не узнать —
где спесь? — здесь Арно хочет спать,
сродни родным предсмертным рекам.

Лишь на площадке для зевак —
туристов рой, и мыслит всяк:
вот рухнет мраморное чудо...
Пустые страхи и мечты!
Поверь мне, раньше рухнешь ты —
Фома неверящий, Иуда.

2

Фасады набережной в сон
погружены один — о глади
морской — с рекою в унисон.
И гор тосканских сонный фон
как бы с холста срисован сзади.

И мы в гостинице уснем.
Нам день сегодняшний (вчерашний)
приснится — с тайной, спящей в нем,
с закатом, с сумрачным огнем,
с никак не падающей башней.

3

Если спросят о Пизе, отвечу: «Арно
там не так коварен, не так коварна,
как в столице Медичей. Даже пицца
там вкусней. Хотелось бы там родиться —
в городке уютном, безлюдном, славном...»
Но молчок! Ни слова о самом главном —
как шептал, взволнован ночной отрадой:
«Дорогая башенка, стой, не падай!»

(ИЗ ПИНДЕМОНТИ)

В Европе хорошо. В Италии — тем боле.
Всего лишь век прошел — и нет чумазой голи,
по живописи нам знакомой нищеты
(Сильвестра Щедрина она живит холсты,
и ею Александр не брезговал Иванов):
не нежится босяк под сению платанов,
лелея в их тени крамольные мечты.

Но всё же, как у нас, с задержкой поезда
здесь трогаются с мест. А в Риме иногда
блевотиной пахнет — клошаров грязных стая
воспрянет из тряпья гнилого. И простая
меня утешит мысль: и нам не навсегда
отпущена тоски и дикости страда —
и лет через пятьсот она отступит, тая.

РИМ

1

Под серпантином дьявольских колонн
и мрамором слоноподобных арок
прошли века. Данайцев злой подарок,
ты, Рим, лежишь, упрочив склоном склон,

как общий череп вымерших когорт,
на пестрый мир пустотами глазея.
И временем всеядным Колизея
уже на четверть съеден черствый торт...

О, пусть прелаты стерегут твои
печатью запечатанные склепы:
мир кончится, когда из них рои

чудовищ выйдут — люты и нелепы
(двоих я Богослову бы назвал —
Калигула и Гелиогабал)!

2

Из цезарей мне нравится один —
прививший Риму трепеты Эпира,
но удержавший вожжи полу мира —
от Финикии до британских льдин.

Ты сам — слиянье несложимых стран
и сплав божеств, вливающихся в храмы, —
и мир не видел тоньше амальгамы,
чем ты, чужой ромеям Адриан.

Для старовера ты — презренный «грек»
(по-нынешнему — «жид» или «чурек»),
и смерть твою восприняли едва ли

не с радостью. И Клио учит: вот,
народам люб Нерон или Коммод;
а при тебе почти не убивали.

3

В рай не зайти, как в папские сады, —
лишь очерк вижу с купола Сан Пьетро,

не слыши ни журчания воды,
ни шелестенья крон его от ветра.

А там, должно быть, каждый лепесток
неповторим, и в каждом водостоке
особенный родится голосок,
и ангелы за так дают уроки

ботаники и музыки... И тут
я вспоминаю «Отдых» Караваджо —
и сладостные образы цветут...

И было б странно, если б эта жажда
не утолялась там, где всякий лист
не схож с другими, хоть блаженно чист.

4

И ночью здесь толпа, но заглушен
минутный гомон шумом вечной влаги.
Фотографируются бедолаги —
и плеск монетки брошенной смешон.

Здесь несколько столетий длится пря
непрочной жизни с каменною пеной —
с разбуженной копытом Ипокреной,
и лирами и брызгами соря.

За вспышкой — вспышка и за бликом — блик:
японцы, немцы, сонмища калик,
хорошенький солдатик жмется к деве —

о, эта жизнь, ярчайшая из книг!..
Но только ты — непреходящий миг,
бушующий в своем покое Треви.

РАВЕННА

1

Всё время кажется, что море
вот-вот увидим за углом,
но в солнечном, в курортном взоре
уже давно не плещет гром.

Пустынна сонная Равенна,
как будто жители на пляж
ушли... увы, и море бренно —
и входит в перечень пропаж.

Или от Дантевой могилы
и гул стихии голубой
бежит? Здесь выжить хватит силы
японцам лишь да нам с тобой.

И тень певца навряд ли рада,
что тут почти Бахчисарай,
что ни чистилища, ни ада
нет — только выморочный рай.

2

«Потому и пусты саркофаги,
что цари, отряхнувши прах,
растворились в сверкающей влаге
и парят в мозаичных мирах.
Не из кобальта, золота, хрома
создан мощно изогнутый щит;
он — плева, за которой — плерома:
там плывут мириады Плакид.
Он пленительней сладостной плоти,
шире всех представимых щедрот —
этот, рай отверзающий в гроте
и бессмертием дышащий, свод:

в топком бархате звездного луга,
где пасутся и агнец и конь,
не страшит никакая разлука,
ибо сам он — Христова ладонь...»
Но, завидя искренней вере,
я спохватываюсь — не лги! —
вспоминая тебя, Алигьери,
и твои ледяные круги.

3

Ягненок льнет к Его ладони,
и пьет из чаши голубок,
и по траве гуляют кони...
И молод Человекобог —
еще земной и безбородый...
Но маги в красных колпаках
уже несут ларцы — с природой
Его божественной — в руках...
Всё — весть благая для всезнаек:
и крест, и смерть... И Он с тоской
глядит сквозь марево мозаик
на неспасенный род людской.

ПАДУЯ

1

Конец 1230 г. и великий пост 1231 г. были временем наиболее напряженного проповедничества Антония в Падуе... Городские храмы не вмещали кающихся... Рыбы, по сообщению жития, выскакивали на берег, слушая проповедь...

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрана

Гнилая челюсть — в золотой
витой оправе. И нетленный

язык. Безропотной вселенной
им проповедовал святой.

Был храм теснее рта — тогда
на площадь отворялись двери,
и из лесов сбегались звери,
и рыб не тешила вода.

И хитроумное росло
из уст ячеистое слово —
мережа доброго улова
и сеть, треножащая зло...

Где эта пря? Спроси у рыб.
До нас лишь персть и позолота
дошли. И свет нездешний Джотто —
глухонемой, как Божий всхлип.

2

Табун столпившихся людей,
терновых пик венок.
Все лгут. Но худший лицедей —
невоплощенный бог,
а вовсе не Искариот,
чей поцелуем рот
так искажен, не Иисус —
в коросте ложных уз.

Пусть Сыном-Духом-и-Отцом
займется богослов.
Но что случается с лицом
людским от подлых слов
и поцелуев — Боже мой!
Лишь Он, взаимный стыд,
хоть и рожден безликой тьмой,
нам всем сердца слепит.

ВЕНЕЦИЯ

I

Подозреваю, что в раю
есть указатели «К Сан Марко»,
и дождь, и шар, парящий ярко,
и винт, вплетающий струю
в блаженство, налитое всклянь, —
и там не поздно и не рано,
как в стеклодувне на Мурано,
сушить лирическую ткань.

II

Плеск теплых волн и голубей
раз пять сменяется на Пьяцце
на дню. Тут нужно потеряться
и заблудиться. Хоть убей —
здесь, где дельфином Арион
над бездной зиждется коварной:
в парной градирне, в рифме парной
оставь — в просвете двух колонн.

III

Столбцы колонн, вторенья стоп
и вены пенные Киприды...
Не фотографии и виды,
но волн размеренный галоп.
Жизнь продолжается: гондон
плывет в резной тени гондолы.
И лоск венецианской школы
колеблет донный Посейдон.

IV

Здесь дождь уместен, здесь картин
не нужно в рамках и музеев.
Туда, где меньше ротозеев,
где моря плещется притин,
брели (ты — из неисцелимых,
тебя и грappa не спасет) —
и там смотри, раскрывши рот,
на небо в серых серафимах.

V

Здесь голубые купола,
двоясь, рифмуясь, две стихии
соединяют, как стихи и
двойник ленивого весла;
и отплывают — еле-еле,
взяв призрак свой на абордаж.
И вот уже кораблик наш
причаливает к Сан Микеле.

VI

Гляди, возлюбленная тень
впопыхах взошла на вапоретто
(здесь, как до разделенья света
и тьмы, еще не создан день,
но миг — и ловкий стеклодув
светило выдует из дыма),
и Та, чья мысль неуследима,
спешит ей вслед, стопы разув.

VII

Гнездовье сонных аонид
и жизнелюбое кладбище,
ты — только выпивка, не пища,
ты — не оковы, а магнит.
Здесь выдуваются слова
и смыслы, слава дремлет в доке.
И в темные твои протоки
втекают Амстель и Нева.

VIII

Ты, если вдуматься, не страсть,
не смерть, не маска, не актрисы
грим... (Разве тонешь? Вот же крысы —
они уж не дадут пропасть!)
Ты, если вслушаться, — любовь,
но — в измеренье небывалом...
И легкий мостик над каналом —
над Вислой? — вскидывает бровь.

IX

Клад подростковых неудач
и утешительности старой
(чадя гаванскою сигарой,
в ладье качается богач —
под безголосость баркаролл
и весел медленные взмахи).
Характер здесь лежит на плахе,
и море сглаживает пол.

X

Двусреднодышащий инь-янь,
томленьем сцепленный Риальто,
ты тешишь глаз не так, как смальта,
но как слеза, уже за грань
стекая страстного земного;
и кажется: прикрой окно —
исчезнет сновиденье... Но
мы в нем, даст Бог, очнемся снова.

ЭПИЛОГ

За день один соединить
три лучших города на свете! —
так ртуть живую ловят в сети
и бисер скрадывает нить.

Венецианское стекло,
и чуть темнее — в Амстердаме;
но та же мгла — в осенней раме —
и желть, и морось, и весло.

И в Петербурге моросит...
Мы как в магическом кристалле!
А коль дивиться не устали,
то гибель музе не грозит.

НЕРАЗГАДАННЫЙ РАЙ

Rose, oh reiner Widerspruch, Lust,
Niemandes Schlaf zu sein unter soviel
Lidern.

(Роза, о рай неразгаданный, радость,
Сон безымянный под сотнею век.)

Rainer Maria Rilke

ВЕДУТЫ

PUNTA DELLA DOGANA

Золотой слепящий шар,
там, откуда лучший в мире
вид на все четыре шири
открывается сквозь пар
мелкой мороси, в краю
мореходных аллегорий,
где грот-мачтою Егорий
держит звонницу свою, —

монотонный Фаэтон,
беззаконный сын круженья,
ты плывешь среди скольженья
погруженных в ровный сон,
еле зыблемых гондол
вроде брошенного ростра —
без руля, без цели, просто.
Век могущества прошел.

SAN MARCO

Подобно усыпальнице, над сонной
волной, ему ласкающей стопы,
он вечно спит, вкушая сон бездонный
и донный ил бессмысленной толпы,
день изо дня под сумрачные своды
пустой глазницы, обращенной ниц,
втекающей, как почвенные воды —
в немые рты разграбленных гробниц.

Весь в сталактиках он и сталагмитах —
резной ларец, не чающий вины,
не помнящий о дожах именитых,
что были с морем им обручены.
Так что же нам в сокровище подводном,
в окаменевшем чудище морском,
когда оно объято сном бесплодным
и небеса не молит ни о ком?

SAN GIORGIO MAGGIORE

Ни стихии — мрамору, ни камня —
мерному Нерею не дано
одолеть. Навеки ровня, равно
мощные и слитые в одно,
так они и борются, играя
вспененными торсами — Пергам
мертвый, — не страшась, не умирая,
оставляя страх и трепет нам...

Да, умрем. Но пей пока кампари.
И следи, как лодки на волне —

пару с парой, словно на опаре —
поднимает (что бессмертье мне
камня и воды глухонемое!),
как вспыхивает парус на ветру...
Да, умру. Но будет рай тюрьмою
вечной Аквинату и Петру.

FONDAMENTA NUOVE

За пять минут от Фондамента Нуове
vas катер довезет до Сан Микеле.
Известно, чем кончается рассказ.
Здесь от величья (нет, не до смешного —
до страшного) лишь шаг. И мы у цели,
где в Лабиринте поджидают нас.

Голубизна ничуть не подурнела,
хоть на ущербе стреляная рана
алеет Солнца, пахана планет.
Сиди себе, плыви — какое дело
тебе до ада, выйди на Мурано —
и убедись, что рая тоже нет.

Есть только Лимб (пусть мы в него не верим):
сплошной платон, витающий бесполо
среди пеленок, сопли и латынь.
Так что нам Марк, с его ученым зверем? —
цыган какой-то, вроде Марко Поро.
А мы, китайцы, знали янь и инь.

Уже слепящий диск наполовину
в волне. Пора в обратную дорогу.
Проверь билет — в кармане ли. И в путь.

К подмявшей Слово-Логос лапе львиной.
И ни кассиру сонному, ни Богу
квитка с пробитой датой не вернуть.

MOLO

Мутные на просвет —
соль, и вода, и свет —
венецианским летом
волны смывают след
наших побед и бед.
Сносу нет их штиблетам.

Нет, не алмаз — обол,
стершийся, как атолл, —
мир: вон тот у причала
вбитый в пучину кол
(вспомни, сколько гондол
лбами в него стучало).

Капля точит гранит,
чайка мутит зенит —
вот и атом устанет
быть пыланьем ланит
и себя возомнит
тем, что есть он, — и канет.

И лишь волне — во мне,
и вне меня — вполне,
как при Ахилле, вольно:
что-то бормочет не-
внятно — словно во сне,
слепо и безглагольно.

PONTE DI RIALTO

Легок только под утро
Риальто, когда все спят, —
арка из перламутра
или воронка врат
шлюза, в котором Летой
станет Большой канал:
въедешь на вапоретто
раннем — и всё, пропал.

Мокнет сознанье в граппе,
как и бахил — в воде.
Лев, с писаниной в лапе,
черт его знает где.
На карусель подсели —
и закружились так,
что не найти постели
в потном мотке никак.

С той стороны канала,
с этой? — поди пойми.
Все поменял меняла
номера над дверьми.
Встречные — как в бауах:
«scusi», «sorry», «pardon»...
В водорослях и путах
выди, что царь Гвидон,

и, где всего круглее
мрамор земной, замри:
Гlorия-Лорелея —
в зыбком трюмо зари.
Стикс утекает вправо,
влево Коцит трусит,
мраморная забава
над пустотой висит.

CAMPO SAN POLO

a

Сюда, похоже, не заводят тропы
туристов – в кондоминимальный рай
воскресной, одомашненной Европы —
в приземистый Сан Поло... Покупай
недорогую граппу в гастрономе.
Зайди в local, где все вокруг свои
(тебя, слегка смущившегося, кроме).
На лавочке у храма покури.
(*Свои и покури* — конечно, куце,
но здесь сойдет.) Из церкви валит люд.
Не ты, пиит, — питомцы конституций
пройдут в ушко блаженства, как верблюд.

b

Венецианского Сан Поло
провинциально-полый рай!
Церковно-праздничная школа...
Не знай печали и играй
на клавесине сердца, а не —
тромbone чувств. Зайди в local,
где точат лясы прихожане,
и закажи шестой бокал,
слегка смущаясь их минору
с неодобреньем пополам:
кто пьет кампари в эту пору,
того к потемкам ждет бедлам.
Но день покуда, и дилемма:
эдем вокруг или Содом,
и не звездой ли Вифлеема
чужак неведомый ведом?

CAMPIELLO SPIRITO SANTO

Марк 14: 51—52

Сидеть бы со стопкой граппы
на кампо каком-нибудь,
где и не двинуть лапы
в бессмысленный дольний путь
(осенние дни не люты
здесь и толпа не зла), —
и видеть делла Салютэ
блаженные купола.

С утра заливая зенки,
чтоб вжиться в пожар листвы
(вдали от поземки, подземки —
от рифм вдали, увы),
с закинутой головою —
«кво вадис?» и «кто таков?» —
следить за лепной ботвою
клубящихся облаков.

О, облака. О, влага
Преображенья. О,
само отрицанье шага,
стопы, само естество.
Сама тоска мировая,
которая так легка —
от края небес до рая.
О, благо. О, облака.

Овалы. Валы. Обвалы
в их Альпах. Их сеновал.
Их перлы, их опалы.
(Весь век бы с ними дневал,

как лев — над чистой страницей!)
Их мраморный морок, мрак.
Лучшее, что присниться
смогло мирозданию, Марк.

Не стáяло, но и не стало
таким, чтоб его персты
коснулись, — о, покрывало
невиданной наготы...
Лишь под лежачий камень
они, облака, всегда
текут и текут стихами —
без умысла, без следа.

SANTA MARIA DELLA SALUTE

а

Эти купола голубоватые —
в небе, в колыханье за кормой —
душу набухающую сватают
с раем (что невесте гной чумной!),
где-то там цветущим полной мерой
над лепным и рыхлым потолком
облаков, — с девичьей полусферой,
с облой негой, полной молоком.

С Рождеством! В сравненье с ней нелепы
все земные храмы, погляди, —
только склепы, тесные вертепы,
а Младенец тянется к груди.
Но и ты — теперь, склонясь с волхвами, —
видишь то, чего не емлет глаз, —
свет двух лун: одна объята снами,
а другая молится о нас.

b

Санта Мария
делла Салютэ —
сна пузыри и
райской валюты
знак водяной.
Не скорлупа ли
Святого Духа —
эти овалы,
что легче пуха
в бездне двойной
спят неподвижно, —
не облака ли?
Рай, и не книжный —
тот, что алкали:
голубь и глубь...
Как утвердиться
в зыбких и мнимых?..
О, Голубица,
неисцелимых,
нас, приголубь!

PIAZZETTA

Не кошелек, расшитый бисером,
набитый тяжкими дукатами, —
плывет Сан Марко первым глиссером
к лагуне дугами покатыми,
из тьмы сверкающими сводами —
Язона золотой овчиною,
жемчужиной, рожденной водами —
их пасмурной первопричиною...

Венеция, незабываемая,
хранимая в зенице, снящаяся...

Не знаю, причастимся ль раю мы,
но фотография слепящая
в лоханке площади полощется
и постепенно проявляется —
как плащаница; голубь плещется —
и тоже раю изумляется.

ВЕНЕЦИАНСКОЕ УТРО

Счастливцы-окна видятаждодневно
то, что для нас — одно из дивных див:
себя рождает сонная царевна,
брачую блеск лазури и прилив,

но недовоплощаясь никогда.
И снова утро пригоршни опалов
ей возвращает щедро; а вода
преумножает зеркала каналов;
и, молодой всплывая из анналов,
она опять становится — о, да! —

той нимфою, что Зевсом пленена.
Звенит серыга, и нега — в томном взоре.
И, приподняв Сан Джорджио Маджоре,
как чудо-вещь, вся светится она.

(Rainer Maria Rilke, 1908)

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ В ВЕНЕЦИИ

Она теперь не кажется приманкой
для дней, ее ловивших на лету.
Хрусталь дворцов позвякивает склянкой,
разбитой о зрачок. И красоту

сменил в садах раздрай марионеток,
качающихся на ветру.

Но от стволов и полуголых веток
исходит мощь — и если бы к утру,

удвоив флот, его из Арсенала
спустить распорядился адмирал,
то на заре, пропахшей небывало

смелою, флот сиял бы у причала,
весь в парусах, и ожидал сигнала,
непобедим, ловя фатальный шквал.

(Rainer Maria Rilke, 1908)

САН МАРКО

В дуплистых этих недрах, где, змеясь,
стекает смальта золотистой лавой,
погружены в изысканную смазь
запасы тьмы, хранимые державой

и тайно пополняемые, — мрак,
противовес изветливому свету,
все вещи растворяющему: нету
их, есть они? — ты не решишь никак.

И, отсекая косность галерей,
оснасткой шахты охвативших свод
сияющий, их тяжкие вериги,

ты видишь цельность ясную, но в ней
невдалеке от натиска квадриги
щемящая уступчивость живет.

(Rainer Maria Rilke, 1908)

ЛАМЕНТАЦИИ

НА СМЕРТЬ Б. Р.

I

На рассвете, в расцвете
упоительных слез,
на безлюблой планете,
где сыграть с пустотой довелось,
ты теперь, словно доведь, —
не чета нам, ладьям и коням:
никогда ни за что ведь
не догнать тебя нам.

II

Докурил сигарету
на краю темноты, немоты,
причастился просвету
ты (теперь мы — на «ты»),

окуная в темноты,
как в фиксаж, пропивающий страх;
и отныне одно — ты
и роса в небесах.

III

Как смердят хризантемы
у разверстых могил!..
Словно выдернул клеммы —
и шагнул в самый Нижний Тагил,
в стужу Сверхверхоянска,
в молоко облаков —
в беспробудное пьянство
бессловесных стихов. —

IV

Точно хищник — из клетки
(дескать, на, пацаны!) —
в авангарде, в разведке
бесконечной войны —
в писке сломанных раций
во всю ширь развернув парашют —
от безгрешных акаций,
под которыми плачут и пьют.

V

Самый слабый из слабых
(это — да! — комплимент),
ты дудишь, словно лабух,
в бронзу листвьев и траурных лент —

и, нежнее Эола,
тронешь за руку вдруг...
Каково там бесполо,
безъязыко, мой друг?

VI

Дама из Роттердама,
ах, вздохнет невзначай о тебе.
Но ни срама, ни шрама
нет в бесплотной борьбе.
Разве слышишь, как сосны
шелестят — всё светлей и светлей —
и звенит медоносный
куст над бездной твоей?

VII

Только влажные звезды
и пивная бутылка у рта.
И легко — оттого, что так поздно
и уже ни черта
не поделать с горчащей
и пьянящей ночной
пустотой — предстоящей,
не сравнимой с виной.

VIII

Там, где Батюшков нежный
и Давыдов лихой,
ты обрел безнадежный
вечнодышащий зыбкий покой?

Светлым тающим илом
вот летит ваш отряд —
от могил, во главе с Михаилом —
на последний парад.

IX

Не дождемся ответа
на нелепый вопрос.
Но зато это лето —
что ристалище гроз:
глянь, вот-вот шандарахнет —
в духоту застоявшихся крон
ливень ангельский ахнет.
Я приветствуя щедрый урон!

X

Зонтик выброшу ржавый:
пусть не станет преград
между мной и державой
ваших облачных стад.
Будет оторопь крупных
охлажденных падением слез —
из краев недоступных.
Этот дождь — навсегда и всерьез.

* * *

Кириллу Кобрину

В Париже было жарче, чем в Алжире.
Я в жизни лжи
не видел большей: каменные шири
и бронзовые миражи.

За пот побед был кальгадос мной выпит
на рю де Наварин.
А в Тюильри — Египет!
И Люксембург пылил мукой, как постный блин.

Про мессу не скажу, но он не стоит танца —
мелка река.
От солнца королей и зноя корсиканца
он не очухался пока.

С Монмартра на Пигаль передвигая брюки,
вам, как никто,
о скуче
поведать мог бы я восслед Кокто.

Прославленных холстов живая плоть бесплотно
переливалась. Но
я понял, отчего так трепетны полотна:
виною перно —

светящаяся взвесь пьянящего аниса
и конопляный дым...
На суд Париса,
пожалуй, следует являться молодым.

УМИРАЮЩИЙ РАБ. ЛУВР

Дмитрию Бураго

Из мрамора бесформенного было
так хорошо и трудно эту грудь
освобождать, что дрема охватила
его — и пять столетий не стряхнуть.

Он всё проспал, разметанный устало,
не в силах майку сбившуюся с плеч

снять — словно вар, Европа клокотала,
теряя кровь и смешивая речь.

.....
.....
.....
.....

И лишь бы там, вдали, где дрогнет веко
и лопнет сна свистящее лассо,
очнувшись, он увидел человека,
а не химер Дали и Пикассо.

ДАМА С ЕДИНОРОГОМ. МУЗЕЙ КЛЮНИ

Александру Леонтьеву

Так эти чудо-ткани хороши,
что и душа, как вышитая дама,
пять чувств земных — радетелей души,
пять оснований радужного храма,
где ткет ее из сора бодрый Дух
и оперяется царственное Слово, —
вкус, осязанье, обонянье, слух
и зренье — все, созрев, вернуть готова.

К чему ей, знатной щедрой тщету
любви и спесь слепящего искусства,
они — пускай сольются в чистоту
шестого, всеобъемлющего, чувства —
того, что ей подносит истый конь,
лазурь взрезая белоснежным рогом:
она уже пережила огонь,
который люди называют Богом.

АЛЕКСАНДРИЯ (*начало XX века*)

Мать его, Хариклия Фотиади,
всё хотела девочку, а рождались
сыновья — Георгиос, Павлос, Яннис,
Константинос, Петрос и Аристидис,
Александрос... Это мужское ζ ,
как с лозы, свисающее со строчки,
оказалось вскоре серпом, секирой,
разорившей их виноградник: все
молодыми умерли, лишь ему
одинокую старость вменило Время.

Да, всё верно: щедра и чрезмерна жизнь.
И полна сокровищ. И есть в ней место
хромосомам греческих букв, а в них
вечно живы — Георгиос, Павлос, Яннис,
Александрос, Петрос и Аристидис,
и Хариклия-мать, и ты сам, Καβάφης.

РОТТЕРДАМ

Кейсу Верхейлу

На набережной Бомпьес («Деревца»)
две девушки целуются — такая
картина нам оставлена одним
французским верлибристом; поезда
проносятся над ними по мосту
через Маас, какие-то баркасы
трудолюбиво в сумерках чадят
туманным утром... Ночь прошла, как сон
(волшебный... но не утолить желанья
и тысячью ночей!), воспалены
цветущие уста от поцелуев.

Одно спасенье — влажный, липкий смог,
сродни венецианскому туману,
и то, что на дворе, скорей всего,
ноябрь (и год — десятый), а не май,
не ясный май сорокового года.

Здесь разбомбили город. Но река
в два рукава бежит, неудержима
и широка, не подурнев от дыма
и копоти, как в прежние века.
И гладь ее, не помня ничего —
ни фахверков, ни мельниц, ни меандра
ревущих свастик, словно саламандра,
прошла огонь, не осознав его.
Буруны волн, буксиры, катера —
ни синяков, ни ссадин... ни Синяка.
Вдоль променада Бомпьеc до маньяка
шумела жизнь — теперь гудят ветра.
«Живи в пустыне», — скажет виршеплет.
И повторит собрат его: «Отныне
ты не найдешь оазиса в пустыне».
Но погляди — морской дворец плывет.
И не акриды — нега и нуга...
Тех девушек влюбленных разбомбили.
Но жизнь течет — и новый мост в полмили
в один присест сцепляет берега.

* * *

Благодать — сидеть
на траве, вязать
или так глазеть
на речную гладь,

на зеленый скат,
на кусты и пни,
будто дымный ад
нас не ждет, — в тени,
где кошмаров нет,
и душманов нет,
и глазет газет
нам не страшен, нет...
Не читай, зачем:
там опять — вулкан
надоевших всем
за века Балкан,
и Кабул горит,
и аул в огне —
неизменный вид,
надоевший мне.

* * *

Алексею Машевскому

Здесь, во Флоренции, умер Монго...
Жизнь — коротка и ничтожна.
И никого, никого, никого
вечно любить невозможнo.

Страсти обвалы, аулы обид,
злости ликующий пламень...
Только Давид и устоит —
ибо бесчувственный камень.

Вспомни: внимать, понимать, обнимать...
Всякое слово
значит: «нельзя». Не слагать — отнимать,
снова и снова.

Но эти вэ, эти зэ, эти эн!
Как без волненья
нам пережить ваш мучительный плен,
звенья забвенья?

* * *

Жили-были, пиво пили,
на нездешнем говорили
языке: «кристалл», «эфир»...
Что ж, дрожи, как лошадь в мыле, —
кончен пир. В безликость пыли
всех стирает этот мир.

Кончен бал. Умолкли хоры.
Где вы, форы и фаворы? —
гроб немой да желтый дом...
Но еще полны амфоры —
и пахан разбитой своры
заливает боль вином.

Словно там, на дне стакана
(а гляди, утихла рана!),
как на старом снимке, рано
или поздно, снова все
соберутся (прямо Кана!)
в роковой своей красе.

* * *

«Я заплачу!» — мне сказано было, когда
мы прощались (навек?).
Как вода, утекали во мрак поезда
(помнишь, что там изрек этот грек —

Гераклит или Мельхиседек: навсегда!)
и на мокрой реснице мерцала звезда
(то ли капля дождя, то ли снег).

Чтò на свете вокзального дыма горчей
и жалчее клейма неудач,
и бессмысленней наших прощальных речей!..
Лишь зареванных рельсов слепящий ручей,
как твои поцелуи, горяч —
лишь бесплотная тень воспаленных ночей,
задыхаясь, мне шепчет: заплачь.

ЭХО

Не найдя отзыва на страстный зов
у прекрасных уст, кроме смеха,
(но ответь, не лучше ли участь сов,
если девичья суть — помеха?)
ты почти исчезла, дитя лесов,
всех живых насмешливых голосов
став лишь отзывом, нимфа Эхо.

Значит, слышишь: беспечно спешит к ручью
твой смешливый обидчик, нимфа,
где безликую встретит он смерть свою,
где бесцельно в нем вспыхнет лимфа...
И напрасно я рифмой Любовь ловлю —
ни зеркал, ни ауканий нет в раю.
Нам троим не видать и Лимба.

* * *

«За ткани цвета муравы
лоскут, за потный бег
(Верона, ты — урон, увы!)
осуждены навек

касаться мы нагой стопой
пылающих углей:
пришлец, не говори “постой!” —
постой и пожалей.

За то, что я в затылок им
дышал, а мне — они,
мы все горим и всё бежим
вдоль выжженной стерни.
И лишь отставший навсегда
вкушает сон в раю —
не проронивший никогда
ужасных “I love you”.

Он, воротившийся пешком
в Верону с петухом,
увы, не помнит ни о ком,
хоть с ангелом знаком.
А мы, немые бегуны,
до недр опалены
самосознанием вины,
но памятью полны.

Ни грек, ни скиф, ни сарацин —
никто не мучим так.
О, флорентинец, бег терцин
твоих — пустяк, пустяк!
Луна и Солнце — только сон,
свет всех небес угас —
ведь Та, которой Он рожден,
взор отвел от нас».

* * *

«Чистилищем», «адом», «краем» —
не всё ли равно, как звать
тот край за чертой, за краем,
где плеч твоих не обнять

руке, привычной к теплу их,
к ребячьеи игре «тепло —
теплее»... О поцелуях
забудь, волоча крыло.

В бездонном тысячелетье,
исчезнувшем за спиной, —
ладонь и возможность лечь ей
на этот блаженный зной;
и вот им теперь не слиться,
не стать воплощенным сном —
Туринскою плащаницей,
с ее опаленным льном.

И что же тогда под словом
«живу» понимаю я,
когда ледяным уловом
и ртутью небытия
моя осевшая лодка
наполнена до краев —
какою кличкой короткой
назвать теперешний кров?

* * *

Я памятник воздвиг — едва ли ощутимый
для вкуса большинства и спеси единиц.
Живые сыновья, увидев этот мнимый
кумир, не прослезят взыскующих зениц.

И внуки никогда, а правнуки — подавно,
в урочищах страстей не вспомнят обо мне —
не ведая о том, сколь сладостно и славно
переплавлялась боль на стиховом огне.

Слух обо мне пройдет, как дождь проходит летний,
как с тополей летит их безнадежный пух, —
отсылкой в словаре, недостоверной сплетней.
И незачем ему неволить чей-то слух.

Умру. И всё умрет. И гребень черепаший
Меркурию вернет плещивый Аполлон.
И некому, поверь, с душой возиться нашей
и памятью о нас: нам имя — легион.

Капитолийский жрец, и род славян постылый,
и утлый рифмоплет — всё игрища тщеты.
Но, муга, оцени — с какой паучьей силой
противилось перо величию пустоты.

* * *

Если вновь родиться — на Востоке,
у Аллаха зоркого в горсти.
Ночи там так жарки и жестоки,
что веселых глаз не отвести.
И молиться лучше, скинув кеды:
не алтарь, не капище — но дом,
где тебя взрастили для победы
и для рая страстного потом.
Я любил бы улочек Багдада
путаное, пряное руно —
или стал бы юнгой у Синдбада,
записавшись в первое кино.
В снах моих меня манила б Мекка,
и зрачок чернила бы во мне.
Я узрел бы звезды Улугбека
и хромого хана на коне.
И тебя, тебя бы вновь увидел
где-нибудь в Ширазе золотом —

смуглой кожи самый нежный выдел
пролистал соскучившимся ртом...
Яdom вязь арабская сочится
и священней жизни правый бой —
стяг зеленый, реющий как птица.
Верная погибель, но — с тобой!

ОРФЕЙ. ЭВРИДИКА. ГЕРМЕС

То были душ невиданные копи.
Серебряными жилами во тьме
они струились ввысь. Среди корней
творилась кровь и тоже поднималась
в мир — тяжела и, как порфир, багряна.
Всё остальное серым было —

лес
безжизненный, и пропасти, и скалы,
и тот огромный, но незрячий пруд,
что нависал над отдаленным дном,
как грозовое небо над долиной.
Лишь по лугам, само долготерпенье,
извилистою лентой отбеленной
была для них размотана тропа.

И этою стезею шли они.

И первым стройный муж в хламиде синей
шел, взглядываясь вдаль нетерпеливо.
Его шаги дорогу, не жуя,
проглатывали крупными ломтями;
а руки стыли в водопаде складок,
окаменев и позабыв о лире,
что, невесома, в левую вросла,
как в мертвый сук оливы стебель розы.

И чувства были в нем разобщены:
взгляд всякий раз стремглав до поворота
бросался псовом, чтоб там застыть и ждать —
или вернуться, алчно торопя
хозяина, и вновь бежать; а слух —
как нюх собачий — был нацелен вспять.
И изредка казалось, тех двоих,
сопутствующих в долгом восхожденье,
но отстающих, поступь различима —
и не своей стопы он слышит звук,
не шелестенье собственного платья.
Тогда он повторял: «Они идут!» —
и судорожно вслушивался в эхо.
Они и шли, те двое, но, увы,
смертельно тихо. И когда бы он
мог обернуться (если бы такая
оглядка не сулила разрушенья
всего, что созидалось), увидал —
да, оба, молча, следуют за ним:

бог-вестник, бог-посланец, в капюшоне
над светлыми прозрачными очами,
в сандалиях крылатых, с кадуцеем
в руке, к бедру прижатой, и, другою
его рукой ведомая, *она* —

любимая столь трепетно, что лира
всех плакальщиц земных перерыдала —
и от пролитых слез родился мир,
где были вновь и лог, и дол, и лес,
обжитый дичью, тучные поля
и реки; и над жалобной землей,
как и над прежней, то сияло солнце,
то синие сверкали небеса
слезами исказившихся созвездий, —
любимая столь сильно.

Но она,
чей шаг смирялся мерным шагом бога
и погребальной тесной пеленой,
шла отрешенно и неторопливо.
Ее не занимал ни человек,
идущий впереди, ни цель пути.
Она плыла, беременна собой;
она сама была бездонной смертью
своей, до полноты небытия
свою новизною наливаясь,
как плод бездумный — сладостью и цветом;
желать и знать не надлежало ей.

Она укрыта девственностью новой
была; смежилась женственность ее,
как лепестки цветка перед закатом;
и руки столь отвыкли от земных
касаний, что прикосновенье бога,
бесплотное, ей вольностью казалось
недопустимой, причиняя боль.

Она теперь не сладостной женой
была, певцом воспетой вдохновенно,
не островком дурманящим на ложе,
не радужным сокровищем его.

Она была распущена, как прядь,
и высушена почвой, точно ливень,
рассыпана, как сев, тысячекратно.

Была она лишь корнем.
И когда
остановился шедший с нею рядом
и скорбно произнес: «Он оглянулся», —
она спросила безразлично: «*Кто?*»

Вдали, в просвете ясном, силуэтом
темнел безвестный некто, чьи черты
здесь были незнакомы. Он смотрел
на то, как преисполненный печали
бог-вестник развернулся, дабы снова
сопровождать в ее движенье тень,
что по стезе, привычной ей, обратно
уже, безвольно и неторопливо,
шла в погребальной тесной пелене.

(Rainer Maria Rilke, 1904)

ДОЛИНА ЦАРЕЙ

ДОЛИНА ЦАРЕЙ

УШЕБТИ

Стихи мои, фигурки глиняные,
в ларе таймые от глаз
чужих! Зловредные эринии-
зоилы позабыли вас.
И только десяти читателям
(и с каждым годом ужे круг)
сундук, ничем не примечательный,
ваш виден: серп, тенета, лук...

Миролюбивые солдатики
(кто с топором, а кто с пилой)
из Нижней Мёзии, из Аттики,
из Тулы, скрытой вечной мглой, —
лишь вы на незакатных пажитях
трудиться будете — не я, —
мое единственное нажитое,
сухой остаток бытия.

* * *

В ларцы кедровые, как в кокон,
укрылось, куколко став
(лишь иглы угольных волокон
да кристаллический состав),
то, что дышало и стяжало
до опечатанных дверей;
и золотое прячет жало
во лбу сияющий урэй...

Открыт паноптикум музея —
и, любострастием горя,
толпятся зрители, глазея
на тело юного царя.
И я, развратный и презренный,
тесним горланящей толпой,
гляджу на этот облик тленный
и опозоренный покой.

И жду — расколются канопы,
и прянут лютые ветра,
и благодушные холопы
узнают гнев Небхепру-Ра:
вот он, Озирис Неизменный,
с бичом, змеящимся над ним,
ночная бабочка вселенной,
секирокрылый серафим!

* * *

Не важно — жива ли, мертва ли;
жив, умер — не всё ли равно:
те губы, что нас целовали
когда-то, истлели давно.

И всё то ночное горенье,
дневное смятенье — лишь прах,
хранящийся в стихотворенье,
как мумия — в прочных гробах.

Все трепеты наши — бумага,
бумага, слова и слова;
и этой рубашки имаго,
увы, не взметнет рукава.

Нам вечно не хватит смиренья
в матрешечной тьме разглядеть
просвет двуприродного зреня
и трансцендентальную твердь...

Читатель, о либер майн брудер,
бинты на виток отверни —
и щедро сверкнут изумруды
на смальте... но глубже — ни-ни!

Ведь маску не тот простофия,
что ею сокрыт, изваял,
а знавший завет Теофиля:
бессмертно не я — материヤл.

* * *

Живую дрожь вложи в слова,
но так, чтоб плотью не распалась,
чтоб вызывала дрожь и жалость,
переносимая едва —
как мумия Тутанхамона;
используй смолы и бинты —
для сохранения тщеты
тебе, художник, нет закона!

Ты — тлен под маской золотой
в тройной матрёшке саркофагов,
чей лик с твоим неодинаков
(вот смысл, до ужаса простой!);
и будет лучше, если страх,
скафандром скованный, не сможет
никто, покуда мир не дожит,
открыть в египетских горах.

НАЗИДАНИЕ

Ничего не жалей ради сказочных этих находок,
оначала незначащих — так, черепок, скарабей,
разгребая песок, как в песочнице, всем одногодок,
под ликующим солнцем, в Долине царей.

Не пройдет и пяти ослепительных лет — и ступени
поведут тебя вглубь; и песок, как в песочных часах,
потечет всё быстрей. Становись на колени —
и копай, находя статуэтки: вот — Атум, вот — Птах.

Наконец ты достигнешь заваленной мусором кладки.
Раздолби, трепеща от волненья, два-три кирпича —
и увидишь пространство, где вещи лежат в беспорядке
безначального мрака, впервые дождавшись луча.

Всё — тебе! Этот стульчик, и ларчик, и эта повозка,
и бесценная утварь, и эта ладья,
и вот эти игрушки из твердого воска...
Всё — твое!.. Да и эта канопа — твоя.

Но ты как бы не знаешь — и дел, поглядите, навалом:
нужно всё разглядеть, перетрогать, учесть, описать —
разобраться сперва с этим залом,
прежде чем на пороге второго тревожить печать.

А сокровища все настоящие — там, за стеною:
многоустые фрески, орущие в уши о Той
Пустоте, что тайма пока скорлупой ледяною
и фольгой золотой.

* * *

Теперь туристы вместо коз
бредут на вылущенный Форум,
где так и не собрался кворум
небес, хоть мрамором пророс.
Не ройся в том, что стало сором.
Не трожь того, что улеглось.

Хоть лицу Рима нелегко
под стовековым слоем грима,
не трожь коросты рококо —
проступит смерть необоримо.
Не козье, волчье молоко —
на языке у пилигрима.

И Диоскура Диоскур
давно не слышит из-за храпа
стальных коней. И мертв авгур.
И вряд ли белоснежный папа
так чист, где Гелиогабал
сирийских мальчиков долбал.*

И пусть завравшийся профан
в наивной тешится гордыне —
его не тронет мертвый Пан
Святой Марии в Космедине:
коль Bocca della Verità
пусты — и Истина пуста.

* * *

Как серб с хорватом говорим,
сойдясь на том, что все боснийцы —
скоты, мерзавцы и убийцы...
Вокруг — Урарту, Древний Рим.

Ничто не вечно под луной,
за исключеньем зла и злобы —
что, в общем, надо есть должно бы
уже давно коре земной.

(Сходи на выставку: вот тут
представлен найденный в суглинке
— не помню: янки или инки? —
для кожи содранной сосуд.)

И всё ж блажен, кто посетил
сей мир в любое, роковое,
мгновенье, видел мировое
соревнование Аттил!

Его, пускай — как снедь, на бал
кровавый свой призвали боги.
Спасибо им! Не будем строги,
ведь смертный — тоже каннибал.

Роятся ярые рои.
Гудят. Поди услыши другого!
В гуденье выродилось слово.
Гуди, терзайся и таи...

КОНЕЦ ИСТОРИИ

Перегрызal ли зуб больной
бульжник? Больше нет ни зуба,
ни камня. Общий выходной.

Не шах, а мат (и площадной!).
Прощай, История-голуба!

Прощай, зазноба! Твой озноб
мы знали. Будет всё теплее —
пока не вгонят гвозди в гроб
и Шар Земной не оклеет.
Прощай, Язон! Прощай, Эзоп!..

И лишь Синдбады на коврах
летят из Персии, немного
смущая нас, внушая страх, —
как искры, как легчайший прах
дотла сгорающего Бога.

ПАРОХОД

Огромный пароход уже наполнил дымом
угрюмый порт;
к каким-то Лиссабонам, Лимам
вот-вот он, отдуев, уйдет.

Уж в мятых канотье взираются по трапу
и в шляпках те,
кто, показав язык картузному сатрапу,
чуть что растают в пустоте.

Мне многие из них знакомы понаслышке —
всё высший свет;
и машет с крутизны приговоривший к вышке
себя завравшийся поэт.

Давай поторопись, всего одна минута —
и в путь, и в путь!
На этом корабле отыщется каюта
для нас уж как-нибудь.

И мимо островов Канарских и Азорских,
Бермуд, Багам
поедем, поплывем — не ради див заморских —
на пир, к богам.

Ни дар блистательный, ни честные старанья,
увы, плывущих не спасут —
нас небожители, как хищные пираньи,
сожрут, сожрут.

* * *

Дар божественный — лишь красота,
миловидность, пленительность лядвий;
и пока не оплачен — тщета,
непристойный соблазн ненаглядный.

Кто бы знал, как его оплатить,
чем вернуть это щедрое брашно?
Стоит жить? Или стоит не жить —
ослепительно, гнусно, бесстрашно

бросив жменю похмельной лузги
и легко расплевавшись со всеми?
Всё одно: не увидим ни зги,
Бог решит — шелуха или семя...

Что ж, лети! — всех на свете задев,
полыханьем посмертных скандалов
возбуждая стареющих дев
из московских журналов.

* * *

Трепетного, как ртуть,
чуждого мере, миру,
смастерившего лиру
Бога когда-нибудь

встречу: палящий лед
плоти не скрыть хламиде;
серные бездны видят
всё, что произойдет,
всё, что произошло
с нашей душою липкой;
над неживой улыбкой
кудри язвят чело.

Вот Он. И, ссы не ссы,
значит — наш час протикал:
чашечками testicул
дрогнут Его весы;
что там в другой — стилет,
стилос, привитый змею? —
как я взглянуть посмею
в синий подземный свет,
в лунный бездонный день,
где, безутешно воя,
точно в чаду запоя,
бродит родная тень?

НАРЦИСС

Над ручьем склонившись, глядит в ручей —
и речей его нет горчай.
Он кричит: «Шепни мне — ты чей, ты кто?»
Эхо дразнит: «Ничей, никто».
Не встречал он в мире прозрачней глаз,
губ желанней, кудрей черней.
Смерть придаст его стонам такой эмфаз,
что не выразить страсть верней.

Ниже, ниже к воде неживой клонись,
бедный мальчик, сжимая пах, —
там, в ручье, трепещет сам Дионис.
Трепещи! — это сам Иакх.

А с богами в гляделки нельзя играть
и хотеть их лютую плоть —
потому что вправе с тебя содрать
отраженье свое Господь.

СТЕФАН ГЕОРГЕ

Дом в итальянском стиле. Побрякушки
его военнослужащих мальчишек.
Зеркальный Неккар — выгляни в окно.
Стихи не стоят ломаной полушки:
патетики и патоки излишek,
германский сумрак («вяло и темно»).

Ну, что-то там о греческих танцорах,
венецианских, что ли, карнавалах,
о белокурых бестиях. Талант,
пожалуй, был. Но декадентский порох
давным-давно заплесневел в анналах.
Снимался только в профиль: новый Дант.

Такая смесь Д'Аннунцио с Бальмонтом.
Казался то Вотаном, то инфантом.
К чему о нем я? — блеск его померк,
хотя с большим преподносился понтом.
В Муральто умер жалким эмигрантом...
Зеркальный Неккар, мирный Гейдельберг.

* * *

Тем — клониться к смерти, налегая
В темноте на тягостные весла,
Этим — жить под мачтой, у кормила,
Ведать птиц пути, черты созвездий.

Тем — весь век стечь в изнеможенье
У корней непросветленной жизни,
Этим — уготованы сосуды
Близ цариц-сивилл, провидиц-пифий,
И они там возлежат как дома,
С легким сердцем, с праздными руками.

Всё же темных тех существований
Тень на эти, светлые, ложится;
Легкий мир с тяжелым миром связан
Крепче, чем с землей и небесами.

Оттого не в силах с век стряхнуть я
Всех народов канувших усталость,
Дальних звезд безропотную гибель
От души испуганной упрятать.

Столько чуждых участей мою
В бытии изменчивом играют,
Что она едва ли только тонкий
Пламень или трепетная лира.

(*Hugo von Hofmannsthal, 1895-1896*)

ЙЕНА

«Йена — в прелестной долине Заале», —
мать написала изящной рукой
на обороте открытки, в курзале
купленной (лето, курортный покой);
как же давно растворилось всё это —
пальцы, перо, — утекло как вода, —
годы мечтаний, годы расцвета;
только слова эти здесь навсегда.

Нехороша, неказиста картинка —
больше старания, чем мастерства;
в скверной бумаге змеится ворсинка,
зелено небо, лилова трава;
но от домишек над речкою дивной
веяло негой живой и теплом —
кто бы смутился тут кистью наивной
и копииста смешным ремеслом.

Тайный призыв ли — как будто за нитку
дернули свыше, блаженство ли, блажь?.. —
мать попросила в курзале открытку,
так умилил ее здешний пейзаж;
и, повторяю, исчезло всё это, —
что и с тобой приключится, поверь,
в годы мечтаний и годы расцвета
видящим город в долине теперь.

(Gottfried Benn, 1926)

БЕРЛИН

Если парки, если скверы,
степью попранные, серы,
арки пущены в распыл,
замки веют пустотою
и под вражеской пятою —
прах отеческих могил,

то в одном не усомниться:
это место, словно львица,
возлежит — пускай в персти,
пусть в пустыне, но — в гордыне,
и любой его руине
голос Запада нести.

(Gottfried Benn, 1948)

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

Лев с ягненком и слон с бегемотом,
павианы, лемуры, жираф,
гиппогрифы к раскрытым воротам
мчатся скопом, лишенные прав.

И архангел, нагайкой свистая,
всех бегущих лисиц и куниц
гонит прочь из отверзтого рая,
исхлестав перепуганных птиц.

Аки помокру — рыбы на брюхе.
Всякой твари по паре живой.
И стрекозы, и осы, и мухи —
до последней бациллы чумной.

Тлеть и в муках рожать до скончанья!
И не нам, виноватым, а им,
не вкусившим от древа познанья,
путь назад заказал Элогим.

* * *

Дождь над речкой — как счастье из лейки,
из жалейки, как Божья роса,
как спасенье... И мнится уклейке,
что открыты пути в небеса.

Нужно лишь постараться — и к раю-
морю двинуть по зыбкой струне...
(Я не знаю, зачем собираю
эти доводы, что́ они мне?)

А закончится ливень потопом
мировым — лишь махнуть плавником:

поделом этим тонущим скопом,
и не стоит жалеть ни о ком.

ПОТОП

И самого с женой, и с женами сынов
(и не забыть бы Ханаана!),
и всякой парной живности земной,
и птиц, и гадов (как ни странно,
про рыб не сказано) — и, нов,
отверзся мир из вод, очищенный от скверны,
и всё цветет,
и семицветной радугой свод
небес украшен беспримерной.
И Ной, не просыхая, пьет.

* * *

Памяти Е. А. Шварц

Старый и пьяный голландец в рубашке,
мятой и потной, известный поэт,
всё убеждал нас: не ждите поблажки —
Бога нигде, даже в бабочке, нет;
даже в листке, лепестке и букашке
(дескать, искал сам — и вот не нашел)
нет Его, нет, — и енейвер из фляжки
лил, кулаком ударяя о стол.

Вы не поверите!.. В жеваной, липкой,
выбившейся неопрятно из брюк,
с полугримасою-полуулыбкой,
не выпуская жестянки из рук,
всё призывал расkvитаться с ошибкой
вечной, — и булькала глотка, как люк —
после тех ливней, прозеванных рыбкой...
Если б я понял тогда этот звук!

…Пить беспросветно в стране беспробудной,
что порученье исполнивший Ной,
глаз увлажняя трепещущей, чудной
радугой — зыбкой надеждой земной...
Как на платке — не забыть уговора,
в небе пустом завязал узелок —
наша единственнейшая опора —
несуществующий видимо Бог.

* * *

И. М. Михайловой

Промокнув, в баре у канала
пить пиво, примостясь в толпе
орущих, словно не хватало
всю жизнь вот этого тебе:
сидеть за пазухой у Ноя,
курить, и пить, и слушать гам,
и видеть сквозь стекло хмельное
тритоном всплыvший Амстердам...

Допить, и выйти, и вернуться
в ковчег, не обретя земли:
из бездн небесных хляби льются,
плывут — дома ли, корабли?..
И снова самым черным пивом
глушить неброскую тоску.
И снова выглядеть счастливым —
как и пристало голубку.

* * *

Григорию Кружкову

Мы гуляли по Дельфту, вернее — по раю,
словно в сказочный холст проскользнув невзначай.

Рай не в центре, где храм, — на окраинах, с краю:
там кувшинки плывут и цветет молочай.

Там семейства из одноэтажных домишек,
не смущаясь, выносят на улицу быт...
Ах, когда ж и отчизна Алешек и Гришек
обретет наконец человеческий вид?

И не в сыгости дело, а в школьной задачке:
в том, чтоб холить большого и малого связь —
и, властителя чтя, не забыть о собачке,
что у ног его символом спит, примостясь...

Невесомых каналов развернутый веер
и фасады старинных нечитанных книг...
Оттого так и скуп на холстину Верmeer,
что бесценен юдоли любой золотник.

Миллион, миллион желторотых кувшинок,
та девица с письмом, работяги в окне,
мальчик с кошкой... Какую из этих картинок
я хотел бы увидеть в кладбищенском сне?..

Странно знать, что эдем этот так недалёко:
три часа самолетом — и вот он, легко!
Точно нам облаками очистили око —
и опять из кувшина течет молоко.

ХУДОЖНИК

Арону Зинштейну

Скажет: «Козочка», — вынув из мрака
новый лист, им доволен вполне...
Боже мой, не гуашь, не бумага,
не дворовый колодец в окне —

а эдем незакатной субботы,
та без меры, без краю весна,
где отложено бремя работы
и созданьям дают имена...
Не печалься, гляди веселее:
надо думать, небесный Творец
и мудрее еще, и щедрее,
и добнее земных, наконец.

* * *

Была у меня вещица —
подарок от Друга, да.
Я думал, ей не разбиться,
сияющей, никогда.

Круглее луны, чернее
 полночной Невы была.
Парила игла над нею,
и музыка в ней жила.

Качалась вином в бокале
и лодочкой на волне.
В такие манила дали,
что дух замирал во мне.

Кружилась, звала и пела —
и всё о любви, любви:
печали — не наше дело,
дыши и люби, живи!

Сначала неторопливо,
а после быстрой, быстрой
к причалу волной прилива
вела от глубин морей...

И надо ж! — еще кружится,
как прежде, цела на вид, —
да вот не поет вешица,
а только шуршит, шуршит...

4 ДЕКАБРЯ 1909

Когда тростинка легкая умрет
и станет в лес огромного органа,
благословенной медью запоет
ее сквозная мыслящая рана.
И сберегут ларцы бесценных книг
все те лучи, что здесь зеницу грели...
Всё так, всё так! Перелистай дневник
певца живой, разбившей лед форели.

«Мне не хотелось в Царское — такой
дождливый день. Сбежав, перекусили
на станции. С гимназией мужской
шли. Веселились даже и шутили.
Макс затесался в женскую. А граф
всё приставал — стесненья никакого!»
...О вянущем венке, о смене трав
над капищем волненья — ни пол слова.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Теперь всё ухожено здесь, на могиле,
но дату рождения исправить забыли,
стесать неуместное слово «поэт».
Цветов и венков, как и не было, нет.

Присадим у бабушки купленный кустик —
обсевочек желтый, ужастик-прокрустик,
возможно, до завтра нам сданный внаем, —
и горькой в железные стопки нальем...

Сюда б гимназистам зайти после школы!
Увы, в головах их — иные глаголы:
не вьется живящим побегом твой стих
в учебниках, как и при «Софье», скупых.

Зато так щедра и внимательна Дама —
всех-всех привечает она, от Адама
и Евы. Приветит когда-то и нас,
и тех, кто впервые отправился в класс.

* * *

C. A. Лурье

Жил на свете небогатый
русский барин молодой
под летящей белой ватой
и Полярною звездой.

Невысокий, смуглолицый,
резв и волосом черняв,
жил себе, певца Фелицы
лиру звучную приняв.

Путал Геную с Женевой,
дальше Риги не бывал
и с самой Марией Девой,
греховодник, флиртовал.

И сочувствовал он смутам
европейским, нечем крыть.
И прославивший алеутом
всё хотел его убить.

И в конце концов от пули
некорошней умер он —
так, что щеки враз надули
Царь, и Церковь, и Закон.

А потом попы-писаки,
сопричастные Столпам,
порешили — быть во мраке
стервецу, служить чертям:

*он-де Богу не молился,
он не ведал-де поста,
не путем-де волочился
он за Матушкой Христа.*

*Но Пречистая, конечно,
заступилась за него
и впустила в Царство Вечно
златоуста своего.*

ЧИТАЮЩИЙ

Читал с полудня, долго: как назло,
тогда стекло дождем заволокло.
Но я не слышал ливня за окном,
уткнувшись в том.
Его листы разыгрывали в лицах
задумчивости прописи — и вот
уже казалось: время не течет,
а чтенью не дано остановиться...
Внезапно там, где слов царил разброд,
стоит: *Закат! Закат!* — во всю страницу.

Не разглядеть в подробностях, но строки,
подобно ниткам с бусинами, рвутся —
и буквы прочь, куда хотят, несутся;
сады мокры и глянцевы, как блюдца,
и распростерт над ними небосвод;
и солнце медлит в темень окунуться.

Но вот теперь, похоже, ночь вокруг:
соединенье, сосредоточенье,
схожденье — точно в тайное ученье,
в котором всем откроется значенье
любую малость слышать, всякий звук.

И если мир сейчас окинуть взглядом,
подняв глаза от книги, — вот он весь:
то, что внутри меня, и то, что рядом,
не делится теперь на «там» и «здесь»,
и я — одно с задворками и садом, —
и зренье так предметам потакает,
всей простоте безмерной за окном,
где Шар Земли себя перерастает
и небеса собою облекает,
что ближняя звезда — как дальний дом.

(Rainer Maria Rilke, 1901)

КАНАЛ

1

Есть городок Любим. Когда-то
и мне значок с его гербом
подарен был. Не виновата
жизнь, прошумевшая потом.

Смотри дареной львице в зубы
иль нет — покажет их сама.
А всё ж пока не сшили шубы
из нас, мы не сошли с ума.

И смысл понятен, хоть печален:
пускай нет выхода теперь,
но в рай из тех бесстыжих спален
когда-то отворялась дверь.

2

Мы выходили на канал
дневной из дома. И не знал
нелюбопытный зимний встречный,
что было с нами час назад:
танжерский жар и райский сад,
кисельный берег речки млечной.

В перчатке кожаной ладонь
еще хранила тот огонь —
ожог, разгоряченной кожей
ей причиненный, пыл Начал;
но ничего не замечал
спешащий по снегу прохожий...

Вот так и с Тем, о Ком в таком
контексте думать — грех, о Ком
и вспоминаешь только в этом
контексте (есть Он, а поди
найди!), и видишь: Он в груди
твоей горит нездешним светом.

3

Я уходил, когда светало,
и шел над сонною водой
двух рек и голого канала,
где таял месяц молодой
и желтизна плыла устало.

Туман был влажен. И горька
была в руке бутылка с пивом
из освещенного ларька
с ночным чучмеком сиротливым.
И жизнь, как смерть, была легка...

И если скажут: «Выбирай —
те ночи или Божий рай?» —
в немом отчаянье заплачу.
Да и не скажут никогда.
Ничто. И черная вода.
И ад пылающий — в придачу.

* * *

Весь Нью-Йорк, скользящий осьминогом
в щупальцах туннелей и мостов,
Лондон, Рим — весь мир, едомый оком,
за единый миг отдать готов
тех касаний, кратких и незрячих,
и невозвратимых, — всех Мане,
дюжину Вермееров горячих,
плавящихся в этом же огне. —

Потому, что жемчуг умирает,
и мутнеет дряхлое стекло,
и влюбленность ветреная тает,
лишь любовь стенаст тяжело
пассажиркой, запертой в каюте
сердца, уходящего на дно,
зная: мир в его утробной сути —
только там, где тесно и темно.

* * *

В саду эдемском, не в горниле адском,
от боголюбованья не дыша,
над словарем египетско-аккадским
склонись, забыв о времени, душа!
Склонись, забыв о бремени. А рядом —
ее душа, с невидимым шитьем.
И щебетанье ангелов — над садом...
Вот только так! Иначе — не умрем.

Вот только так!.. А что *на самом деле*
случится с каждым, знает и дурак.
Но для того ли рылись в нонпарели,
пока рассвету не сдавался мрак?..
Он и не сдался видимости лгущей,
всё затопившей, исчезая в ней.
Раскрой кингстоны в смерть, как «Стерегущий», —
и одолей, вобрав ее полней.

* * *

Придут — и скажут с умилением:
«Возьми, Овидий, этих рыб.
Сродни твоим стихотвореньям
краса их благородных глыб:
как строки дивные — упруги,
и серебро их тяжело.
Мы их добыли среди выюги,
разбив морозное стекло».

И рослый мальчик краснорожий
украдкой глянет из-за спин
дядьев, укутанных рогожей,
что б ты поверил: мир един.
...Мечты! Нет ни метемпсихоза,
ни воздаянья — видит Бог, —
ни слез, ни рыбного обоза,
ни рослых мальчиков, ни строк.

* * *

Тебя, обладавшего силой
волшебных речений, пророк,
ночной серафим шестикрылый
на темном пути подстерег.

Ухватки — развязны и грубы,
и злобен заоблачный лик.
Он смотрит насмешливо в зубы:
показывай, дескать, язык!..

Скажи ему: «Ангел небесный,
не тронь моего языка —
доднесь его сладостной песней
смирялась людская тоска.

Ему покорялись народы,
пред ним расступались не раз
морские кипучие воды,
и скалы пускалися в пляс,

иного призванья не чая,
и Божий им тешился слух!..» —
всё громче кричи — замечая,
что вестник-то попросту глух.

...Не будет пчелиного гуда,
слетавшего в сердце с листа,
кишащего буквами, — чуда, —
одна немота, немота.

* * *

Денису Датешидзе

И ответил стенаньям Иова
грозный Голос: «А ты погляди
на сверкание мира живого —
не на то, что скребется в груди.

На койота, кита, бегемота,
на небес и морей серебро.
По плечу ли такая работа
вам, болтавшим про зло и добро?!

Нет, не праведник прав, а даритель.
Дивно то, что вовне, не внутри.
И, потребный Творению зритель,
смертный трепет отринув, смотри

на несметных созвездий пыланье,
посылающих в сумрак лучи...
Ты всего лишь хотел воздаянья?
Нá, несчастный, вдвойне получи!

Иль минутного жалко приплода
и летящего в бездну зерна
Самодержцу бездонного свода,
створившему все времена?»

* * *

Бог знает кого выбирая,
как дудку из глины, поет
напевы нездешнего края —
и дудку, не думая, бьет
(а глина-то эта живая!)
и новую в пальцы берет.

И что ей за дело, безвинной...
Но пусть этот выдох и «ах»
короче струны комариной
на тех запредельных пирах —
хоть миг бы звучать окариной
в прекрасных и чистых устах!

* * *

В испанском чем-то вся. И, вдохновясь порывно,
садилась за перо, не знающее клякс.
(Да не было пера!) И: «Дивно! Дивно! Дивно!» —
Маковский воскликнул. И ухмылялся Макс...

Когда ни погляди — одно и то же в мире:
коверные Бим-Бом средь суэты сует
картонные легко подкидывают гири —
и изумляют белый свет.

Но ты, моя душа, ты, душечка, такою
игрою не прельстись — к чему тебе игра?
Я помню, что тобой нашептано, рукою
записано — и чьей! — вчера, позавчера.

* * *

Очень странный театр, где ни зала
нет, ни сцены, ни лож, ни кулис, —
где ты зрителем был, где дерзала
жизнь твоя как одна из актрис.

Может быть, для тебя одного и
зведен он, а выключат свет —
всех частиц расплетутся завои,
и сойдет он тем самым на нет.

Не жалей и не бойся: не будет
ничего без тебя всё равно —
даже Герцена бунт не разбудит,
даже Петр не прорубит окно...

Только лучше — жалеть, и бояться,
и надеяться, что и тогда
будут звезды из тьмы улыбаться —
и ты вспомнишь меня иногда.

* * *

E. V. Невзглядовой

То глаз янтарный тигра, то цветное
 пятно Миро... О чём, слепец, ты! Здесь —
 всё царство Веронезе неземное,
 вся роскошь Тициана, Рембрандт весь.

Все опахала Бирмы и Китая,
 всё оперенье рая. И уму
 непостижимо: для чего такая
 цветущая бессмыслица Ему?

И разве Он, бедняк из Назарета,
 почти дальтоник, знавший десять слов, —
 дитя Творца безудержного цвета,
 раскрасившего тысячи основ?

Сомнительно. Но ты, плененный миром,
 не видящий за бабочкою край
 потусторонний, не мори эфиром
 волшебную, иглой не протыкай!

* * *

A. Ю. Арьеву

«В пернатом каком-нибудь шлеме»
 до сказочных Индий дойти,
 властителем стать надо всеми,
 кто в дикости жил на пути,
 и в Индии див и загадок
 горячкой гнилой заболеть,
 и — век небожителя краток —
 совсем молодым умереть.

Достойная в целом картина.
Не то — европеец блажной,
смущающий взор Константина
Леонтьева шляпой смешной,
дурацкой жилеткой и тростью,
забывший и трепет и страх...
С обидою детской и злостью
про шлем этот сказано, ах!

И прав, разумеется, злюка,
с какой стороны ни возьми:
для Шара Земного разлука
с войною и значит — с людьми.
И на европейских аренах
еще мы увидим размах
героев — в каких-нибудь шлемах,
в каких-нибудь пестрых чалмах.

* * *

Aх, не то, что в юности мечталось! —
жизнь прожил, как поле перешел;
триколор всё больше клонит в алость;
и всего существенней подзол.

Только кровь. А бело-голубого —
так, лишь два запомненных глотка.
Только почва. Если бы не слово,
жизнь моя была бы несладка.

Выходил один я на дорогу —
всё прошло, как с белых яблонь дым...
Привыкай, давай-ка, понемногу
к пустоте, в которую летим.

БАТУМ

Пароход нам задумчиво скажет: «Бату-у-ум!»
Мне помимо природных красот
в городке этом нравится вкрадчивый шум —
он лудит, точит ножницы, шьет.

Всё распахнуто настежь: отпарить, и сшить
(я таких не видал утюгов!),
и в джезвойке турецкого кофе сварить,
и побрить... Разве рай не таков?

Он таков! А иначе что проку в раю
для поэта, для часовщика?
Дай и там мне, Начальник, работу мою —
ту, к которой привычна рука.

Пусть сапожник тачает и впредь сапоги,
а не рыщет, как тать, по Кремлю.
Все кровавые распри изжить помоги.
И счастливой волны — кораблю.

...Жаль, что в мире реальном Твоем всё не так,
как на этом минутном лубке:
и спалят ни за грош, и взорвут за пятак,
и потонет корабль вдалеке.

* * *

Поначалу охватывал ужас —
иногда, лет с пяти, перед сном:
упершись, головой поднатужась...
нет, не сладит никто с этим дном!

Ведь не сладил никто. И не слажу
я. Не сладит никто никогда.

Боже, кто эту выложил ложу? —
навсегда, безвозвратно. Беда!..

Но с годами и страхи — тупее,
да и как воспрепятствуешь Ей? —
хоть романы- пиши эпопеи,
хоть беги из Поляны своей.

НА МОТИВ ГОТФРИДА БЕННА

Один есть сад — над Западной Двиною,
он спит во мне, он снится мне во сне,
он — как душа, он навсегда со мною,
он дышит мной, он шелестит во мне.

И там есть мост, и омут, полный ила,
беседка, холм — там в детстве я играл, —
и в зарослях забытая могила:
всё, что имел я, всё, что потерял.

И на гробнице готика слепая
одним реченьем потрясала там,
в благоуханье райском утопая,
таясь в листве: «du weißt» — «узнаешь сам».

* * *

A. C. Кушнеру

Всё, конечно, на свете конечно —
даже долгое это служенье,
рокотавшее звучно и млечно, —
это тысячелетнее жженье,
это пенье хорея и ямба:
всё сотрется, как та пирамида;
разобьется волшебная лампа,
где пылали любовь и обида.

Всё пожрется безмерной пустыней
равнодушной, бестрепетной прозы
(голос ос, миражи без глициний,
воск без меда и слезы без грязы)...
Но, быть может, о древнем вздыхая,
из немоты, что нет безответней,
кто-то вскрикнет: «О, матерь Ахайя,
пробудись — я твой лучник последний!»

РОЖДЕСТВЕНО

Как у дочери мельника в нежном Межно,
в летнем ельнике страшно, темно и грешно;
и у щели нет выхода, кроме как входа;
а пещеристый берег горяч и высок;
и сквозь иглы слепит воспаленный песок;
и извилиста Оредежь женского рода...

Как бы всё это не довело до беды!
Впору выпить, козленок, студеной воды
из копытца, набитого тут родниковой
нескончаемой струйкой, — и снова вернуть
человеческий облик. И двинуться в путь
к идиллическим пастбищам Англии Новой.

2 ИЮЛЯ 1977

...«стихи, полевые цветы и иностранные деньги»...

Ultima Thule

В тот день, когда он умер, двадцать два
мне стукнуло. И мы, конечно, пили
вино — друзья, подружки. И едва
ли тени смерти праздник омрачили:
увы, природа наша такова.

Он умер там. Но мы-то были здесь.
И место называлось Ленинградом —
и «вражий голос» заглушенный весть
его садам и кованым оградам,
его дворцам еще не мог донести.

Ни бабочки, увы, ни мотылька
не занесло в распахнутые окна
в значении загробного «пока!».
И белой ночью нам не пела Прокна,
из страшного явившись далека.

Еще его мы даже не прочли
(читатель был ленив и молоденек)...
Вообрази убожество земли,
где нет в помине иностранных денег
и полевые лютики в пыли!..

Зато стихи здесь дивно хороши,
тем скрашивая утлыепейзажи, —
прибежища прижизненной души,
а может быть, Бог весть, бессмертной даже.
Унынье — грех, так лучше не греши!

...Чем кончится?.. Окурки и цветы,
бутылки опустевшие и склянки...
Но это — до. Потом увидишь ты
всю лицевую сторону изнанки —
блаженство вечно юной наготы.

* * *

Из мраморной глыбы огромной,
из небытия — как велел

ваятель, могучий и темный, —
мы вырубим несколько тел.

Сначала — мальчишку Давида:
он весь — как бросок, как праща;
но это лишь миг — и обида
всё ищет его, трепеща.

Потом — Моисея с рогами;
но где эта зрелая мощь? —
весь мир перемерив шагами,
не сыщешь ее, не найдешь.

И только тогда понимаешь
непреодолимость тщеты —
и тоже, как все, умираешь
для вечно скорбящей Пьеты.

* * *

«И сей лекиф аттический со мною —
на белом фоне Прозерпинин миф,
весь путь теней над Стиковой волною —
оставьте, веткой мирта осенив.

И посадите кипарис у двери,
где прежде роз живой огонь не гас,
тимьяном только белым в знак потери
украшенной теперь в последний раз.

Огонь и пепел. Тризна. Без отрады
потом барвинок герму обовьет,
и плач цевницы огласит Циклады,
но вряд ли он в мой скорбный край дойдет».

(Gottfried Benn, 1945)

* * *

У мертвых нет ни зависти, ни фобий,
ни детских страхов, — потому они
способны различить из-под надгробий
еще не очевидные огни —
расслышать то, чего не слышат эти
«пять-шесть» живых, зачуханных своей
звучашей жизнью на чужой планете; —
и, значит, те, кто умерли, — живей.

Их, кстати, больше во сто крат: органу
подобен их ветвящийся раструб.
Перебирать регистры не устану
их напряженно слушающих губ,
молчащих неумолчно в мраке ночи
обетованной. В мире нет пути
созвучья и Распятия короче.
И им, хоть плачь, тебе дано идти.

ПАСТЕРНАК СМОТРИТ НА КРЕМАЦИЮ МАЯКОВСКОГО

Что сталевар, сквозь слюдяное
окошко, с искоркой в глазу,
глядеть на всплески злого зноя
(как в летний день — на стрекозу),
слезу всамделишно роняя
от жара, бьющего в зрачки, —
что ждет бессмертье, твердо зная,
за адом огненной реки.

Ведь молибдена и вольфрама
добавит Сталин в эту сталь.
Жить нужно яростно и прямо
и слепо вглядываясь вдаль.

Еще сыграют марш солдаты.
И в белом венчике из роз —
в непоправимый час расплаты —
причалит к берегу Христос.

* * *

... Никому, написано, не сказали.
Александр Леонтьев. (Мар. 16, 1—8)

Воскрес ли, не воскрес — на совести
Его апостолов осталось.
Но нет на свете лучшей повести,
рождающей любовь и жалость.

Да, новизна неимоверная
обычно людям не по нраву:
за Зевса приняли и Ермия
критяне Павла и Варнаву; —

а Он из-под венца тернового
сулил им верную дорогу
к всепостиженью слова нового —
«Любовь»... Умнели понемногу.

И ты когда-нибудь, орающий, —
поняв, всё — прах, что жнешь и сеешь
в безлюбой, вечноумирающей
Природе, — тоже поумнеешь.

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

Он шел, неотличимый от олив,
листвою серой никнувших на склоне,

весь запыленный, в гору, уронив
лицо в испепеленные ладони.

Всё кончено. И всё предрешено.
Иду, как должно, но уже вслепую —
тверя «Ты есть», хотя во мне темно
и о Тебе всё горше я взыскую,

не отыскав. Ни в зарослях маслин.
Ни в сердце. Ни в сердцах. Ни в толще глин.
Не отыскав Тебя. Иду один.

Совсем один, с горой людских обид.
Я совладал бы с нею, если б слит
с Тобою был, — но я забыт, забыт...

«Спустился ангел...» — сказка сочинит...

Aх, кабы ангел! Опустилась ночь —
и равнодушно кронами дышала.
Ученики уснули где попало.
Ах, кабы ангел! Опустилась ночь.

И эту ночь не отмечали знаки —
как еженощно, как вчера.
Лежали камни. Замерли собаки.
Всё в беспробудном, беспросветном мраке,
чего-то ждущем, спало до утра.

Нет, ангел к робко шевелящим ртами
не сходит, ночь не станет дня белей
для них. И те, кто медлят у дверей,
навеки будут прокляты отцами
и вырваны из чрев у матерей.

(Rainer Maria Rilke, 1906)

* * *

За нумизматикой

Задорого купил монету.
на ней — орел и лик царя.
Особенного смысла нету
в монете, честно говоря.

Царя, как всякого, убили,
орла стесали, где смогли...
Чтоб остается, кроме пыли,
от нас на плоскости земли?..

Орел двуглавый, одноглавый,
да хоть трехглавый, хоть дракон, —
и тот неумолимой лавой
слепого времени сметен.

* * *

Возьми в советчики кота и петуха,
а критику забудь — она всегда глуха,
тупа, бессмысленна, глупа, подслеповата, —
в коте иль петухе ищи себе собрата, —

так учит нас поэт, которому нельзя
не верить — в полумрак сошла его стезя:
лишь гений возмужал, как публика остыла...
Коту и петуху читай стихи, чудила!

ОБМЕН

ЧУЖЕСТРАНЦУ

Хансу Боланду

Как с холста небесный взглянул Меняла —
так вино и стало виной:
чем заплатим мы за дугу канала,
за свеченье ночи хмельной?
За пустую римскую прю о Сыне?
За дородно-зримый, к стыду,
шорох речи?.. Чую, влекут к осине
поцелуй в темном саду...

Но зачем Ты в наше сошел болото,
где любой собою лишь пьян,
где терпима разве что позолота
(жаль, не мальчик я Иоанн!),
где сребрянки звяканье райских арий
обрывает тщетную нить?..
Укажи-ка, Господи, на денарий,
чтоб я понял: нечем платить.

КНИГОЛЮБУ

Григорию Амелину

Там, наверху, где кончаются кроны, —
как лицемерье листвы, травести
хвои, внутри глинобитной короны
заросли книг начинают цвести.
И хлорофилл целлюлозных волокон
око слепит миллионами ватт,
а заливающий череп из окон
свет — основательно подслеповат...

Не потому ли так сладок и хмелен
мир, что обману подобен обмен:
снежной сиренью намелен Емелин
летней зимы тополиный дольмен?
Метафорический, взятый незнамо
где алкоголь!.. Но придонней травы
помесь Ивановской башни с «Динамо»
в семиотической яшме Москвы.

АДРЕСАТУ В ПРОВИНЦИИ

Кириллу Кобрину

Ремешок моста, словно из секс-шопа
взятый, съехал на островок небритый...
Так и хочешь щелкнуть курбетом — «оппа!
аппа!» — Волге, стыдно с Окою слитой.

Заводские трубы, что взвод служилых,
на музейных ню розовато-сонных
распустивший нюни, с Надымом в жилах,
распирают синьку небес кальсонных...

Нежный Нижний! Да: тем нежней, чем ниже.
Русский Лесбос, юз цветовода злого...
Но не так ли кожу чужую лижет
наш язык, как нежит и нижет слово?

Так... Скользи ж в межсапфие тихим сапом —
сиротой казанскою хлюпай, чтобы
бэби обе жадным достались лапам —
весь соблазн, и Азии и Европы!

И скажи кириллицей напоследок:
«От Амура хмурого до Онеги
я, имевший лексику так и эдак,
монумент чудовищнейший ехеги».

ФИЛОЛОГИИ

Пускай начетчица распишет
все переклички наших строк —
ей будет всё же невдомек,
зачем узор роскошный вышит.
Услышит только тот, кто слышит:
там, в тонких путах, дышит Рок —
и рапа слабый фитилек
хмельным дыханием колышет.

ПОЭТУ

E. B. Рейну

Не Зевс, а рой ворон клевать больную печень
на огонек твой прилетит.
Сюжет изведен:
о высших доблестях заботится петит —

жужжа, зудя, шипя, захлебываясь в гуле
(блин, лебединый стан!)...

А мудрый Карамзин уже давно в Стамбуле,
и с ним беседует султан.

СОБРАТУ

Алексею Машевскому

Тобою вбитый крюк, бывало,
спасал над пропастью меня.
И Муза с нами ночевала
(пусть это — байка и фигня!).

Бог весть, зачем мы лезли в гору —
задор, ребяческая блажь?
Но наконец открылся взору
пейзаж невиданных пропаж.

Такая Шамбала, Гондвана,
Эдем, сплошное Фонтенбло...
Ан от виденья, как ни странно,
на льдистой выси не тепло.

...Но я — про крюк. Тут вот что важно:
как, например, вернуть заем,
так, скажем, более отважно —
вбить крюк, не вешаясь на нем.

Оставить алчущим соблазна
лишь след — смелей, как ни верти,
чем стыть скелетом безобразным
к алмазам страшным на пути.

ЛИРНИКУ

Александру Леонтьеву

Застя дурманом сознанье и дымом
чужеязычия выстелив слух,
только и можно представить любимым
и дружелюбным мірок оплеух —
сумрак *тосканский*, обид *тростиарий*,
от часу к часу чернеющий свет...

Сердце, тебя ль несводящихся арий
убережет леденящий дуэт?
Чем черноморским качаниям хора,
пеннорожденьям порожних Камен
можем ответить мы, кроме укора,
неравноценный лаская обмен?

КИФАРЕДУ

Алексею Кирдянову

Тираноубийцы, в Эвклидовой клети
мы глаз оторвать от червивой земли
в саду не могли... Параллельные эти
скрещались, зрачки опаляя, вдали...

Когда бы, слепец, геометрии глупой
поверил, на злости и доблести ось
Тоску нанизал я... но, слитые лупой,
лучи прожигали бумагу насквозь.

Пусть зависть тому остается на долю,
кто держится маленькой правды дневной —
маршрута зерна — и ласкает неволю.
А мы погуляем по Волкову полю —
в обнимку, строфой неделимой одной.

P. S.

В каком-нибудь мае, июле
очнуться от шумного дня —
чтоб ангелы снова дохнули
ночной немотой на меня, —
в каком-нибудь марте, апреле —
не здесь и не в райской глупши, —
а так, чтобы звезды горели
в полуденном небе души!

В каком-нибудь августе, мае
среди неживой суеты
три дня проблуждать, понимая,
что есть в мирозданье лишь *Ты*, —
и, встав на четвертый из тленя,
шептать воскрешенной любви:
«Живи же! *Ты* благословенна!
Ты благословенна! Живи!»

ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ

Wir kennen nicht sein unerhörtes Haupt,
darin die Augenäpfel reifen. Aber
sein Torso glüht noch wie ein Kandelaber,
in dem sein Schauen, nur zurückgeschraubt,

sich hält und glänzt. Sonst könnte nicht der Bug
der Brust dich blenden, und im leisen Drehen
der Lenden könnte nicht ein Lächeln gehen
zu jener Mitte, die die Zeugung trug.

Rainer Maria Rilke. Arhaïscher Torso Apollos, 1908

(Нам головы не суждено узреть,
где яблоки глазные зрели. Всё же
сияет торс светильником — и кожи
зрачок еще не перестал гореть

тебе из тьмы. Не то бы не слепил
изгиб ребра и в бедер развороте
не чудилась улыбка, в центре плоти
не ощущался созиданья пыл.

Райнер Мария Рильке. Архаический торс Аполлона)

ПАРАЛИПОМЕНОН

* * *

...Мучиться мыслями о каких-то людях,
Умерших очень молодыми...

Борис Смоленский (1921—1941)

«За лесом пик и копий куда как смерть красна.
В расколотой Европе — прекрасная весна.
Мечтательный германец, фуражка набекрень, —
о, как его дурманит французская сирень!

Он видит с Монпарнаса коросту рыжих крыш,
лиловую террасу и розовый Париж.
Как неуместны эти цветущие тона,
когда на белом свете огромная война

и будущее ими оплачено уже —
такими молодыми, что холодно душе», —
так я писал когда-то, в смешные двадцать лет...
Но канул без возврата и этот вешний цвет.

ЛИТЕРАТОРСКИЕ МОСТКИ

Не музей ли здесь для ротозея?
Балерина мраморно гола.

Ходят посетители, глазея
на кусок зеленого стекла.

Вечный сон танцующей элиты
зрительский наяривает суд —
и надгробья, как карнатиды,
мнимое бессмертие несут.

Яхонтов собранье и брильянтов!
Лира, а не крест или звезда...
Как-никак привал комедиантов —
на пути из грезы в никуда...

Так светло, так зелень разогрета,
так легко в раю полупустом,
так не страшно!.. Вот-вот скрипнут где-то
детские качели за кустом —

цвета ленты для магнитофона,
лаковый, из двух полупластин,
вдруг коровка божья свой хитин
разведет, как чудище девона.

* * *

Не в арабской ли сказке когда-то
мы с тобой утопали в шелку, —
затворясь от кишенья Багдада,
прикипев волоском к волоску?

И не мы ли, чудес старожилы,
в тую скавших сознанье чалмах,
голубые под золотом жилы
разжигали друг друга в потьмах?

Не постель, а безлюбая льдина —
и, когда не прижмешься тесней,

что светильник к перстам Алладина, —
сразу заледенеешь на ней.

Сокровенное вызнав меж хлама,
еле зrimый огонь распалим —
поелику сиянье Ислама
носит в сердце смиренный муслим.

Небо в черные ризы одето —
и Кааба незрима уже.
Запах роз, силуэт минарета...
Но дорога известна ходже.

* * *

Поедем в Вырицу — мириться
с необоримою тщетой:
плотва в пучине серебрится,
нежарок тускло-золотой
диск помраченного светила,
и, ветку отведя рукой,
увидь — гроза обмолотила
немую пойму за рекой.
А наш обрыв — из краснокожих...
Но миг спустя развеселит
смятенье девочек, похожих
на закупавшихся Лолит, —
сырой переполох русалок,
дождем застигнутых врасплох...
(Как влагу — пересохший мох,
глаз это впитывает, жалок...)
...Бежим! — ошпаривать крапивой
колени, прятаться в сарай —
под шелест Оредежи лживой,
жемчужной... Рай? Конечно, рай!

* * *

Вечерний, чересчур небритый
и по-кладбищенски сырой,
он сумасбродной Маргаритой
дышал и шулерской игрой
тревожил спрятанной валторны...
Вокруг — едва ль не лопухи...
Как упоительно-тлетворны
всё пропитавшие стихи!
Отрадна строгая ограда, —
но что ж психея смущена
в тени, где Леты и де Сада
соединились имена?
Здесь наклоняла свой подсвечник
дитя ночных метаморфоз —
и нам являлся «смрадный грешник»
средь полувытоптаных роз,
воспетых Аннушкой... Пролиты —
и воск, и слезы, и масла...
Но страстью выщерблены плиты —
той, что и Фауста несла.

ИЗ РИМСКИХ СТИХОВ

1

От фресок, от мозаик, от картин
уйди в тысячеокие руины,
где воздух стынет в горле окарины
и полон тени пиний Палатин.
Здесь нечто вроде сиверских пещер —
кирпичный ор. И термы, в толк возьми ты,
шестикрылаты строили термиты,
а не, как врут бедекеры, Север.

2

«Возлюбленная спутница, душа,
таинственная жительница тела,
уходишь ты из милого предела,
где знала радость, тая, трепеща,
в безобразные области пустого
забвенья...» И его мемориал
бег времени переименовал,
забывчив, в Замок Ангела Святого!

3

Двуликий Янус, верный палиндром,
Танатоса и Эроса хоромы —
Рим! (Имена кладем, как серебро, мы
в уста — и радость тешим под ребром.)
Ты — сердце мира, в шрамах и крови.
И все в тебя стекаются дороги.
И, умирая, мраморные боги
в поправшей смерть сливаются Любви.

СЕРБСКО-ХОРВАТСКИЙ СЛОВАРЬ

1

Серб, словно серп в живье, в поверженном хорвате
пытается найти ответы на вопрос:
зачем латинский крест в родные гены врос?
Оратаев стоят две каменные рати.

Тяжелые шмели гудят в бутонах роз
на языке одном, раздвоенном некстати:
ведь в Загребе вдохнут, а выдохнут в Белграде.
Где мог бы править Крез — руины и некроз.

И если нет в груди для Рима и Царьграда
союза, то в нее вгрызается Стамбул.
На тыщу лет вперед загадана шарада —

и с Юга к нам грядет непобедимый гул:
Софии и Петра амбары дорогие
наполняют навсегда зерном серпы другие.

2

Посылающий весть безответных ударов,
Громовержец, ты есть, хоть ничто — для радаров.
Твоей сути копье не достанет земное:
разве — скинешь свое оперенье стальное,
сам же — канешь во тьму (невозможно сужденье
о тебе по нему). Не летучая мышь —
ты, не ястреб, а лишь —
пустота отчужденья.

3

Как и в птичьем зрачке, для небесных уродов
сто веков, сто народов — на смешном пятаке.
И что знают они о Дунае, о Доне? —
вроде линий ладони: если хочешь — сомкни.
И, зови-не зови, не вмещает их воля
ни тоски, ни любви. Лишь зачем-то течет
в них магнитное поле —
и куда-то влечет.

4

Тоже в каске, как призрак в студеном и ртутном романе,
ты, Меркурий, — солдат незаметно ведомой войны —
в умозрительных крагах, с махоркой в незримом кармане,
и измараны глиной твои неземные штаны.

Среди груды кремней, с безутешно тупым автоматом,
ты блюдешь перевал в неизвестное — так же как в старь;
и мечтательный век, расщепивший державы и атом,
вновь листает в землянке свой сербско-хорватский
словарь.

Или он в самом деле взошел на волшебные склоны,
где гуляют лихие стрелки и веселые клоны,
где закончен угрюмой истории славный поход?

Или просто в горах, где гнездятся поющие скалы,
где ваяют орлицы из лиц костяные оскалы
и находится издавна в царство подземное вход?

ВЕСТНИК

1

Как альпийский стрелок, как альпийский стрелок
молодой,
засыпая в свалявшихся травах покатого склона,
полусонными пальцами будит голодное лоно —
и сливается с тоже отдельно стоящей звездой,

так и ты, божество, огибая ладонью одной
туго скрученный в крепкую трубочку вестничий свиток,
пьешь всей бьющейся грудью пространства пьянящий
напиток,
чуешь трепеты в пятках и хаос косой за спиной.

Как и он, как и он, так и ты на ионы, эоны
распадаешься весь, чтоб внедрить драгоценную взвесь,
драгоценную весть в средоточье незнамой зоны, —

и не важно, кому адресована Зевсова месть,
и не важно, насколько пологи альпийские склоны:
мы очнемся — забыв, для чего оказались мы здесь.

2

Ты — не ртуть и не сера, тем более ты — не сульфид.
Ты — та связь, что целит этот мир и от смертных обид
одиночества лечит, нездешнее в косность вливая.
Лишь тобой, ей чужим, и жива вся Природа живая.

3

От курчавой макушки до пяток крылатых
весь ты — в тех изначальных, единственных латах,
что прочнее любой рукотворной брони.
Ибо образы смертного вечны. Они
облекают и нас, пусть — на час, и зачатых
в нашем сердце богов, пусть — тоской не початых,
и Того, Кто зовется Любовью. Одни
путеводные светят ночные огни.

* * *

Он тек из бездны миллионы лет,
чтоб кануть здесь, на дне моей глазницы, —
звезды, давно перегоревшей, свет...
Что ж, ужаснуться или изумиться —
как те, до нас: таков и ты, поэт!

Ночных светил слепящие зеницы,
всех одиссея затверженный завет...
Но той еще на небосводе нет
звезды, что нашим правнукам примнится
живой — и вечный передаст привет.

* * *

Езда в незнаемое — сладок
нам только узнаванья миг...

Раскрой на лучшей из закладок
Евтерпы парусный дневник!

Всё осязаемое — остов,
скелет безжизненный. Зато
нас увлекли ездою в остров
Тредиаковский и Ватто.

Дышал Эол, волна бурлила
и чайка прядала в волну,
и Одиссей узнал Ахилла
по склонности играть в войну.

И там, на острове Кифера,
блаженно выплывшем из книг
подобьем первозданной сферы,
тысячелетья — только миг.

НАРЦИСС

Столько завороженных ничьих ночей
ты глядел в горячий живой ручей,
где твоим стенаниям вторил милый
рот, что влага стала твоей могилой.
Как песчаное дно, трепетала грудь,
и упругие рыбы торили путь,
и твой облик сливался с любимым лицом,
и взаимным дол оглашался кликом...

А теперь над тобою вода чиста
отраженьем облака и куста,
вместо лика-облика — лоск и блики,
ибо те, что сжаты серпом, безлики.
Только тиши да гладь, не шумит камыш,
не шуршит в траве полевая мышь,
слезы смыты и вышел финал обидам —
и лежит весь мир ледяным Аидом.

СОБОРЫ

I

В Амьене, в Шартре, в Реймсе сталагмиты
вросли в лазурь, но больше не растут.
Кто оязычил каменщиков, тут
стучавших в лад? Куда ушли термиты,
вдруг загудев на тысячи ладов, —
в немые паутины городов?
Иссякли слезы сталактитов? Осы
оставили гнездо?.. Одни вопросы.

II

Как если бы взлетающим фонтанам
застыть навеки повелел Господь
нерукотворным камнем неустанным,
колонн и дуг подброшена щепоть —
как на вопрос о мыслящей деснице
полуответ двусмысленный. И вот
за тыщу лет не шелохнется свод —
там, где немолчный рынок шевелится.

III

До нас ли взрывам огненно-застылым
и водопадам, обращенным в лед, —
в углы вселенной, к времени могилам,
они давно отправлены в полет.
И такова их скорость световая,
что (как душа — на длинном волоске),
неподлинно меж торжищ пребывая,
они на самом деле — вдалеке.

IV

Лишь костяки. Но их грудные клетки
тысячеусто поднимает Бах,
и свет, пройдя сквозь радужные сетки,
рождает цвет в их темных черепах.
А вечерами башенная роза
зеленоватым светится огнем —
кошачий глаз! Не утешенье — в нем,
увы, а ненасытная угроза.

V

Чтó, если Бог — отвесный водоем?

* * *

И Путин есть, и Буш, и Ельцин, и Хрущев,
и Горбачев, и Лигачев
в любом паноптикуме римского портрета
(хоть в Мюнхен поезжай, а хоть зайди и в наш
легкодоступный Эрмитаж),
зане в чертах владык — особая примета.

А Пушкина в тиши тех залов не найдешь.
Ни Блок, ни Мандельштам, ни Фет туда не вхож —
ни Тютчев, ни Кузмин. И, сколько б ни искали
мы (тыщи лет!),
ни Пастернака там, ни Анненского нет —
как в басне этой нет морали.

ТЮБИНГЕН

Маттиасу Якобсу

I

В пивной, где Гегель с кружкой пива
горланил, яблоку упасть —
претит. История криклива —
пускай и выдохлась как страсть.
Пусть даже кончилась. Но гама
и дыма хватит на сто лет
(и долго будет Фукуяма
перед Фуко держать ответ).

II

Но городок — как на картинке.
Тут — замок, рынок. Там — река.
Средневековые пластинки
такие кружатся пока.
Разрушили — восстановили.
(Есть ось — поэтому легко.)
И крест готический на шпиle
плевал на ваше рококо.

III

Здесь Гёльдерлинова веранда
нас приглашает обозреть
пейзаж, для утлого таланта
нуждой оставленный на треть
столетья: лишь речонку эту
и видел (мутная вода),
пока совсем не канул в Лету —
и стал бессмертным навсегда.

СЕРЕДИНА ЖИЗНИ

Край, полный буйных роз
и желтых спелых груш,
над озером навис;
и лебедь, захмелев
от ласк зеркальных уст,
к бесстрепетной воде
склонился головой.

Мне страшно: где найду
я стылой зимой цветы —
о, где? — и солнечный луч,
и благодатную тень?
Стены стоят,
глухи и холодны.
Флюгером ветер скрипит.

(Fridrich Hölderlin, 1799—1803)

ИЗ ВЕРЛЕНА

Подростком я мечтал о «Кохиноре»,
о роскоши персидских, папских зал:
Сарданапал — я, Гелиогабал!

Статисты грез с пыланием во взоре
вмig исполняли мой любой каприз —
гарем безбрежный, зримый парадиз!..

Давно не жду от жизни приключений
таких — поняв, что ей не до щедрот;
живу смиренней, чем простой народ;
но сердце не забыло тех влечений.

Пусть не носить пурпурных облачений,
всё ж славить скудость не способен рот —
и по сей день, увы, мне тошно от
неточных рифм и отчих поучений.

ИЗ СЕБАСТЬЯНА НАЙТА

1

В окне двулинзом, точно в призме,
гиперборейской пустотой
рожден, плывет в метаболизме
морозный купол золотой.

И тускло, словно он из бронзы,
неволит мраморную бязь.
Но пальчиком до льда дотронься —
сверкнет червонец, заискрясь...

Так что ж, усвоив трюк Тантала,
трюк Креза, автор прячет взор?
Он — царь!.. да царство — из металла:
и дом, и крепость, и собор.

3

Ответь, пожалуйста, была ты,
жизнь, мигом сжавшаяся в миг,
еще хоть чем-то, кроме книг
(ведь книги — скинутые латы)?

В кого твои слепые стрелы,
что вечно целили в меня,
попали — в рыцаря, в коня
(мы, как кентавр, единотельцы)?..

И вот теперь приходит Ночь
и говорит: «Гут, Найт!» — точь-в-точь
как по-немецки: «Ай да сукин!..»

Я — призрак в литерной броне.
смешливый Пушкин машет мне —
и что мне Гудмэн или Букин.

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

На холмах Грузии играет солнца луч...
Тициан Табидзе. 1937

Здесь в полдень — полумрак, здесь в знойный час —
прохлада
каприйских мертвых вилл. И в запустенье сада
пируют призраки тех, кто тут прежде пил:
того убил тиран, а тот себя убил.
(И русский их свояк, брат мимолетной жизни,
не смел и рта раскрыть потом на тайной тризне.

Мерцающий рубин темно пылал в бокале.
Горячие, как кровь, съедались здесь хинкали.
В сациви плоть цыплят цвела. А с языка
витиеватый тост и гибкая строка
сходили тут и там вдоль тучного застолья —
неслыханная лесть под маской своеволья...

Немыслимая жизнь! Чанахи и ЗАГЭС.
«Да здравствует прогресс!» «Приветствуем процесс!
Шпионов и убийц мы требуем расстрела!»
«Советскою вовек да будет Сакартвело!»
«О чём грустишь, Борис?» «Да так, Галактион...
Взгляни-ка — как багрян сегодня небосклон!»)

Тиберия в тени шумели тут пиры
на фоне наших зол не знающей горы,
где братья тех двоих, в Иудин ус не дуя,
почившие лежат в чинах от почечуя...
О, спутники мои — Котэ, Зураб, Звиад! —
да минет нас (храни, Пшавела!) этот ад.

ДЖВАРИ

Аннелизе Аллеве

«Существованья ткань сквозная, —
сказал, — и рек не мыслит врозь».
И мне под старость довелось —
щедры, Господь, Твои дары! —
увзреть с грузинского Синая
союз Арагвы и Куры.

Толпились тучи над горами,
вилось ущелье, как змея, —
и раскрывалась перед нами
страница Книги Бытия —
пейзажный фон для Моны Лизы,
где все народы стали в круг.
Что миру ссоры и капризы? —
не мыслит врозь он рек и рук...

...Но послезавтра из газеты
узнаём: дудки! не вполне
неколебима правда Мцхеты,
и на войне — как на войне.
Да и в газете — как в газете
любой: полправды и «ура!».
И, не сливаюсь, реки эти
текут — Арагва и Кура.

* * *

Памяти Василия Русакова

Всё кончается в зале без окон,
при больнице, на заднем дворе:
треск свечи, да спеленатый кокон,
да зачуханный поп в серебре.

И какие-то люди с цветами
в на минуту притихшей толпе:
кто такие – не знают и сами, —
что же могут постичь о тебе?

Тоже — люди. И тоже — поэты.
Тоже все непременно умрем...
Что дает обобщение это
о единственном, лично твоем?

.....

Ну, простились. И выпили пива,
забредя в полусонный шинок...
Не навеки, Василий! Счастливо!
Сколько б ни было – всё же не срок.

ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ

* * *

Ты пробуждаешься, о Байя, — Бог
с тобою, Байя!
Не всякий бог восстать из гроба смог —
и Байя не любая.

Тайфун, землетрясение, волкан
(Неаполя, к примеру) —
а ничего! Лишь пасмурный сафьян,
дурманящий триеру.

Иль это яхта русских богачей?..
Пусть Бог не выдал,
но не смущает взор уже ничей
твой утлый идол.

И честные патриции, увы,
не понадеут к маю
из Рима, не сносивши головы,
в целительную Байю...

Дремотное баюканье олив,
благоуханье рая...
Но Время, и богов испепелив,
течет, играя.

Субстанции властительнее нет,
неумолимей, неу-
ловимей! Твоему, поэт,
Оно сродни напеву.

* * *

Решай же, смертный, как тебе —
в халате ль, скажем, и небритым,
в наряде ль юнкерском расшитом,
иль пусть сыграют на трубе?

Мундир парадный? Фрак простой?
Или, изволь, — в одной рогоже
и без креста (как Лев Толстой;
но это — святотатство, Боже!)?

В супрематическом ларе?
В венке и в греческой рубахе?
Как Виттельсбахи — в серебре
(но мы, увы, не Виттельсбахи!)?

Купи в Италии костюм
(там лучше шьют, и шерсть овечья)...
Есть масса способов: «дум-дум»,
Фаюм, культуры Междуречья...

Желаешь — в хлопок? Или — в лен?
Поверь, товарищ: нет проблемы!
И упокойся, окрылен
многообразьем этой темы.

* * *

*Друг друга отражают зеркала —
житейский чад и мерзость разложения.
И остается разве что зола
стихов в конце земного униженья.
А музыка потом спалит других.
Мы для нее, играющей, — поленья.
Иван Ильич, достигший просветленья,
мне дорог меньше строчек дорогих.*

И ты, беглец парижский, на чердак
заброшенный и в зеркало глядящий
в предошущенье смерти предстоящей,
не думай: в Царском было точно так.
Живи пока. Но свой язык змеиный
умеръ, а лучше спрячь его навек.
Не, как поэт, умри — как человек...
Грядет закат, *закат холодно-дынныи*.

МУЗЫКА НА ЗАКАТЕ

...Das Ohr hört nachts...

Georg Trakl. Musik im Mirabell

1

В городке, раздобревшем на соли,
где играл вундеркинд в парике,
позабудем на день о юдоли
леденящей, о стыниющей воле —
погуляем с синицей в руке.

Чтó нам клич журавлиный во мраке
и безлюбых небес неуют!..
Крендель булочной (вечные знаки!).
Пиво славное пьют австрияки
и божественный «захер» жуют.

Вот и правильно. Вот и бесспорно:
ни к чему нам мучительный свет
этой музыки после Адорно
(кто ж не знал, что искусство тлетворно?)!..
Только шарики вкусных конфет.

Только сон утешительной прозы,
где музыка, как струйка воды,
под журчаньем не прячет угрозы,
где сменили пуды сахарозы
кристаллической соли пуды.

Зальцбург

2

Мой принц, мы посетили Ваш
дворец. Теперь там — Эрмитаж
в миниатюре (модернисты:
Моне — блистает, Климт — блестит).
Но из окна всё тот же вид —
сребристый пруд и сад тенистый.

И Вена — вся, во всей красе —
что куст в мерцающей росе, —
в огнях, готовых распылиться.
И, как отряд передовой,
вступает в город, пусть и свой,
в потемках Нижнее палаццо...

Савойский, зри! прошли века;
ничья не справилась рука
с полком годин необоримым —
убит и смелый наповал;
а бург стоит, как и стоял,
когда-то бывший Третьим Римом.

Ваш меч, его судьбы залог,
остановить османов смог.
Но наросли потом проценты
(ведь жизнь — сама взаимосвязь)...
Зачем Сараево, мой князь,
Вы разорили после Зенты!

Вена. Дворец Бельведер

3

Цезари, лежащие в свинцовой
немоте серебряных ларцов...
Ах, и от системы образцовой
остается прах в конце концов!

В этом царства схожи с человеком,
в слепоте не видящим своей,
что нелепо верить оберегам —
договорам, скипетрам царей...

Где величье замысла, где смысла
торжество? Лишь Евровавилон.
Утекла обратно речка Висла,
а Дунай на лужи поделен.

Сорок правд — на месте двуединой,
сорок кривд и сорок языков...
Полон, как сардинница сардиной,
невеселый габсбургский альков...

Впрочем, что́ я! Нам бы их печали —
с нашей суевливой нищетой!..
Выйдем — снова скрипки зазвучали,
рестораны спорят с темнотой.

Вена. Церковь капуцинов

4

Пятый век они идут по насту
в абсолютной тишине,
как случалось разве астронавту
на Луне.

Вечереет, никакого звука
во вселенной больше нет.
(Но недаром «ночью внемлет ухо»
говорит поэт!)

Ни борзые не пугают лаем
пригород, ни птах
крики в небесах. Неизнаваем,
мир лежит впотьмах.

(Где он в Нидерландах эти скалы
видел, пейзажист, —
эти итальянские оскалы,
шепчушие «st!»?)

Только отдаленный конькобежец
на пруду
стылый мрак безвременья разрежет
музыкой во льду.

Вена. Музей истории искусства

5

В старческой руке тысячелетний
скипетр только чудом не дрожит...
Римский император предпоследний —
патриарх библейский, Вечный Жид, —

переживший всех, похоронивший
младших братьев, сына и жену, —
как Пандорин ящик, отворивший
страшную войну.

Здесь он умер, слушая раскаты
рукотворных гроз,
с юности любивший «аты-баты»
и не знавший слез...

Мерный листопад армейских сводок,
мировой спектакль...
Где-то там вдали — какой-то Гродек
и какой-то Тракль.

Вена. Дворец Шёнбрунн

6

Музыка бывает только в Вене.
Только в Вене царственной она
неподвластна порче и подмене.
Только в Вене музыка — Жена, —

Дева, облаченная в свеченье,
в колыханье жаркое смычков.
Здесь ясней ее предназначенье:
«Рай таков! — твердить нам. — Рай таков!»

...Или это море золотое
в белом и лазоревом цвету?..
Не решусь, как будущий Никто, я
перейти заветную черту.

Задержусь у ратуши с бокалом
мозельвейна. На большом панно —

оперные арии... Вокalom
этим всё, что знал, посрамлено!..

Безразлично мне, что дело к ночи,
что вокруг всё глуше и темней,
что до тьмы дорога всё короче...
Ночь поет! И дело только в Ней...

Только в Вене бурной словно в вену
введена холодная игла,
чтоб душа Прекрасную Елену
из персти земной узреть смогла.

Вена. У Новой ратуши

* * *

Хувишка, царь кушанский, на слоне,
в богатом платье, в бронзовой броне.
Он — сын Васишки. Брат его, Канишка,
пытался бунтовать, но усмирен
и, видимо, убит. И правит он —
богоподобный на слоне Хувишка.

На реверсе господь четверорук:
ни Шива и ни Митра — только звук.
Еще столетий пять до Мухаммада.
Но дайте срок — Хувишка на слоне
до Лондона дойдет, поверьте мне, —
до Бостона, Парижа, Сталинграда.

РОМАНСЕРО

Безумная Барселона
с фонтанами на груди,
где строят дома наклонно
и где растет Гауди;

Валенсия — вроде вальса
над втоптанный в твердь рекой
(о канувшем не печалься —
макни ему вслед рукой!);

гранатовая Гранада
в дурмане арабских зал,
куда круглоту квадрата
вписал император Карл;

откосов и дуг усилие,
собой изумивших мир, —
сервильнейшая Севилья,
клавирный Гвадалквивир;

стоарочная Кордова —
как соты во весь экран,
где храму мечеть основа
и в Библию вбит Коран;

в бреду иль на грани бреда,
как если б и вправду Грек
его начертал, — Толедо
в кольце торопливых рек; —

и нас приведет дорога
в стучащий о мрамор плит,
в цветущий своим барокко,
в кишащий людьми Мадрид.

* * *

Поэт описывает вазу
во всеоружье мастерства.
Она почти что зrimа глазу...
Скажи: она — тверда? мертвa?

И столь ли форма недвижима,
чтоб по прошествии веков,
для простаков непостижима,
она смущала знатоков?

Ах, пленник трепетного слова!
Тебе — будь Китсом наконец —
вовек не высечь из живого
ту твердь, что выточил резец;
не сохранить в тенетах звука
ту плоть, которая с ума
сводила... Горькая наука!
Мысль — только посох и сумма.

НАСТАВЛЕНИЯ

1

Коварствами искусств насытясь наконец,
овсяный свой венец прими — и в Олонец
какой-нибудь езжай, и доживай угрюмо:
где девочка-любовь, где мальчик из Фаюма?

И всё же грех роптать: всё было, всё сбылось,
а слабое тепло и днесь не пресеклось;
живи себе пока, ни хладный — ни горячий,
в надежде волшебства, но к мастерству незрячий.

2

Тот облик, что глядит из зеркала,
не мог бы юности присниться.
Как жизнь дурашку исковеркала!
Ему бы впору власяница.

Бреди стезею, заносимою
за сим снежком, с небес упавшим,
в Ничто — каким-нибудь Зосимою,
как всё на свете провонявшим.

3

Жизнь посредственного поэта
хороша. Посмотри: всех тех,
кто имел претензии, Лета
унесла уже — не успех.

Поглядим еще, почтаем
их, паленой водки попьем...
Тот, кто умер и почтаем,
негасимым горит огнем.

ВЯЗЕМСКИЙ

Объездил всю Европу, проедая
несметные богатства; исписал
стихами пуд бумаги. Дар Валдая —
и тот звенеть на станциях устал.

Съел тонну трюфлей, тысячу бутылок
шабли запив, — а чреву ничего.
Не избежал язвительных ухмылок:
де, граф лепил Безухова с него.

Прокипятил в игре полмиллиона,
сам признавался, в молодости. Но
одумался. Не верил непреклонно
поповским сказкам; знал, что *tam* — темно.

Темно и страшно — как в голодных селах,
ему струивших солнечный оброк;
и сим воздастся... Мыслей невеселых
в бюветах Пфальца утопить не смог.

...В каких теперь катается вселенных?
Бог весть! Родился, пожил и исчез...
Но сочинил десяток драгоценных,
хоть беспросветных, в старости «пиес».

* * *

Во сне привиделось: в аду
я то мучение найду,
что вечно буду мерзкой твари
«на случай» вирши сочинять;
а рядом дудочки ваять
нечистым будет Страдивари.

Всё будет — как на Соловках:
и кисти, и резцы — в руках,
и драмкружок, и взвод расстрельный.
То Моцарт «Мурку» напоет,
то Данта выведут в расход,
то Блока вздернут за котельной...

А ты, читатель мой, в раю
окажешься (на том стою —
да и не может быть иначе!), —
советчик верный мой и врач, —
и там среди рублевских дач
не загрустишь о нашем плаче.

* * *

...поэт трагических забав...

Евгений Рейн

1

Я видел сорный Вторчермет,
где ты копил свой опыт детский,
забав трагических поэт,
и скорбный лес нижне-исетский,
где ты закопан. На закат
скользило тусклое светило
сквозь сети сосен и оград —
и куцый кустик золотило.

Осина? — думал я. — Ольха?
Ах, всё равно — жилица праха.
И что стихи? — плоды греха,
питомцы смерти, дети страха...
Но только в них, как ни верти,
живет незримый свет, который
позолотит и взаперти
листву за самой черной шторой.

2

Будет слава и слева и справа —
то, чего так хотелось, поэт:
лава славы, обвал и облава, —
торжествуй! Но тебя уже нет.

Ты ль, зарытый на Нижне-Исетском,
соснам, к небу шагающим, брат,
этим фишкам фортуны и нецкам
всепризнанья загробного рад?

Понесут, раздевая, на сцену
и споют пропитым голоском...
До того ли холодному тлену,
что в пылающих безднах иском?

...Сложно вычленить верное чувство:
обольститель скорее, чем друг,
ты любил беззаветно искусство
обольщенья из здешних наук.

То есть — лирику. Вышло неплохо.
Плюс закрытая с грохотом дверь...
На бессонной позиции Блока
ты командуешь ротой теперь?

* * *

Деметрия Сотера и Деметрия
Никатора эпоха, Антиоха
VII Эвергета... Планиметрия
резни, чертополох переполоха...
Играть бы этим мальчикам в солдатики —
двум сыновьям несчастного Сотера!
Но государства не терпели статики
и не была у них в фаворе мера.

Все умерли довольно молодыми
(тут эвфемизм: растерзаны, убиты).
Зачем мой ум отягощаем ими?
Что мне до этой канувшей элиты?
Кто дал им эти титулы — «Спаситель»
и «Победитель»?.. Драмы или срама
здесь торжество?.. В недоуменье зритель...
И всё же верит в ценности упрямо.

* * *

И. Е.

Ариобарзана Филоромея
монета серебряная... Немея
вечно от страха, закрыв глаза,
правил страной этот царь сутулый,
меж Митридатом VI и Суллой
тесно зажат: что ни день — гроза...

О, Каппадокия! Ты воспета
лучшим поэтом: ты — просто Лета,
а не долины, луга, холмы;
в сотах беспамятства всё уснуло —
Филоромайон, Евпатор, Сулла,
всадники, кони... Уснем и мы.

И не смешные колечки ворса
спящим приснятся, не формы торса,
не повторенья для жадных глаз —
зенок какого-то там катулла;
тьма неживая, она же — сулла,
как митридата, обступит нас.

На миллиарды веков, навеки
стылою Летою станут реки.
Над пустотой опустеет мост.
Как навсегда замолчавший кратер,
будет незрим в черноте евпатор.
В этой ночи — ни луны, ни звезд...

Так. Но осколком былого света
в теплой ладони блеснет монета.
Первым из праха воспрянет конь.
Каппадокиец восстанет следом —
на языке, что ему не ведом.
Ихтис здесь — «рыба», áтар — «огонь»...

* * *

Помолиться Ему за богов нелепых,
прозябающих ныне в музейных склепах, —
за мальчишек вздорных, за милых шлюх:
ну подумаешь, с лебедем там, с быком... Но
Ты ведь милостив! Что же всё — домна, домна?..
Пусть им мрамор станет как пух, как пух!

Да и так ли Твои рыбари-евреи
в обиходе божка афинян мудрее?
Кто ловчей корабельную ладит счасть?
Прозорливей о бродах? Нужней при родах?
Кто печется о сводах, походах, одах?
Кто, Тобой не любим, нам не даст пропасть?

Ты (я знаю — единственный Бог на свете!)
снизойди, ибо грешным милы и эти
персонажи-призраки старины:
назови их Николай Морским, Андреем
Первозванным (Загрея жарчей согреем!),
но оставь нам странные наши сны.

СЕБАСТЬЯН

Точно так же выгнутый навстречу
дрожи стрел, как луки — ей вослед,
шепчет: «Отче, муке не перечу:
Ты сильней страдаешь, Параклет».

С каждым мигом ближе злая стая.
(Не спасает логика, Зенон!)
Из души земной произрастая,
дух в зенит небесный устремлен.

Не стрела покоится, летая,
(как нелепо думал элеат) —

это просто Дева Пресвятая
обернула мученика в плат.

Он прозрачен, но при этом прочен.
А мгновенье длится сквозь века.
И святой стоит, сосредоточен, —
нам, минутным, видимый пока.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Гаэта

Возвращенное лето
под конец сентября —
эта крепость Гаэта!
Прилетели не зря

из угрюмого края
к нереидам: Нерей
шлёт, трезубцем играя,
волны в скалы под ней...

Нереиды благие!
Чьим красотам дивясь,
за стихи и стихии
(загрустив, веселясь),

за мечтавших о море
южном (живы — должок)
со слезою во взоре
выпьем граппы, дружок, —

за жида, эфиопа,
спящих в русской земле!
...Хорошо хоть, Европа
держит ноги в тепле.

2. Сперлонга

Не уместить шезлонга
горизонтально в ней:
крошечная Сперлонга —
сонмище ступеней.

Что-то из Лонга: Хлоя,
Дафнис, надои коз;
сельское и морское —
разуму вперекос.

Обзавелась решпектом:
лавки и бутики, —
даже почти проспектом —
в три-четыре руки.

Местные ветераны
зорко сидят в тени —
и изучают страны
в лицах: чудны они.

Немцы, американцы
бродят туда-сюда
(фотки-протуберанцы) —
праздные, ждут, когда

Дафнисова сиеста
кончится (ровно в шесть!),
Хлоя замесит тесто —
и позовут поесть.

3. Неаполь

Испанское безумие на фоне
Везувия. Под скопищем аркад
миниатюрны клодтовские кони.
Сияет в небе бронзовый дукат.

Запущены фасады. Груды сора.
Кумиры мертвых рослы и грозны.
Всё скоро прахом скроется от взора.
Испепелится око. Канут сны.

.....

Музей. Полголовы Веспасиана.
Огромный шар когда-то был разбит.
Но что ему до этого изъяна,
чудовищу, до каменных обид?

И что до нас ликующей Природе,
спешащей всё сметающей рекой?..
Приплывшему сюда на пароходе
Фетида емлет жребий, — но какой!

РИМСКИЕ ДНИ

1. Circo Massimo

Прекрасного должно быть до фига:
и шествия, и скачки, и бега;
согнать со всей империи рычащих
зверей, вождей плененных и слонов —
и двинуть в ров, — основа из основ;
с улыбкой слушать царедворцев льстящих

и удовлетворенный рев арен.
А то, что ты — какой-то там Макрен,
Макрин, минутный повелитель Рима,
вчерашний всадник, завтрашняя снедь
ожесточенья, лучше не иметь
в виду; твоя судьба непоправима.

Сиди, смотри кровавые бои —
их любят все сограждане твои,
но распаленным этих зрелиц мало:

убить тебя — что кинуть конфетти! —
убить тебя — и бросить на пути
вступающего в Рим Элагабала.

Терпеть того в теченье лет пяти.

2. **Palatino**

Великое Ничто — то в мраморе крылатом,
то в золоте литом, — по храмам и палатам
расставленное здесь искуснейшей рукой
несметных мертвцевов, несомых, как рекой
забвения, на миг явившейся минутой,
являет в суете красы свой облик лютый.

Не о глазницах терм реку — о полноте
Прекрасного, увы, подобной пустоте, —
о трепетной Пьете на фоне вечных сосен:
незнающим, им кряж могильный плодоносен;
но ты — как Пий, как Сикст, — лишь камень, щебень,
тлен, —
запечатлен резцом иль не запечатлен.

Поверил бы отцам, пророчащим деревьям
о Царстве Неземном; но утлым суеверьям
потворствуют собор, надгробие, плита...
Нет, здесь не дышит Дух; Искусство — пустота.
Убогому уму оно — подмена Бога...
Боюсь, за это с нас *никто* не спросит строго.

3. **Quirinale / Pinus pinea**

И Сикст, и Пий, и Цезарь, и Нерон...
Процессия всеобщих похорон.
Ты — кладбище громадное всего лишь,
прекрасный Рим под небом голубым;

и странно мне, что ракурсом любым
ты мой недолговечный глаз неволишь.

Ужели перст земная — и титан,
кем потолок капеллы папской дан —
и грозная стена напоминанья?
Сменяются хозяева палат,
с творцами их соскальзывая в ад;
разрушатся и статуи, и зданья...

А я, чужак, как некогда Север
какой-нибудь, не знающий манер,
гляджу на этот Голем с Квиринала —
и пинии, раскрытой в небеса,
твержу свое «Спасительна краса!»;
но и Петра она не понимала.

4. Pantheon

Отверстие, нацеленное в высь:
не всем богам, небесным лишь молись.
Построил, пишут, щедрый Марк Агриппа,
друг Августа; а позже Адриан
украсил; был ободран и засран;
но выстоял, очнувшись, как от гриппа,

от бреда и беспамятства веков.
Величественнейший из потолков,
скажи, о чем молчат твои кессоны!
Где боги — Марс, Меркурий, Аполлон,
Юпитер?.. Ими космос населен
или Аид? Где слышимы их стоны?..

(За два тысячелетия никто
не посягнул на звездное лото,
на домино небесное: ни Марка
нет, ни Петра, ни Павла, ни Луки

на зыбком своде; только светляки
язычников на нем сгорают ярко.)

Теперь тут церковь Мучеников всех
и Приснодевы... но — прости мой грех,
Заступница, — неясные святыни:
могилы итальянских королей,
ученая окружность, а над ней —
не крест, но линза безответной сини.

5. Serapeum. Tivoli

Он приходил сюда по вечерам,
один — и воскресал прекрасный срам:
Александрия, грязный рай Канопа,
где Каллипиге вторит Каллиопа.

Всё совершилось в жизни, всё сбылось.
Он видел мир, как пифия, насквозь —
все чудеса, все страны, все чертоги...
И сам он — бог. И с ним сроднились боги —

Серапис, Нил, Асклепий, Антиной...
Он верит в них, как в зrimое: их знай
неугасим в сетчатках опаленных.

Солдаты спят никчемные, жена.
И лишь Александрийская луна
всю ночь горит из вод желто-зеленых.

6. 1. Laterano

«Prossima fermata San Giovanni».
Выйди, онемев от красоты...
...В катакомбах, в клетках, в котловане...
Большинства людей счастливей ты.

В черноту зрачка нетерпеливо
собираешь Рим. Ну, погляди:
в грозовую даль уходит Via
Appia. Постель возьми, иди!

6. 2. Santa Maria in Palmis

Изумился Идущему в чрево
ававилонское: «Боже, куда?!»
Ни направо свернуть, ни налево...
Ничего нет прекрасней стыда!

Надо думать, он встал с петухами,
чтобы вновь от судьбы ускользнуть;
но внезапно огромное — камень! —
преградило спасительный путь:

«Ну а ты-то куда?» — и взглянуло,
как возлюбленный преданный, в ночь
его глаз. И Петра развернуло...
Только стыд и способен помочь.

7. San Pietro

Благославил Франческо из окна
столпившийся на площади народ.
Было одна рука его видна.
И в тот же день (как бы наоборот)
нам повстречался беженец без рук,
просиящий подаяния араб.
О, эта нищета! О, этот Юг!..
Когда же мир узрит безруких пап?

С АРАБСКОГО

A.

Говорят, живет еще — в Каире,
пестуя свой страх...
Плеч и лядвий слаще в целом мире
не было. Аллах

милосерден, но мольбы бессильны
прежний рай вернуть.
Только сон земной да червь могильный
знают верный путь.

Невозможно самому Пророку
(Славимый, прости!)
до ему положенного срока
воздордиться во плоти.

Остается — как бы в назиданье
будущим векам —
взвести прекраснейшее зданье,
дивный храм

(даже лучше — в букве, а не в камне;
так верней),
дабы содрогнулись: как горька мне
жизнь в разлуке с ней —

с сумасшедшей молодостью нашей,
с красотой —
некогда журчавшей полной чашей,
а теперь пустой.

* * *

Благодарен: прожил немало,
насмотрелся земных чудес;

коль не муга слова шептала —
восхвалю шелестящий лес.

Записать удалось не много,
да и с качеством — не того...
Но нелепо не славить Бога
за невиданный дар Его —

за изгиб флорентийских арок,
нежных губ, тосканских холмов...
Удивителен Твой подарок —
и, безмерный, поныне нов!..

Только чем оплатить щедроты
сможем — каждый алмазный миг,
эти полные негой гроты,
тот вот лавр и тот базилик?

ЛЕВИТАЦИЯ

При строительстве пирамид применялись
левитационные техники пришельцев.

Из телевизора

На Дворцовой площади колонна —
чудо из чудес!
Чтоб она стояла непреклонно,
целый лес
извели два бравых генерала —
Бетанкур и Монферран, —
дабы возносилась — и сияла
из полнощных стран.

Рычаги, канаты, сила тысяч
рук... И Бог
лучше б и точней огромный высечь
монолит не смог!

Точно так же, как и при Рамзесе:
сметка да напор.
...Но забыл потомок об отвесе,
что на хазе вор.

Суеверу тока и бензина
не вообразить,
чем ручная движется дрезина,
как сучится нить, —
и инопланетные тарелки
чудятся везде
с жиру позабывшим о *безделке* —
молотке, гвозде.

* * *

Странница-душа в сороковину
покидает милый дом,
не открыв таинственного сыну —
да и даст ли знак какой потом?

Из Афин — в Коринф многоколонный? —
в светлый рай, куда не заглянуть? —
в странный край, от нас отъединенный, —
нам, живым, указывая путь?..

Бог незрим — и жены убоялись,
не сказав ни слова, как и ты...
Но лети, родная, словно завязь
памятливой вечной чистоты!..

Ты любила Бога — и молилась.
Я люблю Христа — и не молюсь...
Чтó бы с нами там ни приключилось,
как Иов, я здешнему дивлюсь.

БАЛЛАДА

Приятель младший был у нас.
Хорош и в профиль и анфас.
А уж стихи... едва ль не гений!
Строптивый нрав. Боксерский шрам.
Питомец муз. Любимец дам.
(Но не поклонник словопрений.)

Как все, был выпить не дурак.
Лечился, знал больничный мрак.
Живого места не осталось
на парне к двадцати пяти...
(Поверь, так тошно взаперти;
прикинь, как пацану досталось!)

Писал: кенты — менты — бинты —
кранты — и так до маеты,
про член понтовый дяди Паши,
о сваю грохнутого лбом;
и тут же — в девичий альбом
Дуняши, что ли, там, Наташи...

Нет, вру! Волшебные стихи!
Соединенье чепухи,
тоски и сладостной музыки!..
Но кто же слышит их? Никто!
Литература — как лото —
игра. И правила в ней дики...

Ан вдруг — не вдруг, но вот успех —
Москва, две тысячи баксов (эх!),
вниманье значимых журналов...
Тут крыша съедет и не та:
лауреатства «тра-та-та» —
сноторней всяких люминалов.

Но слава — что? — пустая пря:
звенит, карман не серебря.

И, гаже Нижнега Тагила,
грозит очередной дурдом.
А лавр, коль завоеван, — лом...
И приняла его могила.

...Самоубийце, ясно, — ад.
Но резвых шалостей расклад
в черновиках распубликован
(при жизни вряд ли бы пострел
на свет их вытащить посмел!) —
и оскорбленный в мести скован.

...Его играют и поют
(приятно творческий уют
украсить отсветом кошмара,
погреться около печи...
Тут всех бойчее москвичи, —
привет, публичная гитара!).

Он — спору нет — поэт, поэт.
Поэт прекрасный — спору нет...
Жаль умер... Я бы, как Мартынов,
хотел задать ему вопрос...
Но он еще живущим нос
утер, себя из жизни вынув.

...Сто лет минуло с той поры.
Бросают разные шары
организаторы культуры:
тот «против» кинет, эта — «за»
(не фильм, а сопли и слеза —
голландские миниатюры:

*глян, ван, какая пьян и рван,
как жюток этот рюс иван,
фесь зот зима, одни бабушки,
бил дихьтер с чистой голофой,
но и того згупил запой,
фот-фот ф наз фистрельят из пфуики!...*

А мы, старье, живем себе,
катаемся на «А» и «Б»,
лиkerы пьем, сигары курим
(все фишki раздает Старшой!) —
и с нашей маленькой душой
такого не набедокурим.

* * *

Ирине Евсе

Не важно, в Ялте ли, в Гаэте —
балкон полночный, влажный гул,
трезвон цикады в бересклете,
разгул пристойный, байки эти:
Тибулл, Проперций и Кутулл.

Не важно — грappa или чача,
а важно — Блок или Сапгир.
Глазеть в морскую даль, судача.
Такая теплопередача,
чуть улучшающая мир.

И так ли важно, чья тут база?
Все хороши, покуда спят.
От хмеля путается фраза.
По черной глади диабаза
лучи прожектора скользят.

.....

Читал стихи о свойствах Крыма.
Уже подкрадывалась мгла...
И вот в кольце огня и дыма —
Юго-Восток. Непоправима,
в наш дом История вошла.

* * *

Голубем почтовым из ладони,
оставляя в ней на миг тепло,
в небосвод стремясь, на небосклоне
пропадая (ветром унесло,
смыло синью, белого на белом
различить не в силах глаз),
как спешит душа, простиившись с телом
в смертный час,

в небеса, не виданые тленом,
сколь бы ни был мил,
к наперед не ведомым вселенным
от немых могил, —
так и ты лети, стихотворенье,
письмцео для глаз Иных, —
до исчезновенья, растворенья
горестей земных!

ВАРИАНТ

Памяти Нико Гомелаури

Те, что умерли, нет, не сказали
ничего, а верней — не нашлись...
...только ночью на дымном вокзале —
как бы даль, уходящая в высь, —

относительность блика и мрака,
запах гари в пространстве стальном,
полувсхлип напоследок... Однако
всё понятно теперь в остальном.

Райнера Мария Рильке

СОНЕТЫ К ОРФЕЮ

*Написаны как надгробие
для Веры Оукама-Кнооп*

Шато де Миозот, февраль 1922

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

О, словно древо! О, перерастанье!
Орфей поет! О, слуха ствол высок!
И всё молчит, но из пучин молчанья
звучит начала нового исток.

Спешат лесные звери светлой чащей
от хитрых нор и пасмурных берлог,
еще не постигая, что увлек
их не инстинкт, как прежде, а слепящий

нездешний звук, в сердца вошедший; рев
и вой уже не бередят им уха;
и там, где был дотоле шаткий кров —

прибежище неволи роковой
и вожделенья, — там, в глубинах слуха,
незримый храм возводит голос твой.

II

Почти дитя, она произошла
от счастья единенья лиры с пеньем
и, окрылясь их вешним дуновеньем,
в моих ушах пристанище нашла —

и спит во мне. И всё есть в чистом сне:
сады, давно мной чаляемые, эти
лепные дали, нивы — все на свете
земные дива, мнившиеся мне.

Она спит мир. И ты, в ней обретя
глаза, не разбудив, ее счастливо
родил, бог певчий, — с легкостью, шутя.

Но смерть?.. О, как мотив нетерпеливо
спешит к исчезновению мотива!..
Как удержать его?.. Почти дитя...

III

Бог всемогущ. Но как, скажите, нам,
чья суть — разлад, пройти стезею бога —
сквозь лиру? В сердцевине кровотока
не предначертан Аполлона храм.

Напев — не страсть, ты учишь, не закон
условный, не алчба конечной цели;
петь — значит быть. Для бога — в самом деле.
Но что напев для нас, коль движет он

над нашим быть светил небесных сферы?
Не то, что мнят им юноши, чьи рты
раскрыты стоном страсти: все химеры

земные канут. Истинное пенье —
иное: оболочка немоты,
дыhanье в боже, ветер, дуновенье.

IV

Нежные, о, проникайте смело
в это дыханье: оно, двоясь,
тронет вам щеки — и снова цело
сзади вас, пусть и не знает вас.

Вы, о, блаженные, вы — всецелы,
сердца источник в вас не угас.
Луки для стрел и для целей стрелы —
в вечном сиянии влажных глаз.

И не страшитесь бремени — впору
тяжесть земле, верните ей вес:
тяжеловесны моря и горы.

Сам, как дитя, разрастается лес —
вам ли снести эту мощь?.. Но просторы...
Ветры... Но своды безбрежных небес...

V

Не нужно камня памятного: роза
весной блаженно прозревает им.
Се есть Орфей. Его метаморфоза
не пресечется. Именем иным

не осквернай созвучий: не всегда ли
поет Орфей? Он вновь придет. И он
уйдет в свой срок, на день-другой в печали
увядшей розы пережив бутон.

Он должен кануть — и об этом знает!
И он страшится кануть, уходя.
Тогда как песнь его перерастает

всё в этом мире сущее, он — там,
где к струнам не притронуться перстам.
Он — только слух, всё здесь превосходя.

VI

Разве он здешний? Нет, в обе державы
мощно врастает его естество.
Пеньем вздымает он лозы и травы,
корни их волей ведомы его.

Стоит заснуть нам — питье наше, пища
ждут едоков; и идут мертвцы —
запах дымянки и руты в жилища
вносят. Но он, заклинатель, концы

сводит к началам, под веком сливая
здешнее с бывшим (и сумма живая —
всех отношений вершина вершин) —

в облик немеркнущий, в высшего слепок;
он в наших спальнях, он в наших склепах
славит застежку, кольцо и кувшин.

VII

Славить и петь! И, как медь из плавильни,
из немоты он выходит воспеть
вечные гроздья в смертной давильне,
имя которой — сердечная клеть.

И ликованье будет сквозь слезы
длиться, покуда он — божество:
всё претворится в гряды и лозы
под страстотерпным жаром его.

Не к саркофагов царственной гнили
обращено прославление — или
к прежних божеств помраченным теням.

Вестник, в воротах загробного мира
держит плоды он светлого пира
в чашах горстей, предлагая их нам.

VIII

Потому так лира ценит плачи —
точно нимфа слезного ручья,
сторожа паденья, неудачи, —
что от них легчает круча, чья —

в алтарях — вершина ей дороже
дольных благ. — И Жалоба уже
наверху: она куда моложе
всех сестер и братьев по душе.

Радость *знает*, а Тоска винится, —
лишь она одна, как ученица,
по ночам твердит спряженья бед, —

но к утру, внезапно и нелепо,
свой девичий плач вздымает в небо,
и звезда блестит ему в ответ.

IX

Тот лишь, кто лиру вознес,
смертный, над тленьем,
быть ликований и слез
может хваленьем, —

тем лишь, кто мака вкусили
с мертвого луга,

хватит таинственных сил,
тонкости звука.

Как отраженный в воде
дважды нездешен —
здесь и нигде,

так и в Природе двойной
голос земной
вечен и нежен.

X

В сердце хранимых, приветствуя я
вновь вас, античные саркофаги, —
римских столетий радостной влаги
песней бродячей журчит в вас струя.

Тем, что, как очи жнеца, — в изумленье:
где вдруг очнулись, им невдомек
— гулкая тишь да пчелиное пенье —
и вылетает цветной мотылек, —

всем вам, избывшим сомнения, рты
снова отверзтые, шлю я приветы, —
знавшим молчащий устав немоты.

Знаете нас вы, не знаете нас?
Все на лице нашем впишет ответы
медлящий с выводом час.

XI

Всадником созвездие ночное
не звалось? Но мы и в звездах гнет
видим: спесь земную и Иное —
то, что понукает и ведет.

Такова ли, в путах и тенетах,
жилистая суть первопричин:
путь и бремя? Но на поворотах
даль — нова. И двое суть один.

*Суть ли оба? Обе ли моими
счастье дороги, пройденные ими
вместе? Стол и луг их разведут.*

Нет имен. Черты созвездий лгут.
Но пока хоть схемам мы невольно
верим, нам и этого довольно.

XII

Благ тот дух, что всех нас принял в сети:
схемами воистину живем.
И текут, спеша, минуты эти
наряду с доподлиннейшим днем.

Мы способны к верному обмену,
пусть и не прочитана скрижал:
так антенна чувствует антенну —
и речет через пустую даль...

Напряженье, музыка усилий,
деланье рисковое! Не ты ли —
то, что все помехи пристыдит?

Ведают ли сеятель и семя,
что пожнут, когда настанет время?
Но земля им *дарит* — и родит.

XIII

Яблоко, банан, крыжовник, грушу
пробует ребенок — и во рту

спорят жизнь и смерть. Я обнаружу
это по лицу его, прочту...

Для того ли вы вдали созрели,
чтобы кануть в нас, лишась имен?
Здесь, в родильне слов, одушевлен
станет плод — развоплотившись в теле.

Разве эта яблоком звалась
сладость и была неуязвимой?
Пробудясь во вкусе, вознеслась,

прояснилась, стала двуединой
в радости слиянья — и земной
и небесной, и тобой и мной.

XIV

Мы смущены цветком, плодом, лозой —
ведь их язык наречий лета шире.
Быть может, всё, что зреет в здимом мире,
увлажнено ревнивою слезой

умерших — и лишь тем крепка Природа.
В чем участь предков — полнить соком
гроздь?
За тьму веков пропитана насквозь
их костным мозгом косная порода.

Теперь спроси: в охоту ль это им?..
Рабы ль они — и, тяжкий пласт вздымяя,
несут нам дань, владельцам своим?

Или — *цари*; и иногда немая
их мощь, благоприятная корням,
перепадает от избытка нам?

XV

Жду, предвкушая... Готов хоровод.
Музыки чуть бы, топтанья, напева!
Девы немые, нежные девы,
мерно станцуйте познанный плод —

вкус апельсина!.. Как бы утопая,
сочному ваш хоровод бытию
сопротивляется — но, уступая,
к сладости веру склоняет свою.

Вкус апельсина! Станцуйте его —
знойный пейзаж плодоносной порою —
в спелом пыланье и вы рождены —

запахом в запахе. Зреет родство
с чистой, раскрывшейся вдруг кожурою,
с соком, которым счастливо полны.

XVI

Ты одинок потому, что... Всласть
тыча перстом и грозя словами,
мы как бы делаем мир весь нами,
а мы — лишь жалкая его часть.

С разумом разве сравнится нюх?
Но лучше нас ты темные силы
чуешь — опасности, дух могилы,
и на заклятья твой тоньше слух.

Добрый, косматый наш старший брат,
с кем и делить нам земную муку!..
Лишь не впускай нас в сердце — не рад

будешь: растя, не щадим мы прав.
Но можем бога *нашего* руку
честно направить: вот он, Иисав.

XVII

В недрах — старец, исток
рода и корневище;
шлем, охотничий рог;
выше — тыщи и тыщи

мраком первопричин
смятых, завороженных:
ярость — в братстве мужчин,
лютни — в плачущих женах...

В ломкий лозняк сплелись,
стиснуты смертной чащей...
Кто-нибудь! Отзовись!..

Участь веток мрачна —
лирой только одна
изогнется звучащей.

XVIII

Слышал ли новость, бог, —
гулы, грохоты эти?
На голову всё с ног
словно стало на свете.

В новом мире едва ль
ухо чуткое — благо:
заклинает деталь
ныне камни, не сага.

На станок погляди:
он вальцует, торцует —
мстит, рубцует, лупцует

нас; без сердца в груди,
нас, ведомый, ведет;
наши силы крадет.

XIX

Зыбкий, как образы туч,
их очертанья,
мир безначально текуч;
льются деянья

в свой же извечный исток.
Но и над алчущим зевом
лиру немолчную бог
полнит напевом.

Чаши бед не испить,
счастья не приручить,
смерти умом не постичь —

смертным и сирым.
Только одной светить
песне над миром.

XX

Чем же воздам я, поведай мне,
слух воспитавшему твари земной? —
Воспоминаньем о том коне!..
Ночью, в России, весной...

Белый, он мчался без седока
прочь от села со всех сил —
в ночь и луга, где дымка легка, —
и колышек уносил.

Как билась грива о холку, как
пел крови жаркий родник —
еще бы! — он рвался в широкий мрак,

он к далям чутьем приник!
Он ржал и он слушал: был в нем сплочен
круг речи...

Дар принесен.

XXI

Видишь, земля не забыла усладу
старых стихов! Наступает весна.
Юной земле-ученице награду
за прилежанье вручает она.

Строг был учитель. Но эти морщины,
льдины, седины нравились ей...
Спросим — ответит: шумом лощины,
зеленью, синью — пособий ясней!

Радуйся, вольная, резво играя
в стайке детей — эй, тебя запятнать?
Снова веселье ладится рая.

Что ж ей и делать, как не опять,
зная уроки, перепевая
древние корни, петь — уповать!

XXII

Пыль мы летящая.
Но времени шаг
взят как пустяк
в непреходящее.

Всё скоротечное —
в прошлом давно;
к нам только вечное
обращено.

Мальчик, доблесть — не там,
где разбег и дерзание,
где полет и виток.

Перст приложен к устам
мира: тьма и сияние,
книга только, цветок.

XXIII

О, лишь когда полет,
сам себе на потребу
взмыв к безбрежному небу,
упоенно сверкнет,

в вихрях трепетных рея —
прочен, легок и спор —
сотоварищ Борея,
а не просто прибор, —

лишь когда аппарат,
сбив мальчишечье чванство,
канет в чистом «куда»,

он, не чая наград,
обретет те пространства,
где летит, навсегда.

XXIV

Нашей дружбы древней, великие боги, ныне
не должны ли мы узы (они ведь не знали прочной,
закаленной стали) навеки порвать в гордыне —
или вас, неподвластных, по карте искать порочной?

Вы, друзья могущественные, забирая
наших мертвых, ясных прикосновений
не даете — ни трапез, ни омовений,
ни вестей из вашего, боги, края

больше нет. Мы длим ныне жизнь немую,
на себя оставлены; наши тропки
не меандр пленительный, а прямую

грубо чертят. И лишь в пароходной топке,
движка поршни, прежний огонь пылает —
вечный рок. Но силы пловец теряет.

XXV

О, только раз о *тебе — той*, которую знаю
лишь как цветок безымянный, мне вспомнить позволь —
и показать уходящую, льнущую к краю
девичью тень твою, неодолимую боль.

Словно танцовщица, чье остановлено тело,
в бронзу отлитая юность парит, погляди;
в слух обращенная музыка — та, что владела
сердцем, — теперь замерла в изумленной груди.

Близко таилась болезнь, исподволь одолевала,
тень наводила на кровь — но и весна ликовала
в ней, ворожила, гоня подозренья: не верь;

снова и снова сходила лавиной и мраком,
чем-то домашним прикинулась, вкрадчивым шагом
грозно вошла в беззащитно раскрытую дверь.

XXVI

И напоследок, божественный, голос твой сладок
был, заглушая менад обезумевших рой, —
вою и ору противился дивный порядок,
и попирал разрушенье он стройной игрой.

Всё их неистовство, вся их безмерная ярость
лиры твоей не касались, не властны над ней;
крутьостью таяла, в трепетный слух обращалась
стая нацеленных в голову грубых кремней.

Даже когда был растерзан ты мстительной сворой,
в скалах и львах твой напев сохранялся живой —
в птицах, в цветах. Он и ныне нам служит опорой.

Канувший бог! Нескончаемый след! Это твой
слух, семенами рассеянный, в слышащих всходы
мощно пустил — и мы стали устами Природы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Ты, дыханье — невидимый стих,
ритм обмена пространства
мирового! И жив я, пока не утих
этот метр постоянства.

Та волна, для которой
всемерное море — я,
ты бережливей всех здимых взморий,
ты — прирост бытия.

Сколько простора этого прогнано мной!
Был мне как сын
ветер иной.

Дунь же еще в меня, воздух, узнай меня снова!
Ты, ты один, —
луб, и кора, и листва шелестящего слова.

II

Так же, как мастер в сложный рисунок
вносит случайно *истинный штрих*,
зеркало каждое утро в свой сумрак
прячет улыбки девичьи — их,

трепетных, вмиг похищая, когда
чисто лицо при молитвенном свете.
Лишь отраженья, не облики эти,
лицам оно возвращает всегда.

Вот и в мерцаńях каминного свода,
в меркнущих углях мы видим: во тьму
небытия исчезают мгновенья.

Кто же сочтет все потери, Природа?
Лишь обращающий к сердцу — к нему,
полнорожденному — дань восхваленья.

III

О, зеркала, вам еще не открыто,
в чем ваша суть. Вы — двери в иной
мир: вы — просветы прочного сита
и перебои шкалы временной.

Плоские, вы раздвигаетесь залой —
и узнаем мы, как ветви растут,
если подсвечник шестнадцатипалый
там оказался, оставшись тут.

Вы зачастую точно холсты.
Кто-то смиленно в вас утопает,
кто-то пугливо бежит пустоты.

Только красавица медлит — и из
черт ее, там, за стеклом, возникает
в чистом ничто растворенный Нарцисс.

IV

О, то был зверь, какого нет нигде.
Они, любя его, воображать
могли лишь эту поступь, эту стать,
очей свеченье кротких в темноте.

Да, не было его. Но, столь любим,
воистину стал видим дивный зверь.
Ведь для него пространства было им
не жаль — и он, желанный, в эту дверь

вшел. Лишь помышленье и алчба,
а не зерно, его вскормили — так!
И, становясь от веры их сильней,

вдруг белый рог пустил он изо лба.
И был он, к деве подойдя на шаг,
и в зеркале серебряном и в ней.

V

Лепестковый мускул, анемону
утром раскрывающий сильней
и сильней, чтоб жаждущему лону
свет небес вобрать еще полней, —

всеприятъя мускул напряженный,
вечно понуждающий сиять
лепестки, однажды, изможденный
полнотой, смежить их к ночи вспять

ты не сможешь, гибнущих с укором:
ты, миров их множества оплот,
ты, решенье, молят о котором!

Мы, насилья сев, продлимся дольше.
Но когда, в какой из жизней больше
их открыты будем для щедрот?

VI

Ты, венценосная, бывшая в оны годы
чашечкой с венчиком — проще нет,
роза, для нас совершенный цветок Природы —
ты, преисполненный тайн предмет.

Пышность могла бы смутить твоего наряда —
тело им скрыто, как сотней вежд;
но лепесток отдельный — как раз отрада
исчезновенья любых одежд.

Дуновенье сладчайших имен
аромат твой несет из былого;
и во славу их зиждется он.

Но у нас нет понятий для них и звучаний...
И в него эти воспоминания снова
утекают — в манящий нас час величаний.

VII

Вам ли, цветы, не родня те прилежные руки,
девичьи, что на садовом столе
vas подрезают опять — неживых от разлуки
с почвой, от боли в нежном стебле, —

воду меняют, в которой еще раз очнуться
от подступающей смерти дано вам, — и вновь

в токах живительных рук ваши уста шевельнутся —
вы благодарны им за любовь,

легким и схожим, догадливым, за возвращенье
ваше в кувшин, — и чужое тепло
сходит с вас медленно, словно оно прегрешенья,

tronuv, омыло и вам отпущене дало,
словно, и в снятости вашей, хмеляя и тая,
вы возрождаетесь, с ним заодно расцветая.

VIII

Мало вас, милых друзей прошедшего детства
в мгле городских ущербных садов...
Как мы сближаемся, как мы выносим соседство
и, точно агнец с полоской слов,

как говорим мы, немые; и, если с нами
нам хорошо, не ведаем — почему?
Как утекаем вместе с людскими волнами,
с исчезновением лет во тьму?

Мимо нас мчится состав, чуждый нам и мгновенный,
нас обступают зданий призраки, — знаем ли мы,
что было подлинно во вселенной?

А ничего. Только мяч. Его облик будил умы...
Нет и детей... Но один иногда, словно пленный
дух, пропадает с мячом из густеющей тьмы.

(В память об Эгоне фон Рильке)

IX

Славят вас, судьи, за то, что отказались от пыток
тщетных и долго не держите в кандалах.

Но, приземленные, лишь снисхожденья избыток
вам дозволяет осилить страх,

жестокосердость врожденную: эшафоты —
да, как игрушки былые, заброшены в срок...
О, по-иному в того, кто и чист и широк
сердцем, грядет божество настоящей заботы,

подлинной милости — словно втекает подспудно,
самозабвенно сияя. Оно —
больше, чем ветер для волнолюбивого судна,

но и не меньше сокровища тайных наитий,
что, как младенец играющий, в нас рождено
вечномолчащей чредой бесконечных соитий.

X

Всем достиженьям машина грозит — уничтожит
их, лишь воспрянет она, быть в послушанье устав,
духом: божественных рук трепет играющий сложит
и подытожит кремнем косным творенья состав.

Вспять не вернется, увы, *всех* нас гонящая, — в лоно
фабрики, в ту колыбель, где изначально спала, —
нет, как и жизнь, созидать станет она непреклонно
и разрушать, в слепоте блага не зная и зла...

Да, но пока этот мир зачарован — и сотней,
тысячей весел растет, подвигаем игрой
сил, чьи касанья тем явственней нам, чем бесплотней.

В невыразимое слов устремляется рой.
Музыка, вечно нова, из руин и зиянья
хаоса строит твердыню Орфеева зданья.

XI

Часто и смерть, человек, невозмутимой природе
ты подчиняешь своей, в травле сметлив и жесток —
как, не силок или сеть даже, а в карстовом гроте
мирно зависший — тебя ль я не узнаю! — платок.

Мерно спускают тебя в грот, вроде белого флага —
вестника дружбы. Но вдруг резко тобою взмахнут, —
и из ночной черноты выпорхнет к свету ватага
бледных испуганных птиц... Но не по праву ли *тут*

это, где даже налета жалости мы не встречали;
ждать ли ее от стрелка: весь — только чуткость и слух,
весь — только четкость и глаз?

*Знай же, убийство — лишь слепок странничьей
нашей печали...*

Чист и бестрепетный дух,
что посягает на нас.

XII

Жди превращенья. О, пусть увлечет тебя пламя:
в нем, совершенствуясь, вещь уничтожает себя;
сам созидающий дух, чертящий мир перед нами,
зыбок, в скруглениях схем пункт поворотный любя.

Те, что в покое, мертвы — и уже погрешимы
стали, хоть истиной их под окалиной мнят.
Верь, нерушимое вновь сокрушат нерушимым —
несуществующий молот подъят!

Тех, кто истек родником, постигает познанье
и полноводно ведет по пути созиданья
руслы, что, в устье начавшись, стремится в исток.

Всякая радость — дитя изумленной разлуки:
Дафна, воздев шелестящие листьями руки,
жаждет, чтоб ты превратился в воздушный поток.

XIII

Разлука всегда впереди, но всегда и прежде
тебя — как зима, что грядет опять.
Пусть перечень зим утверждает тебя в надежде,
что и бесконечной зиме тебя не сковать, не взять.

И пусть в Эвридике ты мертв — позади разлука:
воспевший уводит ее в просветленный лад.
Будь звонким стеклом, не щадящим себя для звука, —
здесь, в царстве заката, на родине всех утрат.

Будь здесь, но при этом от сердца не прячь причину
его трепетанья — небытия личину,
дабы наполнить ею единственный взгляд полней.

Дабы затем к былого глухонемому кладу,
к неисчислимой сумме — к Природе, к ладу —
причислить свое число и радостно кануть в ней.

XV

Погляди, как подходят цветы для земного призванья,
чья в сравнении с нашей нам мнится неглавною роль, —
но как знать! Даже если знакома им боль увяданья,
может быть, лишь о нас эта боль.

Всё стремится парить. Но на всё это мы многотрудный
налагаем наш разум и бремя лелеем свое;
о, откуда ж такой у Природы наставник занудный,
если радостно вечное детство ее?

Кто бы смог свои сны растворить в их глубоком покое,
в новый день вместе с ними из мрака втекая легко, —
обновленный, о, им отдающий себя так легко! — и

восхваляли и пели б — и те, что цветут далеко, —
вновь прибывшего, вновь обращенного брата и друга
все немые собратья выонками увитого луга.

XV

О, рот-источник, о, дарящий рот,
 журчащий чистотою без конца,
ты — мраморная маска для лица
глаголящей воды. И разворот

мне виден акведука, с Апеннин,
мимо могил, с далеких склонов, где
родился он, несущего твой гимн,
спадающий затем по бороде,

черненной илом, в ковш, объятый сном,
как в мраморное ухо, ибо в нем
всегда и исчезает эта речь, —

в ухо земли. Да, лишь сама с собой
беседует земля. Ее любой
кувшин страшит — он может речь пресечь.

XVI

Ежечасно нами раздираем,
он — творец того, что нас целит.
Мы, безумцы, алчем — и не знаем.
Он — из щедрой ясности отлит.

И от искреннего приношенья
если он не отвратит лица,
то лишь в знак свободного решенья
стойко гибнуть до конца.

Только мертвый пьет
из живым чуть слышного истока,
коль господь ему благостно кивнет.

Нам же вменены шум и суматоха.
И ягненок, в кротости немой,
колокольчик умоляет свой.

XVII

Где, в какихupoенных росою садах, на каких тенистых
купинах, из каких благодатных соцветий чистых
вызревают плоды утешенья немого — те,
что на выжженной дольней поляне, в своей нищете,

ты находишь. И, подобрав, что ни раз сильнее
изумляешься их совершенству, величине плода,
шелковистости кожицы, мякоти сочной под нею
и тому, что на птиц лихоимство
они тебе не посетуют никогда —

и на алчность червя. Или есть сокровенные
кроны такие,
что им ангелы — листья, а корни питают стихии, —
и они нас, будучи нашими, могут нести и растить?

Но способны ль дозреть мы — или, расцветая тенями,
увядаем, как призраки, и, скоротечными, нами
можно лишь равнодушье неспешного лета смутить?

XVIII

Танцовщица, превращенье
бринности в радостный шаг, сколько в тебе щедрот!
Ты ль — в изначальном вихре древо круговращенья,
и на себе утешишь вновь торопливый год?

Разве не им расцветаешь ты, глубину покоя
вдруг от вершины до пят разбередив листвой?
Разве не ты — то солнце, что достаешь рукою,
и нескончаемый зной — не твой?

Ты плодоносно еще, древо экстаза:
разве немые дары твои мнимы — кувшин,
зрело округлый, и спеюще зыбкая ваза?

Разве мазки этих вмиг воплощенных картин
бровью твоей в них не вписаны сразу —
дерзкой дугой, выносящей тебя за притин?

XIX

Золото поселено в благодатную мглу
банка, поручено тысячам. Но только эти
нищие, только слепец этот медной монете —
словно приют, словно пыль под кроватью в углу.

Деньги, в теснинах витрин пребывая как дома,
рядятся мнимо то в шелк, то в гвоздики, то в мех.
Он лишь, безгласно стоящий перед ними, — истома
и передышка для них, утомившихся, всех.

О, как хотела б хоть на ночь сокнуться рука,
вечно раскрытая, — но, пробудившись едва,
вновь в сокрушенье и звоне влечит
свою участь убого, —

дабы в итоге доход и глядевший на них свысока,
вдруг изумясь, восхвалил.

Лиши хвалящему служат слова.
И звенят лишь для бога.

XX

Где-то меж звезд, далеко — о, нет, значительно дальше —
здешнему учат. Взгляни:
это дитя... или друг... этот ближний... тот мальчик... —
разве близки все они?

Вот наш удел — на неслитые сущего пяди
мир поделен;
между мужчиной и девой с опаской во взгляде
сколько незримых препон!

Все далеки, и нигде не смыкается круг...
Но посмотри на лоток этот с рыбой — немые,
странны раскрыты рты.

Рыбы молчат, мы решили. А вдруг
есть те пределы вдали, где расслышим *все мы* и
этот язык — немоты?

XXI

Пой, мое сердце, сады — те, что не видел мой глаз, —
сказочность их, как в стекло помещенных и мнимых, —
розы, что влагой поят Исфахан и Шираз, —
пой их — и благодари их, ни с чем не сравнимых.

И расскажи им, что не забывало о них,
как о тебе — эта смоква, что там притаилась

в тесных ветвях, отвечающих дрожью на милость
тех ветерков, чей порыв и в тебе не утих.

И сторонись заблужденья, что страх и нужда
здесь нам даны как ответ на решение: буду! —
шелковой нитью ты в ткань вселено навсегда.

А уж в какую деталь ее — в эту ли, в ту...
(Вот в чем тоска!..) Но почувствуй, причастное чуду:
весь баснословный ковер здесь имелся в виду.

XXII

О, вопреки судьбе, наше могуче
существованье: в парковых бьет ключах, —
или как те мужи каменные, что кручи
тяжких порталов выдерживают на плечах!

О, медный колокол, било чье непреклонно
и каждодневно будней таранит срам!
Или *одна*, в Карнаке, колонна — колонна,
пережившая вечный храм.

Ибо гибнет лишнее, осыпая
искры плоского желтого дня, — и, слепая
от пыланья, их прах принимает тьма.

Но и зерна уходят в подзол безвестный.
И возможно, пробег этих искр над бездной
остается — как мысль, как игра ума.

XXIII

Позови меня, когда задачей
пред тобой стоит упорный час:

у него молящий взор собачий,
тотчас отвращаемый от нас,

если мы к нему протянем руку.
Но лишь ускользнувшее — твое.
Только там, где цель спешит по кругу
за стремленьем, — наше бытие.

Тщетно остановки и опоры
ищем, для былого слишком споры,
мы, а для небывшего стары.

Лишь условье славящего слова,
мы, увы, — и ветка и окова,
и услада гибельной игры.

XXIV

О, вечно новый порыв из податливой глины!
Первопроходцам никто не помог никогда,
но у счастливых морей всё же росли города,
масло, вино и вода наполняли кувшины.

Боги, и вас набросали мы — словно эскиз,
снова и снова стираемый пасмурным роком.
Но вы бессмертны — и мы можем вслушаться из
здешнего в то, что нас слышит в итоге далеком.

Все мы — один материнско-отеческий род,
тысячелетья беременный будущим, кое
некогда всех нас, исчерпанных, перерастет.

Данники времени, доблесть безмерная — мы.
И только смерть знает, ведая — что мы такое,
верную прибыль свою, нас давая взаймы.

XXV

Слышишь, звенят первые грабли?
Вновь в человеческом такте течет
труд предвесенней земли — не ослабли
древние струны. Снова влечет

будущность — та, что тебе, как всегда,
кажется близкой, — но ты, уповая,
так новизну ее и никогда
не обретешь, ей себя отдавая.

Желть прошлогодней листвы вечерами
меркнет, тая подступающий знай.
Тайны примет управляют ветрами.

Лозы черны. Но сочнее чернеет,
в кучах навоза, сырой перегной.
Мир с каждым умершим часом юнеет.

XXVI

Как изумляет нас птичий клик —
вечный, впервый оглашающий поле!..
Вот детвора, играя на воле,
криками клик заглушила на миг.

Шум своеволья! В прорехи, пустоты
(птичий, что мы в сновидениях, там
цел и свободен) пространства, как в соты,
загнан ребячий пронзительный гам.

Горе нам, где мы! Удел наш убог —
реем на нитях, бумажные змеи,
с ветром смеяться стремясь и не смея,

треплемы им... Воспевающий бог,
меру пошли пробужденному миру —
току, несущему голову, лиру!

XXVII

Существует ли время упорное,
что и крепость сотрет в неприступных горах?
Это сердце, безмерно богам покорное,
Демиург сокрушит ли в прах?

Неужели мы столь боязливые,
как того хотелось судьбе?
Не сулящее ль, молчаливое
детство корнем дремлет в тебе?

Ах, лишь призраки преходящего
сквозь внимательного смотрящего
протекают, как зыбкий дым.

Так и мы летим, скоротечные.
Но внимают нам силы вечные.
Значит, тем мы угодны им.

XXVIII

Всевозвращайся! Ты, почти ребенок,
добавь мгновенный штрих, поправь едва
созвездье танца, в чем наш голос звонок,
хоть преходящ, в чем шорох естества

он превосходит. Ведь звучанью скалы
послушны, лишь когда Орфей поет;

а ты сама сей зов предугадала —
и слух, подобно дереву, растет —

и с ним, ликуя, ты спешишь на звук:
ты знаешь те притины, где его
неслыханный поток рождает лира.

И дивный бег твой к сердцевине мира
влеком — на всеблагое торжество,
где облик свой и поступь явит друг.

XXIX

Тихий друг безбрежного, ты волен
множить даль дыханием, пойми!
С высоты суровых колоколен
зазвони собой — и накорми

этую мощь, для превращенья пищей
став. Как в скорбном опыте земном,
выходи в новь, пройдя сквозь пепелище.
Если воды горьки, будь вином.

В той Ночи — избыток тайн, и им
шлют свиданья смыслов нам такую
всепреображающую весть,

что, и позабытый всем земным,
ты прошепчешь тверди: всё теку я,
беглой влаге вымолвишь: я здесь.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Сонеты к Орфею» Р.-М. Рильке (4 декабря 1875, Прага — 29 декабря 1926, Валь-Мон, Швейцария) были созданы между 2 и 23 февраля 1922 г. в Швейцарии, в Château de Muzot — средневековой башне, перестроенной под жилой дом, предоставленной поэту как пристанище одним из его состоятельных почитателей. Толчком к созданию цикла (и одновременному завершению монументальных «Дунинских элегий», начатых еще в 1912 г.) послужило впечатление от смерти девятнадцатилетней дочери знакомых поэта, музыкально одаренной девушки Веры Оукама-Кнооп, умершей, вероятно, от лейкемии — той же болезни, которая позже прервет жизнь и самого Рильке. Книга вышла в свет в 1923 г. в лейпцигском издательстве «Insel».

Перевод выполнен в 1998—1999 гг., а затем несколько раз перерабатывался. Переводчик признает за А. Ю. Леонтьевым приоритет в прочтении ряда «темнот» текста (Р.-М. Рильке. Сонеты к Орфею. Часть вторая. / Перевод и примечания Александра Леонтьева. // Урал. 2000. № 7) и выражает признательность В. Н. Ахтырской, чьи критические замечания и пояснения были важны при подготовке отдельного издания перевода (СПб.: Азбука-классика, 2002).

Полужирным выделены примечания Рильке.

К части первой

II. Бог певчий — «singender Gott» («поющий бог»); словами «бог» и «господь» («der Gott» и «der Herr») в тексте цикла обозначается его адресат и герой Орфей.

X. Во второй строфе вспоминаются захоронения на известном древнем кладбище Alyscamps [Елисейские поля] близ Арля, о них речь идет также в «Записках Мальте Лаурида Бригге».

XI. Всадник — созвездия с таким названием не существует. Схемам мы невольно верим — и

XII. Схемами воистину живем — словом «схема» мы переводим здесь (и в других сонетах цикла) важный термин Рильке «фигура» («die Figur»).

XVI. Этот сонет обращен к собаке. — Слова «бога нашего руку» [«meines Herrn Hand»] имеют отношение к Орфею, выступающему здесь как «бог» поэта. Поэт хотел бы вести эту руку, дабы она, ради его безграничной участливости и преданности, благословила собаку, которая, почти как Исаия, накинула на себя свою шкуру — лишь затем, чтобы в своем сердце приобщиться к непредначертанному ей наследию — ко всему человеческому, с его радостями и горестями.

XX. В сонете отразилось воспоминание о России, которую поэт посетил дважды — весной 1899 г. и летом 1900 г.

XXI. Маленькая весенняя песня явилась мне как «толкование» одной примечательной танцевальной музыки, которую я однажды

слышал петой детьми на заутрене в маленькой монастырской церкви близ Ронды (в южной Испании). Дети, всё в такте танца, пели неизвестный мне текст под аккомпанемент треугольника и тамбурина.

XXV. К Вере [Оукама-Кнооп].

К части второй

IV. Единорог был в старину, в Средние века, частым и повсеместным символом девственности: поэтому и утверждается, что, несуществующий для непосвященных, он был, едва отразившись, в «серебряном зеркале», которое дева держала перед ним (смотрите: Гобелены XV столетия), и «в ней» — то есть во втором, столь же чистом, столь же потаенном зеркале. В «Записках Мальте Лаурисда Бригге» Рильке описывает шесть гобеленов XV в. из замка Буссак (в настоящее время они находятся в музее Клюни в Париже), на которых изображены сцены общения со зверями, в том числе с единорогом — белым конем с одним большим рогом во лбу. На шестом гобелене девушка изображена с зеркалом.

V. Античная роза была «eglantine» [дикая роза, цветок шиповника (*фр.*)], красной и желтой, тех цветов, что происходят от пламени. Она цвела здесь, в Вале [кантон в Швейцарии], в отдельных садах.

VII. Четвертая строчка: агнец (на картине), который говорит только посредством «говорящей полоски» [нем. das Spruchband — транспарант, употребляется также для обозначения фрагментов картин старых мастеров, содержащих вложенные в уста персонажей библейские изречения и т. п.]. Эгон фон Рильке — рано умерший двоюродный брат поэта.

XI. Ссылаюсь на способ, каким по старинному охотниччьему обычаю, распространенному в некоторых местах Карства [известковое плато в Словении и Хорватии] охотятся на необычных бледных голубей карстовых гротов, осторожно помещая в их пещеры подвешенные платки, которыми затем внезапно особым образом взмахивают, дабы спугнуть птиц из их подземных обиталищ и убить их при вынужденном вылете.

XV. Возможно, имеются в виду знаменитые «Уста истины» (Bocca della Verità) в римской церкви Санта Мария ин Космедин.

XVIII. Отмечено, что сонет навеян диалогом Поля Валери (1871 — 1945) «Душа и танец» (1921).

XXII. Одна, в Карнаке, колонна — имеется в виду, вероятно, колонна фараона Тахарки перед храмом Амона в Карнаке (указано А. Ю. Леонтьевым); Карнак Рильке посетил во время своего путешествия по Египту в 1911 г.

XXIII. К читателю.

XXV. Подобие весенней песенки детей из первой части сонетов [XXI].

XXVIII. К Вере.

XXIX. К одному другу Веры.

СОДЕРЖАНИЕ

Архаика / Евразия (1974—1991)

АРХАИКА

I

Сад (1980)	6
«В Царском Селе, запотевшем, как тонкий стакан...» (1977)	9
«А хорошо ли уйти навсегда...» (1977)	10
«Живу я, а Ты незаметен...» (1976, 1996)	10
«Когда мы свернем от Руины направо...» (1979, 1980)	11
«В золоте позднего пыла...» (1974, 1980)	11
«О, нет, не для славы... Тогда для чего...» (1977)	12
«Не царствуйте, цари, и ты, императрица...» (1981, 1985)	12
«Лопоухий Батюшков! Из глины...» (1976, 1995)	13
«Нас было двое — Батюшков и я...» (1977)	14
«Веневитинов долго на перстень смотрел...» (1977, 1995)	15
«Вот сон. Сырым напором ветра...» (1979, 1997)	16
Элегия (1977)	16
Т а р т у (1978, 1979)	
1. «Студенты в шапочках гуляют...»	17
2. «Мокрая ночь — за молочным окном...»	18
«Усталый Вяземский с листа...» (1977)	19
«Велосипедист и рычащий мотор...» (1977, 2005)	19
Крестовский остров	
1. «По деревянному пройду...» (1976)	20
2. «Между погнутых прутьев решетки чугунной...» (1976, 1981)	20
Стихи из романа (1980)	
1. «Ночное купанье на даче...»	21
2. «У речки ночной, как на сцене...»	22
Коктебель (1979)	23
Трамвай (1980)	24
«Август приносит плоды в дом на фарфоровом блюде...» (1980)	24
«Ничего на листе не напишешь...» (1980)	25
Осень (1980)	26
Звезда (1979)	27
«Будет всё, что прежде было...» (1977)	28
«Качает этажерка теплохода...» (1980)	29

II

«Мираж полуденный гранита...» (1982)	30
Под солнцем вечно молодым (1982)	
1. «Попробуй пройти, не измазавши брюк...»	30
2. «Столетний пыльный поплин тополиных крон...»	31
«Давай печаль развеем — в сад...» (1981)	31
Александро-Невская лавра	
1. «Патлатых тополей столетний люминал...» (1981)	32
2. «Тесный зал ожиданья, базар антикварной...» (1985)	33
«Вот Царкосельский сад — ларьки со снедью возле...» (1981)	34

Стихи с аллюзиями (1981)	
1. «Стало меньше в луках флогистона...»	35
2. «На садовую сяду скамейку...»	35
«Сад пахнет марлей. След...» (1981, 1996)	36
Конец сезона. Начало семидесятых (1981, 1983)	
1. «Заколачивают дачи на зиму. Бублики...»	37
2. «Теннисные корты за янтарем соснового леса...»	38
«где стоит древесина осенних дубов и лип...» (1981)	39
«Разбухла книга от закладок...» (1982)	40
Кариатида (1983)	40
Порт. Варварские офорты	
1. «Трамвайный путь. Булыжник. Над каналом...» (1981)	41
2. «В серебряных узлах трубопроводов...» (1982)	42
Новый Эрмитаж (1984)	42
Стужа (1984, 1985)	
1. «Стужа. Оптика шалит. И туже...»	43
2. «Как хорош наш город многоклеточный...»	44
3. «Ну и стужа! Ну и заморозило!...»	44
4. «Карповка вся извертелась, как шарф...»	45
«Нам делать нечего, точнее, бог с ним, с делом...» (1985)	46
«Великокняжеский, кладбищенский, весь в арках...» (1985)	46
«Там Тютчев погребен, здесь — Дельвиг. Но сильней...» (1982)	47
«Карповка — сваи, трава, катера, мутные воды...» (1981)	48
«Утро туманное, утро седое... Стоят...» (1982, 1986)	49
«С консервной баночкой запаянной ужасной...» (1987)	49
Недоумение	
1. «Так водянисты поздние астры, что слог...» (1984)	50
2. «Он, наверно, предчувствовал, что на вокзале умрет...» (1986)	51
Парк культуры (1984)	52

III

«Летящая архитектура времен диктатуры...» (1982)	53
Архака (1983)	
1. «Тополиные сорные воды...»	54
2. «Бросив в пасть турнекета монету...»	54
Зеркало (1980)	55
«Вот снимок: застолье. И мертвый встает...» (1981)	56
Памятные записки	
1. «Помню, жили в маневренном фонде у Дома культуры...» (1984)	56
2. «На месте гостиницы были какие-то, что ли, склады...» (1985)	57
«Опершись на винтовку, в начале огромного века...» (1981)	58
Галиция (1983)	58
Рижские братское кладбище (1984)	59
«О Штраусе в листве, об Оффенбаhe...» (1984)	60
«Только те города, где уже побывал, где уже...» (1984)	61
Ex cathedra (1984)	62
Копьеносец (1984)	62
Павловск (1984)	63
«Только доски купальни, купальщиц тела и купальщиков...» (1981)	63
«Ту же критскую бронзу, с оливковым отблеском, в те же...» (1984)	64

«Таинственная жизнь, туманный сад в Форосе...» (1982)	65
«О чем прибой шумит, и что влажней и глахе...» (1981)	65
«Этот беглый кустарник, в который купальник отжать...» (1984)	66
«Музы поют, как ласточки, что-то плетут и лепят...» (1983)	66
«Как могла она Данту — и с чьих это слов, глуповата...» (1984)	67
«Подростки громкие (кентавры!) на мопедах...» (1984)	68
«Нелепо мочить купальник в такую темную ночь...» (1983)	68
«Свалка стрекоз в саквояжах трамвайного парка...» (1985)	69
«Праздного лета дворы проходные и скверы...» (1985)	70
«Пригибаться приходится там, где еще вчера...» (1985)	70
«Всё отнял у меня, — прочту, — казнящий Бог...» (1985)	71
Аркадия (1985)	72

IV

Новый Свет (1985)	73
Крестовские корты (1985)	74
Елагин остров (1985)	74
Метро (1987)	75
Станция Чоп (1987)	76
Будапештский экспресс (1987)	77
Севастополь (1987)	78
Южнобережное (1987)	
1. «Вертолет сотрясает пространство, подробным брюхом...»	79
2. «Там, где платан канареечный скрученные чинарики...»	79
Ушная раковина (1988)	80
Проводы гостей (1988)	82
Святой Себастьян (1985, 1988)	85
Винкельман (1988)	86
Кузмин (1988)	87
«Всадник-легат Афанасий Фет...» (1988)	87
Anno MCMLXXXIX (1989)	88
«Я в твоем» (1990, 1991)	
1. «Вот где, вот где выдохнуть "ich sterbe"...»	89
2. «Если бы лифтвой в полулиувре...»	91
3. «Подкатила к выпуклому глазу...»	91
Амстердам (1991)	92
Тритон (1991)	93
Нижегородские ахи (1991)	
1. «Агафон подыгрывает Сократу...»	94
2. «Лишь дыркой бублика в цифре "нолик"...»	95
3. «Ни крутого сбитня никакого...»	96
4. «Ни волшебной горы, ни отеля "Савой"...»	97
5. «Не салат, а поле Куликово...»	97
6. «Милиционеров бабки полушибушки...»	98
7. «Розовато-белое, вернее...»	99
8. «Выглянешь в окно — лишь белое льняное...»	100
Балтийские вариации (1980-е гг.)	
1. «Только существительны и прилагательные...»	101
2. «Существование сводится к ощущению...»	102
3. «Вещи исчезают. Вот и мне...»	103
4. «Посреди бывшей столицы бывшего государства...»	104

Альпы (конец 1970-х, 1980, 1994)	
1. «Великие немецкие могилы...»	105
2. «Элизийский роман о Швейцарии горной...»	106
3. «Гляди: пирамидальные шинели...»	107
4. «В итоге плаванья сырого...»	107
«Ледяные залпы ночной волны...» (1993)	108

ЕВРАЗИЯ

«Из-под карельской снежной сени...» (2005)	110
Снегирь (1985)	110
Побудка (1984)	111
Шинель (1984)	112
Новогодний наряд (1985)	112
Старшина (1986)	113
Командировка (1984)	114
Памятка (1) (1982)	115
Памятка (2) (1984)	115
Чуть свет (1986)	116
Радио (1982, 1987)	117
Без названия (1982, 1986)	118
Снегопад (1983, 1984)	118
Письма (1982)	119
Помехи (1982)	120
В бане (1986)	120
Табакерка (1986)	121
Водопад (1987)	121
В гостинице (1986)	122
Рубашка (1984)	123
Колодец (1984)	123
Лыжня (1984)	124
На лыжной прогулке (1984)	124
Дремотное (1982)	125
Станция (1984)	125
Казарма (1984)	126
Рождество (1984)	127
Problème (1983, 1987)	127
Охотники на снегу (1984)	128
Сpartанцы (1984)	128
Мероприятие (1986)	129
Комбат (1986)	129
Новый ротный (1986)	130
Метель (1986)	131
Ночью (1) (1986)	131
Память Александра (1983)	132
Ночью (2) (1986)	133
Вечером (1983, 1985)	133
У двери котельной (1986)	134
В теплушке (1997)	134
О краске (1985)	136
О красоте (1997)	136
Флюоростанция (1) (1986)	137

Флюоростанция (2) (1986)	138
Дневные сны (1997).....	138
Жара (1987).....	139
Оргкунание (1) (1984, 1986)	140
Оргкунание (2) (1985)	141
Лежащий в кустарнике (1996).....	141
Клуб (1986).....	142
Танцевальное (1986)	142
После танцев (1986)	143
Евразийцы (1986)	144
Воздухоплавание (1986)	145
С подъемного крана (1991).....	146
Ночь в каптерке (1991)	147
Дембель (1984).....	147
Итоги (1986).....	148
Материализация (1986)	149
Постскриптум (1983, 1996)	149
Постфактум (1996)	150

Новые стихотворения (1991—2014)

СОЗВЕЗДИЕ РЫБ

«Любовный шепот, залежалый...» (1995)	152
---	-----

Афинская школа (1993, 1994)

1. «Где Серапис мраморный с крокодилом...»	153
2. «Так, смотри, в сардониксе камея...»	153
3. «Даже разъезжающая Кора...»	154
4. «Пчелы на мед слетаются и гудят...»	155
5. «Скользь безжалостны, флейта, нежны, упрямы...»	155
6. «Шутка ли: вот-вот тысячетелье...»	156
7. «Нет, не мы с тобой, а Иакх и Феб...»	156
8. «Так касались губы ее гобоя...»	157
9. «Танатос и Эрос за нами, братья-...»	158
10. «Лишь улыбчивый слепок всего того...»	158
11. «Так себе — спецовочка, кителек...»	159
12. «Все завесы, занавесы, кулисы...»	159
13. «Ах, за всё Эрато предъявит счет...»	160
14. «Тирсы наших менад примахались быстро...»	161

Письма вслепую (1993, 1994)

1. «За окном гостиницы дивный вид...»	162
2. «Ах, иметь, иметь эти мед и медь...»	163
3. «Пароходик праздный бежал, речной...»	163
4. «Тот, Сафо спроси, богоравен, кто...»	164
5. «И слова бесплотные "ай лав ю"...»	164
6. «Ничего на свете нет — моего...»	165
7. «Сколько раз я видел тебя — три раза?..»	165
8. «Чтò чуткая прелесть лань...»	166

Таро (1994)

Джокер, или Над могилою Кузмина	167
1. Маг	167
2. Папесса	168
3. Императрица	169
4. Император	170
5. Папа	170
6. Любовники, или Женитьба	171
7. Колесница	172
8. Справедливость, или Юстиция	173
9. Отшельник	174
10. Колесо Фортуны	174
11. Сила	175
12. Висельник	176
13. Смерть	177
14. Умеренность	177
15. Пан, или Дьявол	178
16. Молния, или Небесный огонь	178
17. Звезда	179
18. Луна	181
19. Солнце	181
20. Судный день	182
21. Мир, или Обратная перспектива	182

Разные стихотворения

«Виноградники Арля, луга Живерни...» (1994)	184
Новый Ламарк (1994)	185
«Живопись, и музыка, и тела...» (1991)	186
На смерть муз (1993)	187
Аполлон в мехах (1995)	188
«Вологды кулек измятый...» (1995)	189
«Четыре, две и три...» (1994)	189
«Сочиняя вирши, впадая в грех...» (1994)	190
«Как зрачок, сужается, немея...» (1995)	191
На башню (1992)	191
«Как скопидомы умозрений...» (1994)	192
Солнечные часы (1995)	193
Первый трамвай (1995)	194
«Мне зеленая Босния снится...» (1993)	195

Апостериори (1994, 1995)

1. «Я глаза раскрою во тьме, а ты...»	197
2. «Целовались в парке — и страх стыда...»	198
3. «Колотилось сердце — и я зачал...»	198
4. «Стыдно-стыдно и сладко-сладко...»	199
5. «Отстаньте! Показать любовь...»	200
6. «Он глядит на серебряном талере вправо...»	201
7. «Как перья первоклассник в ранец...»	201
8. «Рыбка, рыбка верткая, пузыри...»	202
9. «Искать золотую иголку...»	202
10. «Раскинем карты — поглядим...»	203

Преображение (1994, 1995)

1. «Твоя ладонь полубезвольная...»	204
2. «Сердебиеня ль откровенного...»	205
3. «Мы шли вдоль пляжа волейбольного...»	206
4. «И умерли — и похоронены...»	207

Пейзаж за стеклом (1995)

1. «Ничего печальней Луги...»	209
2. «От Леилы до Лолиты...»	210
3. «Два лицедея в черной коже...»	211
4. «Плачущие свечи зажигали...»	211
5. «В стекле, за слоем ваты с пижмой...»	212
6. «Сосновый сон тесовый...»	213
7. «Снег тяжелый, талый. Ледяное...»	215
8. «От Арзрума до Ростова...»	215
9. «Если правду уж совсем...»	216
10. «Серый нем зеркал...»	217
11. «У дракона мозг лазурный...»	217
12. «Это имя — лирическое, как любовь...»	218
P. S. «Пусть изменщики-сны обманули...»	218

«Единство спаяв мировое...» (1995)	220
------------------------------------	-----

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

I

«Чтó греческим мужам Елена?...» (1996)	222
Сентиментальное путешествие (1996)	223
«Часы саксонского фарфора...» (1996)	227
«С безумным риском, хоть без толку...» (1996)	227
«Вспомним, Бозио, скифские тени...» (1996)	228
«Морозный Рыбинск не разбудит...» (1996)	229
Бабочка (1996)	230
«Белый лист, Гиациントово тело...» (1997)	231
«Словно бы — в песочнице, под хвоей...» (1990, 1997)	232
Царскосельский вокзал (1993)	233
Казанское кладбище в Царском (1985, 1996)	233
З в е р и н е ц (Rainer Maria Rilke)	
1. Ангелы (1996)	234
2. Пантера (1996)	234
3. Попугай (2000)	235
4. Фламинго (2000)	236

С в я т о й С е б а с т я н

1. «Он мышцы разметал, как спящий...» (1996)	236
2. «Как на осу или занозу...» (1998)	237
Лютнист (1997)	238
Полуночный гость (1997)	238
«На Корфу, милые, на Крит...» (1997)	239
«Кругом — ничто. Лишь слово золотое...» (1997)	239

Три стихотворения (1997)	
1. «Бог сохраняет всё. А ты...»	240
2. «Как путник мыслит о ночлеге...»	241
3. «За морем Мраморным есть мраморное море...»	241
«Аквилон ли дышит в мехах, борей...» (1998)	242
Рождество (1997)	243
К греческой вазе (2000)	244
«Расправит ли крыло морозной чистоты...» (2000)	244
 II	
Домик в Саардаме (1997)	
1. «"Голландия есть плоская страна"...»	246
2. «Дома, которым лет семьсот...»	247
3. «Широкой натурой бахвалясь...»	248
4. «Литература — авантюра...»	248
5. «Нет, рана не была смертельной...»	249
6. «Не холст — волшебное окошко...»	250
Почти египетское лето	
1. «Почти египетское лето...» (1997)	250
2. «Люциферически прекрасны...» (1997)	251
3. «Еще дадут, коли попросим...» (1997)	251
4. «Ты ляжешь нехотя, но даешь...» (1997, 2000)	252
5. «Ночные мучили качели...» (1997)	253
6. «Гляди, мои ладони в глине...» (1997)	253
«Жара. Идешь — как будто в гору...» (1997)	254
«И эдемские куши раздвину...» (1997)	254
«Одинокий, себя именующий "Я"...» (1998)	255
Ботанический сад (1997)	255
(Подражание арабскому) (1997)	256
На закате тысячелетия (1997)	257
«Среди всеобщего безумия...» (1996)	258
«То мальчик пишущий, то девочка...» (1996)	258
Сентябрь (1997)	259
«Ну, выпей пива — полегчает...» (1997)	260
 Сентиментальное путешествие	
Болонья (1998, 1999)	
1. «С голубизной вливаются в стекло...»	261
2. «Пусть башни склонны падать — им упасть...»	262
3. «По вечерам здесь — карнавал и пир...»	262
Генуя (2000)	263
Флоренция	
1. «Что мне до статуй косных — то толпой...» (1998, 1999)	263
2. «Ты спиши. Бесчувственное тело...» (2000)	264
3. «Если б жил в обители я Сан Марко...» (2000)	265
Пиза (2000)	
1. «Весь город пуст и нем — он ждет...»	266
2. «Фасады набережной в сон...»	266
3. «Если спросят о Пизе, отвечу: "Арно..."»	267
(Из Пинденомонти) (1998)	267
Рим (1998)	
1. «Под серпантином дьявольских колонн...»	267
2. «Из цезарей мне нравится один...»	268
3. «В рай не зайти, как в папские сады...»	268
4. «И ночью здесь толпа, но заглушен...»	269

Равенна (1998)	
1. «Всё время кажется, что море...»	270
2. »“Потому и пусты саркофаги...”»	270
3. «Ягненок льнет к Его ладони...»	271
Падуя (2000)	
1. «Гнилая челюсть — в золотой...»	271
2. «Табун столпившихся людей...»	272
Венеция (1998)	273
Эпилог (1998).....	276

НЕРАЗГАДАННЫЙ РАЙ

Ведуты

Punta della Dogana (2003)	278
San Marco (2001)	279
San Giorgio Maggiore (2003)	279
Fondamenta Nuove (2002)	280
Molo (2001)	281
Ponte di Rialto (2002)	282
Campo San Polo	
a. «Сюда, похоже, не заводят тропы...» (2002)	283
b. «Венецианского Сан Поло...» (2003)	283
Campiello Spirito Santo (2005)	284
Santa Maria della Salute (2002)	
a. «Эти купола голубоватые...»	285
b. «Санта Мария...»	286
Piazzetta (2000, 2002)	286
Венецианское утро (Rainer Maria Rilke) (2003)	287
Поздняя осень в Венеции (Rainer Maria Rilke) (2003)	287
Сан Марко (Rainer Maria Rilke) (2003)	288

Ламентации

На смерть Б. Р. (2001)	289
«В Париже было жарче, чем в Алжире...» (2001).....	292
Умирающий раб. Лувр (2001)	293
Дама с единорогом. Музей Клони (2001)	294
Александрия (начало XX века) (2000)	295
Роттердам (2002).....	295
«Благодать — сидеть...» (2001)	396
«Здесь, во Флоренции, умер Монго...» (2001).....	397
«Жили-были, пиво пили...» (2001)	398
«Я заплачу”, — мне сказано было, когда...» (2001)	398
Эхо (2001)	399
«За ткани цвета муравьи...”» (2002)	399
«Чистилищем”, “адом”, “раем”...» (2001)	300
«Я памятник воздвиг — едва ли ощутимый...» (2002)	301
«Если вновь родиться — на Востоке...» (2002)	302
Орфей. Эвридика. Гермес (Rainer Maria Rilke) (2000)	303

ДОЛИНА ЦАРЕЙ

Долина царей

Ушебти (2005).....	308
«В ларцы кедровые, как в кокон...» (2004).....	309

«Не важно — жива ли, мертва ли...» (2005)	309
«Живую дрожь вложи в слова...» (2004)	310
Назидание (2006)	311
«Теперь туристы вместо коз...» (1999, 2001)	312
«Как серб с хорватом говорим...» (2002)	313
Конец Истории (2002, 2005)	313
Пароход (2006)	314
«Дар божественный — лишь красота...» (2005)	315
«Трепетного, как ртуть...» (2000, 2001)	315
Нарцисс (2001)	316
Стефан Георге (2003)	317
«Тем — клониться к смерти, налегая...» (<i>Hugo von Hofmannsthal</i>) (2005)	317
Йена (<i>Gottfried Benn</i>) (2006)	318
Берлин (<i>Gottfried Benn</i>) (2006)	319
Изгнание из рая (2005)	320
«Дождь над речкой — как счастье из лейки...» (2005)	320
Потоп (2005)	321
«Старый и пьяный голландец в рубашке...» (2005, 2010) 325	325
«Промокнув, в баре у канала...» (2005)	322
«Мы гуляли по Дельфту, вернее — по раю...» (2001)	322
Художник (2005)	323
«Была у меня вещица...» (2003, 2005)	324
4 декабря 1909 (2005)	325
Первое сентября (2009)	325
«Жил на свете небогатый...» (2006)	326
Читающий (<i>Rainer Maria Rilke</i>) (2004)	327
К а н а л	
1. «Есть городок Любим. Когда-то...» (2005, 2006)	328
2. «Мы выходили на канал...» (2004)	329
3. «Я уходил, когда светало...» (2003, 2006)	329
«Весь Нью-Йорк, скользящий осьминогом...» (2004)	330
«В саду эдемском, не в горниле адского...» (2006)	330
«Придут — и скажут с умильнем...» (2006)	331
«Тебя, обладавшего силой...» (2006)	331
«И ответил стенаньям Иова...» (2006)	332
«Бог знает кого выбирая...» (2006)	333
«В испанском чем-то вся. И, вдохновясь порывно...» (2006)	334
«Очень странный театр, где ни зала...» (2007)	334
«То глаз янтарный тигра, то цветное...» (2007)	335
«В пернатом каком-нибудь шлеме...» (2007)	335
«Ах, не то, что в юности мечталось!...» (2007)	336
Батум (2007, 2008)	337
«Поначалу охватывал ужас...» (2007)	337
На мотив Готфрида Бенна (2005, 2007)	338
«Всё, конечно, на свете конечно...» (2008)	338
Рождествено (2007)	339
2 июля 1977 (2008)	339
«Из мраморной глыбы огромной...» (2008)	340
«И сей лекиф аттический со мною... » (<i>Gottfried Benn</i>) (2006)	341
«У мертвых нет ни зависти, ни фобий...» (2008)	342
Пастернак смотрит на кремацию Маяковского (2007, 2008)	342
«Воскрес ли, не воскрес — на совести...» (2007, 2008)	343
Гефсиманский сад (<i>Rainer Maria Rilke</i>) (2005)	343
«Задорого купил монету...» (2010)	345
«Возьми в советчики кота и петуха...» (2009)	345

Обмен

Чужестранцу (1995)	344
Книголюбу (1995)	347
Адресату в провинции (1995)	347
Филологии (2001)	348
Поэту (2005)	348
Собрату (2005)	349
Лирнику (1995)	350
Кифареду (1995)	350
P. S. (2006)	352

ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ

Архаический торс Аполлона (<i>Rainer Maria Rilke</i>) (2014, 2005)	353, 5
---	--------

Паралипоменон

«За лесом пик и копий...» (1975, 2012)	354
Литераторские Мостки (1980)	354
«Не в арабской ли сказке когда-то...» (1996)	355
«Поедем в Вырицу — мириться...» (1997)	356
«Вечерний, черезсур небрыйский...» (1997)	357
Из римских стихов (1998)	
1. «От фресок, от мозаик, от картин...»	357
2. «Возлюбленная спутница, душа...»	358
3. «Двуликий Янус, верный палиндром...»	358
Сербско-хорватский словарь (1997—2002)	
1. «Серб, словно серы в жинье, в поверженном хорвате...»	358
2. «Посылающий весть...»	359
3. «Как и в птичьем зрачке...»	359
4. «Тоже в каске, как призрак в студеном и ртутном романе...»	359
Вестник (1997—2002)	
1. «Как альпийский стрелок, как альпийский стрелок молодой...»	360
2. «Ты — не ртуть и не сера, тем более ты — не сульфид...»	361
3. «От курчавой макушки до пяток крылатых...»	361
«Он тек из бездны миллионы лет...» (2001)	361
«Езда в незнаемое — сладок...» (2001)	361
Нарцисс (2000, 2004)	362
Соборы (2002)	363
«И Путин есть, и Буш, и Ельцин, и Хрущев...» (2005)	364
Тюбинген (2005, 2013)	365
Середина жизни (<i>Friedrich Hölderlin</i>) (2004)	366
Из Верлена (2006)	366
Из Себастьяна Найта (1999)	
1. «В окне двулинзом, точно в призме...»	367
3. «Ответь, пожалуйста, была ты...»	367
Писательский дом (2007, 2012—2013)	368
Джвари (2007, 2012)	369
«Всё кончается в зале без окон...» (2010, 2013)	370

Почтовый голубь

«Ты пробуждаешься, о Байя, — Бог...» (2011)	371
«Решай же, смертный, как тебе...» (2011)	372
«Друг друга отражают зеркала...» (2011)	373

Музыка на закате (2011)	
1. «В городке, раздобревшем на соли...»	373
2. «Мой принц, мы посетили Ваш...»	374
3. «Цезари, лежащие в свинцововой...»	375
4. «Пятый век они идут по насту...»	376
5. «В старческой руке тысячелетний...»	376
6. «Музыка бывает только в Вене...»	377
«Хувишка, царь кушанский, на слоне...» (2010)	378
Романсеро (2010)	378
«Поэт описывает вазу...» (2009, 2011)	379
Н а с т а в л е н и я (2011)	
1. «Коварствами искусств насытесь наконец...»	380
2. «Тот облик, что глядит из зеркала...»	380
3. «Жизнь посредственного поэта...»	381
Вяземский (2013)	381
«Во сне привиделось: в аду...» (2011)	382
* * * (2007, 2012, 2013)	
1. «Я видел сорный Вторчермет...»	383
2. «Будет слава и слева и справа...»	383
«Деметрия Сотера и Деметрия...» (2012)	384
«Ариобарзана Филоромея...» (2012)	385
«Помолиться Ему за богов нелепых...» (2012)	386
Себастьян (2000-е, 2013)	386
Т р и с т и х о т в о р е н и я (2013)	
1. Газта	387
2. Сперлонга	387
3. Неаполь	388
Р и м с к и е д н и (2013)	
1. Circo Massimo	389
2. Palatino	390
3. Quirinale / Pinus pinea	390
4. Pantheon	391
5. Serapeum. Tivoli	392
6. 1. Laterano	392
6. 2. Santa Maria in Palmis	393
7. San Pietro	393
С арабского (2013)	394
«Благодарен: пожил немало...» (2013)	394
Левитация (2013)	395
«Странница-душа в сороковину...» (2013)	396
Баллада (2006, 2014)	397
«Не важно, в Ялте ли, в Газте...» (2014)	399
«Голубем почтовым из ладони...» (2014)	400
Вариант (2014)	400
Райнер Мария Рильке. СОНЕТЫ К ОРФЕЮ	
Часть первая	402
Часть вторая	417
Примечания	434

Автентичное написание строк, помеченных звездочкой (*), см. в более ранних изданиях.

КНИГИ АЛЕКСЕЯ ПУРИНА

СТИХОТВОРЕНИЯ

- Евразия и другие стихотворения Алексея Пурина.** СПб.: Пушкинский фонд, 1995.
- Созвездие Рыб.** М.—СПб.: Atheneum-Феникс, 1996.
- Архаика.** СПб.: Звезда, 1998.
- Сентиментальное путешествие /** Райнер Мария Рильке. **Сонеты к Орфею.** Пер. с нем. и примеч. А. Пурина. СПб.: Звезда, 2000.
- Alexeij Poerin. **De goudvink.** Vertaald door Hans Boland / **Снегирь** [билингва]. Dordrecht [Голландия]: Wagner & Van Santen, 2001.
- Новые стихотворения.** СПб.: Звезда, 2002.
- Неразгаданный рай.** СПб.: Звезда, 2004.
- Почтовый голубь.** Париж—СПб.: Голубой айсберг, 2005.
- Сочинения Алексея Пурина (1): Архаика / Евразия.** СПб.: Звезда, 2005.
- Сочинения Алексея Пурина (2): Новые стихотворения /** Райнер Мария Рильке. **Сонеты к Орфею.** Пер. с нем. и примеч. А. Пурина. СПб.: Звезда, 2006.
- Долина царей.** СПб.: Звезда, 2010.
- Ведуты.** Екатеринбург: Евдокия, 2015.

ПЕРЕВОДЫ

- Райнер Мария Рильке.** Сонеты к Орфею. Пер. с нем. А. Пурина. СПб.: Азбука, 2002.
- Мартинус Нейхоф.** Перо на бумаге: Стихотворения, поэмы, проза. Пер. с голл. К. Верхейла, И. Михайловой и А. Пурина. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003.
- Я. Х. Леопольд.** Стихи. Пер. с голл. И. Михайловой и А. Пурина. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005.
- Гвидо Гезелле.** Если сердце слышит: Стихи и проза / Guido Gezelle. Als de ziele luistert: Gedichten en Proza [билингва]. Пер. с голл. И. Михайловой и А. Пурина. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2006.
- Геррит Ахтерберг.** «Ода Гааге» и другие стихотворения. Пер. с голл. И. Михайловой и А. Пурина. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2007.

ЭССЕИСТИКА

- Воспоминания о Евтерпе.** СПб.: Звезда, 1996.
- Утраченные аллюзии.** СПб.: Звезда, 2001.
- Листья, цвет и ветка.** СПб.: Звезда, 2010.

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

- Н. Л. Уперс.** Апокрифы Феогнида. Подгот. текста и примеч. А. Пурина. СПб.: Пушкинский фонд, 2005.
- Н. Л. Уперс.** Апокрифы Феогнида. Несобранное. Изд. подгот. А. Пурина. СПб.: Звезда, 2007.